

Борис Диденко Хищная власть

Аннотация

Философско-публицистическое эссе Б.Диденко посвящено проблеме зла, порождаемого властными структурами. Автор анализирует опасности, исходящие от морально неменяемой хищной власти, и перспективы человечества на рубеже нового тысячелетия. Проблема власти рассмотрена с позиций новой концепции антропогенеза, становления Homo Sapiens, согласно которой человечество не является единым видом. Оно состоит из четырех видов, два из которых — хищные, с ориентацией на людей. Эти злокозненные существа приносят в наш мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность. Именно они на протяжении всей истории существования человечества оказываются у власти, образуют чудовищный конгломерат «сильных мира сего». Отсюда и соответствующие — столь печальные для людей — последствия.

Борис Диденко

Хищная власть

Философско-публицистическое эссе Б.Диденко посвящено проблеме зла, порождаемого властными структурами. Автор анализирует опасности, исходящие от морально неменяемой хищной власти, и перспективы человечества на рубеже нового тысячелетия. Проблема власти рассмотрена с позиций новой концепции антропогенеза, становления Homo Sapiens, согласно которой человечество не является единым видом. Оно состоит из четырех видов, два из которых — хищные, с ориентацией на людей. Эти злокозненные существа приносят в наш мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность. Именно они на протяжении всей истории существования человечества оказываются у власти, образуют чудовищный конгломерат «сильных мира сего». Отсюда и соответствующие — столь печальные для людей — последствия.

Для философов, антропологов и всех интересующихся проблемой человека на фоне кризиса культуры и цивилизации.

ХИЩНАЯ ВЛАСТЬ. ЗООПСИХОЛОГИЯ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Стадное чувство должно господствовать в стаде, — но не выходить за его пределы. Вожакам стада нужна в самом корне отличная от стадной оценка их собственных поступков, равным образом — независимым, или «хищным» животным. Смертельная вражда стада против иерархии: стадный инстинкт на стороне уравниателей (Христос).

Ф. Ницше, «Воля к власти»

Еще я чувствовал ночью властолюбцев как нечто чуждо-беспорное, что-то вроде черных скал, на которых и мох не растет... они стоят, погруженные в воду, и нет ничего у них с водой, и у воды — с ними. М.М.

Пришвин, «Зеркало человека»

В действительности есть в основном неписаная история, которая повествует о событиях, совершенно отличных от описанных нашими стерилизованными учебниками. Она повествует о преднамеренном создании войн, сознательном финансировании революций для смены правительств и об использовании конфликтов для установления Нового Мирового Порядка.

Энтони Саттон

РОДОСЛОВНАЯ ВЛАСТИ

Власть... О ней написаны горы книг. Ее по праву можно считать одной из «вечных тем», наряду с темами любви, смерти, смысла жизни... И то, что власть — зло, трудно оспаривать. Невозможно даже в общих чертах описать весь тот водопад несчастий и горя, который власть обрушивает на людей.

Преступления и несправедливости, совершённые властью имущими и равно борющимися за власть, — неисчислимы.

Человечество всё ближе подходит к пониманию проблемы власти, — зла, исходящего от властных структур. Но нет пока ответа на самый главный вопрос. Почему власть — зло?! Почему словосочетание «нравственная власть» воспринимается как совершенно немыслимое, типа «круглого квадрата» или «горячего льда»? То ли, действительно, власть портит человека, то ли сам человек до такой степени способен «красить место», что дальше некуда? Не существует понимания непосредственного «менталитета власти». Какова внутренняя (интроспективная) «психологическая картина», мотивационная основа бесчеловечного поведения самих властителей (правителей, иерархов, «авторитетов»), которые не теряя душевного комфорта, обрекают людей на невзгоды и страдания? «Власть развращает человека, абсолютная власть развращает абсолютно» Неужели любой человек, обретший власть, способен на подобное «развращение»? Или только некие «избранные»? Древние греки считали, что «власть выявляет истинную суть человека». Но что же мешает прийти к власти по-настоящему хорошим, честным и нравственным людям, да и проявлять на столь ответственном посту свою «суть» — вершить благородные и великие дела для счастья людей?

В современной жизни, в истории мы видим совершенно противоположное. Знаменитую «кротость» царя Давида, беспощадно расправлявшегося с населением завоеванных им городов. Приказывающего поголовно всех, в том числе стариков, женщин и детей, «подкладывать под молотилки, железные пилы и бросать их в обжигательные печи». «Остроумие» римского диктатора Суллы, устроившего после захвата власти резню шести тысяч своих противников, а на вопрос о том, что это за страшные крики за окнами, ответившего: «Там по моему приказу

наказывают нескольких негодяев». Нравы, наконец, нашего ГУЛАГа, уступавшие пальму первенства по жестокости разве что гаитянской «правоохранительной» службе тонтонмакутов. Ответы на поставленные вопросы дает концепция врожденных видовых поведенческих различий в человеческом семействе.

Согласно ей, человечество представляет собой парадоксальное общежитие существ несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными поведенческими комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным (несколько процентов). Вызвано это самим процессом антропогенеза. Человечество, как это доказывает великий русский ученый Борис Федорович Поршнева, в своем становлении прошло страшную стадию адельфофагии (поедание собратьев). Проще говоря, человеческая история началась с людоедства, с хищности, противоестественно направленной на представителей своего же вида. Создал человека вовсе не труд, не «естественный» отбор, а лишь предельный, смертельный страх перед «ближним своим». С этим трагическим, но неопровержимым фактом уже нельзя не считаться. На сегодняшний день — это самая правдоподобная и достоверная гипотеза антропогенеза, просто и понятно объясняющая весь круг вопросов, касающихся происхождения т.н. *Homo sapiens sapiens* [1] (концепция Поршнева изложена в Приложении, а также в [12]).

Наберусь смелости утверждать, что мы имеем здесь дело с той закономерностью, которая связывает простоту с гениальностью.

Палеопсихологическое открытие Б.Ф.Поршнева даже мало назвать гениальным, это нечто из области прозрений и откровений. Можно сказать, несколько перефразировав общеизвестные слова о существовании Бога: «Даже если бы это открытие было неправдой, то его стоило бы выдумать, ибо человечество заслуживает подобной интерпретации своего богомерзкого образа жизни».

Человечество, таким образом, потеряло статус «загадочного космического подкидыша». Оно теперь знает собственную подлинную родословную, имеет на руках достоверную «метрику», и поэтому уже не в праве «изобретать» себе «благородных, божественных родителей». Следует добавить, что это нисколько не умаляет статус человечества, а наоборот, теперь открываются совершенно новые горизонты в понимании его роли и предназначения в Мире. Но всё обстоит несравнимо сложнее, чем тот невразумительный туман детской сказки о волшебниках, который навевают религиозные и разного рода астрально-окультурные деятели.

Хотя выводы Поршнева относятся к чрезвычайно древним периодам человеческой праистории, однако его теория не содержит никаких положений, мешающих экстраполировать ее действие вплоть до сегодняшнего дня.

Построенная на этом фундаменте гипотеза видовой неоднородности человечества достаточно полно отвечает на большинство непонятных вопросов человеческого общежития.

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные) — потомки «первоубийц», «адельфофагов», и суггесторы — агрессивные приспособленцы. Суггесторы стали подражателями и приспешниками суперанималов. Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, уже «обкатанному» Природой: зверскому (жестокость и хитрость). Проявления хищного поведения весьма разнообразны — от морального издевательства до убийства. Два нехищных вида характеризуются врожденным инстинктом неприятия насилия. Диффузный вид (от «диффузия», распространение, растекание) — люди, легко поддающиеся внушению, и неантропы — менее внушаемые люди, обладающие обостренной нравственностью. Нехищным людям свойственна предрасположенность к самокритическому мышлению, не всегда, к сожалению, реализуемая.

Наиболее рельефно эти поведенческие (видовые) отличия у людей «высветил» в свое время Ф.Ницше [4]. Причины же возникновения этих отличий его ни в малой степени не занимали. Но саму проблему он всё же обозначил.

Это различия человеческого стада и сверхчеловека, представителя «расы господ»: стадное поведение большинства людей и бесспорную хищность властителей («хищных вожаков стада»). Говоря современным языком, в человечестве наличествуют и противоборствуют субъекты с диаметрально противоположными, несовместимыми поведенческими установками, имеющие весьма различные психофизиологические генотипы. Ницше счел хищность властителей желательной и даже необходимой, а мораль — жалким, утешительным уделом человеческого стада. Хочется всё же попробовать показать, что это далеко не так.

Тот способ выживания (адельфофагия), по которому пошли предки людей, палеоантроповые гоминиды, привел их к оразумлению и трансформировался в социальные формы подавления личности, или хищного диктата. Хищный диктат — это навязывание своей воли правящим (хищным) меньшинством всему обществу.

Это и юридические формы власти, и всевозможные проявления манипулирования общественным сознанием, вплоть до регламентации образа жизни, мышления, морально-этических норм. Хищный диктат и стал для человечества стержневым, определяющим все остальные аспекты человеческого бытия. Прямое влияние хищного диктата на исторические формы жизни людей и его дальнейшая эволюция, в результате приспособления к этим меняющимся условиям — такова «постоянно действующая» первопричина существования социального зла и насилия в мире.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи. Но если очень хорошо «присматриваться», и особенно «прислушиваться», то разницу всё же можно заметить. Популяционная генетика определяет это как виды-двойники. Поэтому человечество столь медленно подбиралось к выявлению и пониманию видовых различий. Расовые, национальные, физиологические различия ошибочно считались и всё еще считаются более существенными. Это как бы «застило» людям глаза. Борьба же с расизмом сыграла очень злую шутку с человечеством, оказав ему медвежью услугу. Несмотря на свою очевидную гуманную сущность, априорное признание всех людей единым видом застопорило научную мысль, поставило ей преграды. Все попытки преодолеть этот барьер, воздвигнутый великими гуманистами прошлого, оказывались безрезультатными, всякие сомнения в биологическом единстве человечества признавались расистскими и отменялись с порога. Пришло время пересмотреть эти взгляды.

Традиционно считается, что существуют различные степени бесчеловечности. Во-первых, религиозная нетерпимость. Затем — культурная рознь по линии «цивилизованный человек» — «дикий туземец». И, наконец, расизм — самое гнусное проявление антигуманности. Но как быть с видовыми различиями, если таковые существуют?! Как быть с той очевидной бесчеловечностью, когда человек убивает другого не за религиозные разногласия, не за дикость или цвет кожи, а «просто так» — ради собственного удовольствия или из-за денег? Таким образом, имеем еще и видовые различия в человечестве («видизм», «kindism»?).

Лишь относительно недавно стало ясным, что основные различия между людьми — это нравственные врожденные установки. Так, Шопенгауэр отметил существование врожденных «пружин» мотивации человеческого поведения:

«злобность», «эгоизм» и «сострадание» [8]. Это напрямую соотносится с жизненными ориентациями суперанималов, суггесторов, и нехищных людей, соответственно. Российский педагог, анатом и врач П.Ф.Лесгафт в своих многолетних наблюдениях над детьми-школьниками выделил т.н. «школьные типы»:

«честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный», — первые два из которых лишены моральных параметров. Повзрослев, нравственных чувств они в себе никак не добавляют. «Утром, убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника»

[9]. При негативном воспитании три «основных» типа деформируются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них также лишь последний обладает нравственностью (даже — обостренной, что свойственно неоантропам). «Интеллектуальные

особенности, эмоции, воля, темперамент — это всё производные. Но вот чем человек действительно отличается от животного, так это нравственностью» — утверждает современный психолог Иг. Смирнов, и с ним трудно не согласиться.

Таким образом, хищные представители человечества с нравственной точки зрения действительно не являются людьми. Понятно, что их внутренний мир должен быть весьма отличным от психологии нехищных людей. Они-то и есть те самые, которых Гегель определил «морально неменяемыми», а Шопенгауэр — «лишенными морального сознания».

«Второсигнальные», обладающие речью, рассудком — и потому предельно опасные — звери среди людей! Их следовало бы именовать хищные гоминиды, и, в принципе, заниматься ими должна бы такая отрасль знания, как зоопсихология. Но вместо содержания в исследовательских вольерах именно эти злокозненные существа на протяжении всей истории существования человечества оказываются у власти, образуют чудовищный конгломерат «сильных мира сего».

Отсюда и соответствующие — столь печальные для людей — последствия.

Что же может грозить людям при продолжении хищного владычества в обществе, и каковы перспективы у человечества? Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо полностью оценить опасность, исходящую от хищной власти.

Для этого требуется проникнуть в «стан врага» — во внутренние области хищного сознания. Представить себе этот своеобразный менталитет. Уяснить глубинные мотивы действий «персон власти» и узнать их цели. Каковы они? Есть ли у них таковые?

СТАНОВЛЕНИЕ ХИЩНОСТИ

Для того чтобы понять хищную злонамеренную направленность именно на людей, необходимо рассмотреть механизм становления человеческой хищности.

У всех плотоядных и всеядных высших животных по отношению к их потенциальным жертвам имеются физиологические преимущества. Когти, клыки, скорость передвижения, физическая сила и т.п. У хищного же человеческого детеныша, еще совсем несмышленного, никаких таких преимуществ нет. Это «обиженный судьбой» хищник. Но в то же время и ему необходимо удовлетворение своего хищного инстинкта. Надо на кого-то охотиться. Ясно, что добычей, доступной для него, явятся в основном другие дети. Они — жертвы подходящие, доступны для нападения, — практически беззащитны, легко догоняемы. Хотя есть еще и другие жертвы — это домашние животные, которых малолетние хищники подвергают мучительству и страшным казням. Во многих младших детских группах есть кусающиеся дети. Причем этому никто их специально не учил. Это, возможно, не показатель, курьез, но он характерен. Именно так, инстинктивно, происходит оформление хищности. Этот видовой признак столь мощный, что его невозможно подавить. У взрослых индивидов он становится неодолимым (компульсивным). Хищнику постоянно требуются жертвы, как наркоману — доза.

Вот так жалко и ущербно оформляется — в итоге столь страшная — авторитарная установка и направленность хищности на людей. Тем самым взращивается хищная видовая агрессивность в человечестве. Она принимает самые различные формы. Правда, суггесторы в плане выработки собственной хищной установки несколько «продвинуты», в сравнении с суперанималами. Они сначала находят, создают референтный (желательный) образ, а затем уже по нему «настраивают» свое поведение. Обман — это всё же значительное интеллектуальное преимущество, и он требует для себя более сложного «включения». Поэтому суггесторы заведомо умнее (хитрее) суперанималов.

Последние, как правило, — прямолинейны, не понимают многих нюансов, но часто чувствуют их инстинктивно. Тем не менее, их поведение нередко бывает неадекватно внешним обстоятельствам. Вот почему их так много гибнет.

Предусмотрительность и осторожность — это «для слабонервных», не для них. Их качества и кредо — азарт, безрассудная отвага, беспощадность...

При подобном становлении инстинктивно-агрессивного отношения к другим человеческим существам очевидно то, что в психике нет места для какой-либо нравственности. Уже на самом раннем этапе становления хищности — полная несовместимость агрессивности и сострадания. Это диаметрально противоположные стратегии видового поведения.

Хорошо еще, что проявляется это инстинктивное влечение не в самой своей жуткой — потенциально возможной — форме. Дети, полностью предоставленные сами себе, — чудовищная вещь. Спасают положение лишь усилия взрослых. Они постоянно одергивают детей, наказывают их за серьезные проступки, и, тем самым, хищные поползновения и агрессивные устремления как-то пресекаются. К несчастью, хищное поведение по заразительному «закону дурного примера» нередко подхватывается и нехищными индивидами, происходит их «охищнение». Человек, как и все приматы, необычайно склонен к подражанию.

К тому же отмеченное одергивание не имеет повсеместного распространения.

Хищные родители обычно не только не пресекают подобное поведение собственных отпрысков, но даже поощряют оное. Это попустительство — «легальность» авторитарной установки в современных обществах — является наиприветливее заблуждением человечества. Авторитарность должна стать недопустимой, осуждаемой обществом. Ибо, какая там может быть нравственность, если жизненная установка у хищных — «подложить свинью» ближнему своему, придавить его любым путем?!

По логике вещей, авторитарные дети должны каким-то образом изолироваться и воспитываться особо. В этом не содержится ничего чудовищного или предосудительного. Подобные службы — всего лишь гипотетический аналог нынешних интернатов для олигофренов. И здесь совершенно незачем лукавить.

Хищные тоже являются неполноценными, дефективными. И они так же должны быть под контролем общества. В таких учреждениях они будут находиться до самого своего взросления, а затем соответствующим образом трудоустраиваться. К их услугам масса рискованных и опасных профессий, никак не связанных с бременем власти. Но к работе с людьми их необходимо законодательно признать профессионально непригодными! Только и всего! Понятно, что здесь целый «воз» проблем: кто должен принимать подобные законы? кто кого будет контролировать? как всё это будет воспринято обществом, в особенности хищной его частью? и т.д. На все эти вопросы ответить невозможно, пока не начаты конкретные «революционные» действия. Как говорили большевики, «лишь практика — критерий правильности теории», или, в ленинской интерпретации, «главное — ввязаться в драку, а там видно будет». К сожалению, «видовой драки» человечеству, вероятно, не избежать.

Собственно говоря, видовая неоднородность человечества достаточно очевидна. У высших млекопитающих существует определенная внутривидовая агрессивность. И как закон, она всегда является примерно одинаковой внутри вида, т.е. колеблется около некоего усредненного уровня. И никогда крайние выражения этой агрессивности качественно не отличаются от среднего значения, только — количественно. «Перехлесты» ее очень редки, хотя и бывают, но всегда — в порядке исключения, в экстремальных условиях. У человеческих же индивидов наблюдаются отчетливые «разрывы» уровня агрессивности поведения.

Существуют различные качественные степени агрессивности, что никак не может быть присуще единому виду, и говорит о наличии в составе человечества разных видов.

Повышенная агрессивность может направляться либо на другой вид, либо на «чужих» при «территориальной борьбе». Шимпанзе, например, способны убивать «нарушителей границ». Но крайний уровень агрессивности в подобных битвах «своих и чужих» демонстрируют серые крысы [10]. В этом плане человечество со своими постоянными войнами действительно похоже, и очень сильно, на сообщество крысиных популяций. Но есть важные различия.

Во-первых, человеческая агрессивность пронизывает все территориальные общности людей насквозь, в каждой из них имеется несколько процентов (от 1% до 15%) предельно безжалостных и коварных (своекорыстных) индивидов.

Во-вторых, люди обладают таким «малозаметным» качеством, как понимание своих поступков, и они способны указать точно на те из них, которые приносят другим людям горе. Но «почему-то» не отказываются от злонамеренных действий.

Поэтому существование непрерывного видового спектра поведенческих характеристик, в отношении человеческой агрессивности, невозможно. Это противоречит широте, даже несовместимости отдельных точек его диапазона — от убийцы-садиста людоеда Чикатило до праведника Махатмы Ганди. Другими словами, такое разнообразие поведения невозможно в рамках однородного «антропологического множества». Этот спектр прерывается, и, следовательно, именно эти разрывы должны рассматриваться как границы видов. Иначе эта разница необъяснима! В математике есть так называемые «прерывисто-непрерывные» функции. Такова же картина и здесь, если представить агрессивность, как функцию, с присущей каждому индивиду степени ее проявления (реального или потенциального).

Нехищный диапазон: участок этой функции (в направлении возрастания агрессивности) таков. Оскорбить нечаянно -> обидеть словом -> ударить в сердцах, сгоряча -> ударить со злостью, «за дело». Далее следует экстремальный участок: изувечить или убить, обороняясь -> убить в пьяном виде -> убить, будучи «втянутым» в преступление и оказавшись в безвыходном положении. Неоантропов практически невозможно «подвигнуть» на убийство, тем более бытовое или преступное, необходим предельно мощный стимул: защита семьи, Родины. Большинство людей на планете спокойно живут всю свою жизнь без борьбы за власть и не совершают никаких преступлений против общества и личности, тем более — по собственной инициативе. Даже среди преступников насчитывается огромное число людей, нарушающих закон лишь под давлением жестоких жизненных обстоятельств.

Следующий участок — суггесторная агрессивность. Причинить боль исподтишка -> ударить сильно, «с удовольствием» -> оскорбить, унижить словом, специально найти, что сказать («компромат») -> устроить пакость,

«подлянку» -> доставить издевательское страдание: моральное или физическое, вплоть до изощренных пыток -> убить с определенной целью: меркантильной или из мести -> изнасиловать, затем убить жестоко и мучительно для жертвы, садистски.

И наконец, крайняя, «ультрафиолетовая» часть хищного «спектра злобности» — агрессивность суперанималов. Смертельно оскорбить, провоцируя на жестокую драку -> полностью придавить психологически, сделать зависимым, растоптать как личность -> предельно унижить, изнасиловать, «опустить» -> избить так, чтобы искалечить, изуродовать -> убить жестоко и бесстрастно -> убить изуверски, с нанесением множества смертельных ран уже мертвому.

У обоих хищных видов не существует «экстремальных» участков, скорее, наоборот, именно в обычных условиях им приходится наиболее трудно, необходимо сдерживать себя, при любом же удобном случае («хороший» повод, подходящая ситуация, — та же экстремальная или «революционно-перестроечная») они с удовольствием дадут выход злобным собственным инстинктам.

Соответственно этим уровням агрессивности, пытаются выстроиться и самовоспроизводиться системы доминирования (иерархии) во всех человеческих сообществах. Правда, соответствие это уже не носит характер «один к одному», предельно жестокие властные режимы суперанималов — деспотии, тирании — уже почти полностью ушли в прошлое, хотя и бывают кое-где реликтовые вспышки. Еще они могут в «неофициальной» форме существовать в криминальном подполье. Сейчас властные структуры стали вотчиной суггесторов, и всё же трудно считать это свидетельством общественного прогресса, скорее, это

очень похоже на разницу в «сладости хрена и редьки».

Но власть существует и в научных, и производственных коллективах, и она подчас принимает крайне конфликтные формы, как хорошо всем известно.

Свары в наших «Малых» и «Больших» театрах стали сейчас более популярными у театралов, чем самые аншлаговые спектакли.

Так как же определить — кто у власти? И есть ли власть нехищная, и если таковая существует, то где она заканчивается? И где начинается хищная власть? Ответить на эти вопросы можно, лишь поставив дополнительный, уточняющий вопрос: «кому выгодна такая власть и какие она принесет выгоды?» Тогда станет ясно, что для хищной власти предпочтительны те области, в которых есть хотя бы одно из трех условий. От такой власти можно либо получить деньги, обогатиться (власть без славы), либо приобрести славу, популярность (деньги чуть позже), либо иметь возможность непосредственно морально и физически безнаказанно подавлять людей (а не то и уничтожать их).

Вот три составные части хищной власти. Наиболее предпочтительно для нее обладание всеми тремя компонентами, что обеспечивает лишь полновластная диктатура. Отсюда и следует то, до какой степени может продвинуться нехищный индивид на таких путях хищной власти.

Можно выделить два момента в продвижении хищности власти.

Во-первых, в тех местах, куда попадают хищные, ими сразу же или постепенно предпринимаются попытки всё перестроить на свой зоопсихологический лад, охищнить место. Как только начинается подавление коллектива, это значит, что власть либо захвачена хищными, либо произошло ее охищнение, «заражение хищностью» (руководством взяты на вооружение хищные методы). В самом безобидном коллективе может объявиться и проявиться во всей красе хищное чудовище. Хищные индивиды могут легко подавить небольшой коллектив, но довольствоваться этим они долго не смогут. Они органически неспособны на это, — у них быстро возникает пресыщение, поэтому им требуется экспансия (экстенсивный рост поля применения их агрессивности). Только нехищные,

«стадные» люди могут практически неограниченно долго работать на одном месте и добросовестно выполнять свои служебные обязанности без желания кого-то «подсидеть».

И во-вторых, существуют сами по себе жуткие, заведомо охищенные области «деятельности». Торговля, политика (война в том числе), уголовщина (воровство, наркобизнес и т.п.). Там уже царит безнравственность как таковая. «Бесчестность является неотъемлемой частью самого существования частной торговли... Пренебрежительное отношение к своим конкурентам — отношение, абсолютно лишенное порядочности — служит важным средством предпринимательской деятельности» [7]. Эти области как будто специально созданы для хищных; вернее, именно ими они были созданы и освоены. Поэтому там могут уверенно функционировать только хищные (другие не приживаются или «не выживают»).

В то же время не всякое место можно охищнить. Например, не станет хищник наслаждаться властью в грязном забое, в качестве бригадира замурзанных дочерна проходчиков. Хотя на каком-то этапе своей карьеры хищного индивида можно встретить на самом жутком производстве. Но только — недолго, для саморекламы или «для дела». Можно вспомнить, с какой гордостью Ельцин в своей «Исповеди на заданную тему» пишет о том, как он в течение года по месяцу перебивал, «попритарчивал» в качестве рабочего разных специальностей [21].

У хищных видов есть еще одно преимущество. Им присуще раннее видовое самоосознание (самоидентификация). Они очень рано обретают ощущение своего «выгодного» отличия от окружающих. Ощущение способности тем или иным образом психически подавлять других индивидов, успешно воздействовать на них в своих интересах, плюс неборимое

желание делать это. Это тоже чисто инстинктивное, животное чувство, и потому необычайно сильное. Со временем оно перерастает в непоколебимую уверенность в своём превосходстве. Эта «мания величия» сопровождает хищного индивида всю жизнь, даже без «достаточных для себя оснований». Она является интеллектуально-психологической инверсией самокритического мышления, свойственного лишь нехищным людям.

При хищной ориентированности диффузного индивида (подвергшегося хищному внушению, «охищнению»), его уверенность в себе вырабатывается с трудом. К тому же она никогда не бывает «постоянно действующей» и устойчивой. Любой хищный индивид достаточно быстро собьет с такого видового «самозванца» всякую спесь и самоуверенность. Когда же хищные «нарываются» друг на друга, то возникает конфликтная ситуация, удачно называемая «нашла коса на камень». Между ними неизбежно начинается пикировка, переходящая в «борьбу», чаще всего заканчивающуюся чьей-то победой. Союзничество между хищными всегда ненадежно. Если такой «союз» и возникает, то каждая из сторон всегда преследует некие своекорыстные закулисные цели. До конца честных взаимоотношений между хищными не бывает. В любой момент каждый из них может быть «продан» или «сдан», несмотря на годы знакомства и даже «дружбы». Если «Боливару не вынести двоих», то обязательно одному из этих двоих — крышка.

На бескорыстную преданность способны лишь нехищные люди.

Раннее видовое самоосознание и самоуверенность хищных ставят их в выгодную позицию. Они всегда «ходят первыми» и постоянно успешно «играют на опережение» с нехищными людьми. Когда нехищные люди, бедолаги, спохватываются «задним умом», то уже бывает поздно. Они оказываются полностью повязанными путами хищного мира. Раньше — в откровенно «плотоядные» времена — хищные владыки искренне верили в свое сверхъестественное происхождение. Были повсеместно распространены легенды о божественном происхождении предков правителей, а не то и их самих. Отсюда полная уверенность в собственном надчеловеческом предназначении и в праве на любые насильственные действия по подавлению других людей — «презренных рабов», «недостойных холопов». Некий реликт этого, — существующий и поныне догмат о непогрешимости ватиканских пап в современном католицизме. Несмотря на всю свою нелепость и карикатурность, он позволяет римским папам сохранять свой божественный ореол в умах миллионов «диффузных» католиков. Долго, до конца Второй мировой войны, продержался в истории и божественный статус «детей Солнца» — японских императоров (микадо).

Сейчас у хищных появился новый «бог» — «политика». И этот «бог из политической машины» точно так же отпускает им все их «грехи» и преступления. Появилась возможность оправдывать свою агрессивность и авантюризм «высшими политическими интересами». «Политики буквально теряют рассудок от тщеславия, смотрят на каждое свое слово и каждую позу как на нечто такое, что имеет историческое значение, решает судьбы народов. Болезнь „звезд“ стала профессиональной болезнью политиков, наряду с киноактерами и спортсменами. Политические спектакли занимают огромное место в средствах массовой информации. Если бы здравомыслящим людям в концентрированной форме показали политические спектакли последних десятилетий, они подумали бы, что им показывают сумасшедший дом» [26].

ВСЯКАЯ ВЛАСТЬ ОТ БОГА?

Но может быть люди, как всегда, заблуждаются? А вдруг всякая власть и впрямь — от Бога? И все наши властители, несмотря на все свои чудовищные качества, — это суровые врачеватели человечества, спасители людей? Они — именно и есть те господние пророки, которые ведут нас через социальные «тернии к звездам»? А мы — жестоковывные — ругаем и клянем их напрасно?

Попробуем разобраться в этом противостоянии — хищная «раса избранных» и «стадо».

Есть ли здесь правые и виноватые? И постараемся быть объективными.

Если строго руководствоваться логикой, то необходимо признать позицию хищных правомерной и естественной. Декларирование ими своего превосходства неоспоримо, в логике отказать им трудно. «Ну, как еще можно относиться к этим трусливым, забитым недоумкам? Подумаешь, добрые они, видите ли. Так это ж у них от слабости, от трусости. Да, да! — именно из-за отсутствия у них мужества, смелости, силы воли. Всего того, что есть в избытке у нас — у сверхчеловеков! А это глупое хамское быдло не только можно, но даже нужно гонять и презирать. Им, вон, мизерную зарплату по году не платят, а они всё „ходят и ходят“ на работу. Они же — прирожденные рабы. А дай им волю — так всё прахом пойдет. Не дай Бог пана из Ивана!»

Всё правильно, оспорить что-либо здесь трудно. Обвинений подобного рода в адрес нехищных людей можно выдвинуть несчетное множество. Можно даже создавать целые «научные» теории на эту тему, как например, многочисленные «сказания» о русском мазохизме. Симпатий поведение «хамского быдла» вызывает мало, в лучшем случае — жалость. Но, в основном, — раздражение. Ну, как же так можно себя вести? Трусливо, нелепо, убого. Смиряться с унижением, бесправием, безропотно обрекать себя на уничтожение... (Для сведения дотошного читателя следует, наверное, сообщить, что автор без всяких колебаний относит себя к диффузному виду, все вышеупомянутые качества быдла у него налицо, но его это несколько не огорчает. — Б.Д.)

Будем объективными и честно признаем, что хищные по-своему правы, заявляя о себе в «превосходной степени». Но всё же надо поискать контраргументы. Да, они действительно более смелые, энергичные, решительные.

Так почему же именно им и не повелевать?! Это их право.

Но (контраргумент N1) все эти их преимущества вызваны отсутствием у них нравственных «тормозов». Они лишены сомнений, но ведь как говорит В.Шекспир: «трусами нас делает раздумье». Другими словами, самокритичность, — это то, чего у них нет и в помине.

Ну и что?! Подумаешь, совести у них нет — так это ж мелочь. Даже хорошо! Ведь именно это и придает им психологическую силу. Но силу — кажущуюся (контраргумент N2), ибо при жизненной необходимости, оказавшись в экстремальных условиях, в «пограничной ситуации», нехищные люди нередко проявляют немислимую отвагу и недоступную хищным самоотверженность.

Достаточно вспомнить подвиги российских солдат в оборонительных и освободительных войнах.

И еще (контраргумент N3 — самый важный). «Правота» хищных обоснована лишь в том случае, если ничего Высшего в Мире для человека не существует. Если Жизнь на Земле, как считают некоторые ученые, — это всего лишь биологическая случайность. Некий очередной энергетический выброс Хаоса-Вакуума. Чисто вероятностным путем, в мириадах мириадом безрезультатных флуктуаций в потоке возникновения и гибели вселенных, образовалась бессмертная (пока) структура самовоспроизводящейся молекулы — репликатора. В ходе эволюции этот репликатор и дал всё ныне существующее многообразие форм Жизни на Земле. Все живые существа — это лишь «машины для выживания генов», совершенствующиеся в ходе эволюции. И поэтому совсем неважно как мы «отживём» свой случайный век — хорошо или плохо для других людей — таких же случайных «попутчиков». Погуляли, пошумели, кто, как смог, и — аут! — назад, в мир минералов. «Из праха ты создан, прахом и станешь...»

Но если это Нечто Высшее всё же существует или же для человечества возможно восхождение к совершенно иным горизонтам, то всё тогда меняется, с точностью до наоборот. Тогда уже безусловно (!) правы нехищные люди, — сдерживающие себя от безнравственных

поступков тем или иным внутренним тормозом. Страхом, стыдом, совестью, состраданием. Ведь культура — это и есть результат такого процесса самосдерживания, самоограничения, взаимоуважения. «Культура — система запретов». В противном случае — при «социальном беспределе» — возникает неизбежная чудовищная череда насилия, войн и криминальных революций.

И такой путь самовосхождения для человечества возможен.

Непосредственное тому доказательство — технический прогресс. На чисто естественнонаучном пути открываются воистину удивительные горизонты. Их по праву можно именовать сверхъестественными, причем безо всякой магии,

«блатващины» и прочей астральной белиберды. Ученые уже подбираются к пониманию глубинной фрактальности Мира. Похоже, во Вселенной существуют некие квази-интеллектуальные информационные поля, оказывающие прямое воздействие на живую материю через структуры ДНК [17]. Всё то, что создано людьми, «неприродный» мир, в котором живет современный человек, создано именно естествознанием. Создано тяжким трудом и интеллектуальными поисками, а отнюдь не медитациями и оккультизмом. «Лучше час подумать, чем сутки молиться». Единственное препятствие такому самовосхождению человечества — это хищный неразумный диктат, всё еще существующий в мире. Все достижения научного прогресса именно хищные властители тут же берут на вооружение и оборачивают человеку во зло. Из-за этого и сам технический прогресс уже стал невероятно опасным. Наука перестала быть «вольницей интеллектуалов», она почти безропотно легла под диктат государства, монополий, всеми делами заправляет в ней сейчас суггесторная «технократия». Честные нехищные ученые вынуждены разрабатывать и внедрять в жизнь чудовищные людоедские проекты, бороться же с этим мало у кого из них достает сил. В итоге получается, что _разумные существа обслуживают всемирное зверство!_

Всё это во многом перекликается со знаменитым тезисом Ф.М.Достоевского: «Если Бога нет, то всё позволено». Ну, а если и на самом деле Его нет?! Ну и что делать? Как говорится, «на нет и суда нет». Ведь даже если весь земной мир — это невероятная случайность, то человек-то обладает рассудком и разумом, тем самым он возвышается в нём качественно.

Уже только поэтому он должен вести себя соответственно — сообразно своим столь необыкновенным задаткам, безо всяких дополнительных условий. И уж тем более он не имеет права использовать рассудок в качестве оружия. Это уже и так привело Жизнь на Земле к угрозе гибели. Рассудок достался человеку через страх, во спасение. А постоянно совершенствуемым оружием люди сделали рассудок сами — под прямым и неодолимым влиянием хищных. Поэтому человек должен вести себя «боязненно» даже и без Бога. Первый шаг в этом направлении уже сделан Альбертом Швейцером. Он создал этику «благоговения перед Жизнью»

[15].

Правда, Жизнь без учета «человеческого фактора» невероятно жестока и беспощадна к слабым, благоговеть перед ней как-то «нет настроения». И адельфофагия — с точки зрения Природы — пустяк. Для нее и не такие жестокости в порядке вещей. Конечно же, это жестоко исключительно с человеческой точки зрения. «Человек — мера всех вещей — звучит гордо». Хотя всё это говорилось в пылу гордыни, но действительно только Разум Человека — один-единственный — стоит «поперек» дороги немилосердности Природы. Один в поле воин... Хищные же являются полномочными представителями беспощадной Природы во владениях Разума. Они здесь незваные и крайне нежелательные гости — бесчинствующие, смертельно надоевшие, всех «доставшие».

Разум хочет выйти из узких для него рамок животного мира. У него должно быть некое высшее предназначение. Иначе — отсутствует какой-либо смысл... _Но пусть и нет этого Высшего Смысла, всё равно у Человека Разумного нет иного выхода. Ему необходимо идти по пути самосовершенствования, познания Бытия и созидания истинно гуманного общества. И

тогда смысл этот обретается, создается самим человеком, но — Человеком Разумным. _

Если провести аналогию с Природой, то можно сказать, что она в лице эволюционного механизма естественного отбора полностью на стороне человека разумного. Основной принцип эволюции — передача управления новообразованным усложненным центрам. Появилась вторая сигнальная система — и управление человеческим организмом на высшем уровне было передано ей.

Точно так же, можно и хочется надеяться, произойдет и с Разумом. Он появился, и человек разумный должен (в худшем случае, вынужден) будет руководствоваться именно им во всех сферах. В том числе, и даже главным образом, — в сфере управления обществом. Сюда насущно необходимо привести, как первостепенные, принципы разумности, добра, справедливости.

БОРЬБА ВИДОВ

Таким образом, человеческие сообщества состоят из противоборствующих друг с другом антагонистических групп. Но не классов, как считалось прежде, а — видов. С одной стороны, «нападающие» — хищные представители человеческого семейства. С другой, — основная масса подневольных нехищных людей, — «обороняющееся стадо». Хищные к тому же дополнительно усилены обрамлением подручных, приспешников. Последние не всегда хищные, но всегда — хищно ориентированные. Это — «предатели стада»: в зависимости от социальной обстановки их количество меняется, но всё же предателей бывает достаточно много во все времена. К «нападающим» нужно отнести всех угнетателей без исключения. В эту — истинно анти-социальную — группу равноправным образом включаются как власть имущие политики и финансовые олигархи, так и «бесправные» уголовники. Уголовники — это всего лишь «братья самые меньшие» правящего класса.

Аристотель в своей «Политике» упоминает клятву олигархов. «И я буду враждебно настроен к простому народу, и замышлять против него самое что ни на есть худое» [16]. Сейчас подобное «официальное» признание вырвать у правителей было бы трудновато, разве что с помощью инъекций «сыворотки правды». Тем не менее, всё осталось по-прежнему. Народ постоянно живет в ожидании всякого рода «самых что ни на есть худых» неприятностей от властей.

Если что и делается для народа, то только под влиянием общественных протестов. Любая реформаторская деятельность, способная принести конкретную пользу простым людям, абсолютно противоестественна для правительств. Точно так же волки должны относиться к «вопросу безопасности» курируемого ими стада. Это противоречит душевному складу высокопоставленных хищников.

Складывается такое впечатление, что подобные мысли для них очень неприятны, что-то вроде зубной боли. (Лишь на время предвыборных кампаний эта боль их отпускает, дабы не мешать их пудовым языкам раздавать налево и направо лживые обещания). И приводят эти мысли к еще большему озлоблению властителей. Действительно, как только у властей появляется возможность устроить людям пакость, — «закрутить гайки», поднять цены, увеличить налоги или повысить квартплату, то делается это неотвратимо и незамедлительно.

Так что все прогрессивные завоевания народов являются завоеваниями в буквальном смысле слова. Иногда это результаты мощных стихийных выступлений. «Хлебные», «медные», «соляные» и т.п. бунты. Но чаще — это последствия организованных крупномасштабных акций, подготовленных и возглавляемых оппозиционными хищными. Да и нынешний исправный налогоплательщик стран «золотого миллиарда», благополучный житель Запада, относящийся вовсе не к «простому народу», а скорее — к удачно пристроившемуся к паразитирующему на странах Третьего мира хищному контингенту, — и тот не может спать спокойно. Он постоянно чувствует «крысиную возню в верхах», всегда чреватую для него понижением его жизненного уровня. Помнятся кадры, показанные как-то по ТВ.

Многотысячная обезумевшая толпа. Хватающиеся за сердце и падающие на землю молодые еще люди. Это — где-то в Гонконге или Японии разорился какой-то крупный банк. А от сердечных приступов падали его вкладчики. Так что все наши МММ — это мелочи, «цветочки». То ли еще будет!

Конечно же, нельзя огульно подходить ко всему «правлящему классу», и безоговорочно причислять всех его представителей к хищным видам, «врагам народа». Подобная ошибка была допущена в теории и в практике (!) классовой борьбы. Но рациональное зерно в идее классовой борьбы несомненно есть, и хоронить ее рано. Она теперь может обрести новую жизнь, но уже, возможно, не в тех своих жутких, «ветхих» формах. Эволюция хищного диктата, вся история человечества — это именно «борьба видов». Классовая же борьба — это лишь предварительный, «сырой», «вульгарный» вариант борьбы видов. Но «не бывает дыма без огня», общего у них, понятно, очень много. Положение дел постепенно прояснялось и уточнялось. Сначала марксистские социологи противопоставляли «буржуазию» и «пролетариат». Не то, чтобы от незнания видовых различий, они вообще игнорировали психологию личности, как таковую. Понятие «пролетариат» означало в XIX веке обманутый класс (всего лишь работники физического труда), обреченный на массовое обнищание. С тех пор положение изменилось.

«Пролетария» заменил «трудящийся», сюда добавили всех людей, выполняющих важную для общества работу — врачей, учителей, научных работников и т.д. Так что теперь основные классы — это класс работодателей и класс нанимаемых. И видовые различия существуют среди обоих классов. Есть нехищные капиталисты, предприниматели и хищные рабочие, служащие. Понятно, что тех и других в процентном выражении не так уж и много, но они есть, и это обстоятельство сильно запутывает общую картину видовой борьбы.

В общем случае борьбу видов можно сравнить с шахматной партией (понятно, что фигур на «земной доске» — многие миллионы), с той особенностью, что часть белых фигур играет (вынужденно, в силу обстоятельств) на стороне черных, а некоторые черные притворяются (для собственной выгоды) белыми. Ко всему еще «черные» играют жульнически,

"по-ноздревски: делают по несколько ходов кряду, часто ходят не по правилам.

Отжулили они и первый ход, причем сделали сразу много ходов, доведя игру чуть ли не до мата. Кто здесь «былые» и кто «черные», наверное, пояснять не надо.

С одной стороны, — подавление, эксплуатация хищным меньшинством нехищного большинства. С другой, — борьба этих угнетаемых (в основном нехищных) людей за улучшение своих жизненных условий. И весь прогресс (если это можно назвать прогрессом) состоит в том, что предельно жестокие формы эксплуатации простых людей (деспотии, тирании и т.п.), использующие методы прямого физического подавления сменяются формами изощренного, интроспективного воздействия («мягкого насилия»). Сменяются медленно и «неохотно». При этом используются всевозможные средства манипуляции общественным сознанием. Формирование убогого внутреннего мира подневольного человека есть первейшая задача хищного диктата. Это — основа его существования. Новые изощренные средства закабаления превращают людей в послушных биороботов, воистину, — «недочеловеков». За сколько-нибудь сытую обеспеченную жизнь люди отдают взамен всё то высшее человеческое, что в них с таким трудом было заложено Природой. Это напоминает библейскую историю о чечевичной похлебке, но — в глобальном масштабе.

Следует также различать истинных верховных иерархов и официальных лиц, оказавшихся волей судьбы и обстоятельств у власти. Это напрямую перекликается с такими понятиями социальной психологии, как формальные и неформальные лидеры. Истинные высшие иерархи капиталистического Запада — это вовсе не президенты, не премьер-министры. Эти — всего лишь высшие «клерки власти», «проводники хищного диктата». Правит балом плутократия, финансовая олигархия капиталистического мира. Она имеет в своих руках самое мощное ныне орудие подавления народных масс — деньги и аппарат их движения, трансформации. Да и у

нас положение сейчас точно такое же. Вот что пишет А.

Солженицын в газете «Русская Мысль». «Создалась устойчивая и замкнутая олигархия из 150-200 человек, управляющая судьбами страны. Членов этой олигархии объединяет жажда власти и корыстные расчеты. Происходит сращение новых мощных криминальных капиталов с властью». (Обнародовал бы уж и списки.

Обнародовать — в каком-то хорошем смысле очень похоже на «обмолотить»!)

Здесь с очевидностью проявляется аналогия политических деятелей с преступниками. Даже не аналогия, а тождественность. Но они — лишь первый эшелон, видимый, «исполнители». За ними в тени стоят подлинные властители — финансовые олигархи, «заказчики». А.А.Зиновьев называет этот властный уровень сверхгосударственным, сверхвластью [26]. Его структура не изучена, это одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, что ничего подобного нет. Лишь время от времени в СМИ проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи сверхвласти. Публичная власть не делает важных шагов без ее ведома.

Но во все времена политическая власть как-то затмевает экономическую. Деятельность «цезарей» финансовых империй явно остается в тени. Их сидячие, «офисные» победы не очень видны. Хотя их всё время пытаются как-то «вытащить за ушко да на солнышко». Первым это сделал Христос, некогда выгнавший менял из Храма. Столь же мощный «удар снизу» нанес им Маркс. Но менялы, наверное, на следующий день вернулись к своим лоткам, воровато озираясь: а ну, поди-ка, Иисус второй раз придет, вот тогда устроит им «светопреставление»! Для капиталистов Марксов гнев тоже, как видим, что с гуся вода. Укоротили, правда, с неохотой, рабочий день для быдла до 8 часов. А ведь люди работали по 16, а то и 18 часов в жутчайших условиях, буквально умирая с голоду! Вспомним демидовские заводы или факты из классической работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А чего стоит повальная, смертельная пеллагра (вызванная тем, что людей в основном кормили протухшей солониной) в 1920-1930-х годах на хлопковых плантациях «свободолюбивой» Америки? Фундамент капитализма — это человеческие кости. Не счесть замученных непосильным трудом бесправных людей. И какой страшной кровью пришлось добиваться некоторых «послаблений»! Сколько людей полегло в этой борьбе на всех континентах (за малым вычетом Антарктиды)! И ведь не от доброты душевной капиталисты перестали морить людей голодом и изнурять непомерным трудом, а просто это оказалось вынужденной мерой: кормить работника иногда выгоднее. Но если выгода эта теряется, — хищная власть тут же берется за старое. Взять тот же наш ГУЛАГ: «экономически» проще было «оформлять» и привозить новых ээков, чем «возиться» с доходагами. Ничем не лучше и нынешние алмазные и золотые рудники Южной Африки, где после трех лет работы человек, надышавшийся кварцевой пылью, уже не жилец на этом свете.

Дешевле нанять новых смертников, нежели тратится на охрану труда. Подобные примеры можно множить бесконечно...

Понятно, что первый шаг, начальный ход механизма любой власти — это подчинение, угнетение человека человеком. Убийство, физическое подавление и, наконец, экономическое закрепощение — эксплуатация человека человеком, его опосредованное закабаление с помощью денег. И эта власть денег становится ныне более могущественной, нежели политическая. Прямо, как в картах: старше короля лишь туз («асе», древнеримская монета «асе») — деньги. Поэтому, вероятно, близится конечная победа финансистов (если Ничего не произойдет из ряда вон выходящего, что сломало бы эту чудовищную экстраполяцию), они постепенно — и давно уже — захватывают государственную власть. Явный прецедент был создан еще в Италии в XV веке, когда крупнейший торговый дом Медичи установил полный контроль над городом-государством, каким являлась тогда Флоренция. Сейчас ситуация в мире повторяется, но в совершенно иных масштабах — уже во всемирных. Власть в мире переходит (перешла?!) к мировым финансовым олигархам. Политики ныне — это продажные и беспринципные марионетки, которыми манипулируют их невидимые хозяева — толстосумы.

Это до того ныне очевидно и бесспорно, что даже стало одной из будничных и расхожих тем западного (и потихоньку нашего) кинематографа.

И основной, так сказать, пафос этих заметок в том, что среди истинных иерархов, наделённых реальной полнотой власти и пользующихся ею, ни в коем случае не может быть разумных нравственных людей. Помнится известный анекдот. Мол, в КПСС (в той, которая якобы была «умом и честью эпохи») нет ни одного одновременно и честного и умного человека. На поверю, это наблюдение справедливо вообще для хищной власти, как таковой. «В каждой шутке есть доля шутки». Анекдот, но смысл у него страшный. Власть — это исконная вотчина хищных. И там никогда не сможет оказаться честный и разумный человек. Таким там нет, и никогда им там не было места. Во всяком случае, долго они там не задерживаются.

Достаточно вспомнить, как быстро устраняют тех политиков, которые пытаются что-либо сделать для блага народа или произвести серьезные изменения в политическом курсе. Неважно, с какой целью они добиваются этого, пусть даже это всего лишь политический ход. Их убивают неотвратимо и неустанно. Во все времена и на всех континентах (опять же вычетом Антарктиды). Улугбек, Линкольн, Александр II, Столыпин, Махатма Ганди, Кеннеди, Патрис Лумумба, Сальвадор Альенде, Мартин Лютер Кинг...

Когда политики пытаются действовать (честно или нет — неважно) в интересах народа, то их убирают раньше, чем они успеют претворить в жизнь свои пронародные проекты. Попадающие во властные структуры люди с честными благородными намерениями за то короткое время, которое им обычно отведено, всё же успевают продемонстрировать чудеса свершений, в сравнении с крысиной возней изворотливой тамошной политической шушеры. Они входят в историю самыми лучшими ее страницами.

Плохо лишь то, что тем самым они создают «защитный фон» для всех прочих чудовищ от власти. Дескать, все мы — политики — такие же хорошие.

Стараемся всё сделать для блага народа, себя не щадя. Но вот только условия-де не позволяют. Мол, «все мы — хорошие ребята, немного убийцы, но внутри добрые». Единственная польза от этих «хороших ребят» это то, что они в своей деятельности на благо народа очень часто «мочат» и друг друга:

Троцкий, Бухарин, Садат, Робеспьер...

А ведь вся социологическая проблема власти (политики, государственности) предельно проста: надо сделать так, чтобы всем законопослушным, работающим гражданам в государстве было относительно хорошо, свободно. Пусть даже и нелегко подчас, но не унижительно, не бесчеловечно. И это вполне осуществимо в условиях честной и умной власти в обществе. Честные взаимоотношения между людьми всегда существовали и существуют — те же деревенские дома без замков. А вот честной власти нет, не было и, так и напрашивается, «не будет», но это не значит, что ее не может быть как таковой. Во всяком случае, хочется надеяться, что это не так.

Ведь теоретическая часть элементарна — это «прямая демократия», самоорганизация. Именно она, и только она должна сменить нынешние методы социального управления. От государства должны быть отделены (как и Церковь) буквально все властные и законодательные службы. Оно должно оставить себе лишь чисто техническую, координирующую бюрократическую функцию: правительство — это «союз цивилизованных столоничальников», что-то типа министерства связи или транспорта. Все же основные общественные вопросы должен решать сам народ через своих непосредственных представителей. «До тех пор, пока деятельность администрации осуществляется в интересах общества, администрация составляет часть общества. Она необходима. Если же государственный аппарат претендует на роль хозяина общества и требует для себя независимых полномочий, тогда он превращается в злейшего врага общества, и с ним следует обращаться соответствующим образом» [7]. Но

«практическая сторона» такого естественного общественного порядка — вряд ли осуществима в обозримом будущем.

Психологическая же составляющая проблемы власти тоже представляется очевидной. Хищные «персоналии власти» являются самым, что ни на есть, неподходящим для этого дела человеческим (?) материалом. Необходимо создавать разумную самоорганизующуюся общественную систему, а ее нынешние потенциальные (у них есть такая возможность) «организаторы» — морально невменяемы. Они не обладают разумом, понимаемым как рассудок, сопряженный с добротой, альтруизмом, совестью. Этот чудовищный парадокс весьма далек от трагикомической закономерности «сапожник — без сапог». То, что власть находится у лишенных разума существ, скорее, похоже на то, как если бы дрессированную обезьяну к «ядерной кнопке» приставить. Знаменитое якобинское определение верховных властителей — «коронованное зверье» — было и остается, по самому большому счету, наиболее верным (не в обиду, понятно, «братьям нашим меньшим» это якобинцами было сказано).

В то же самое время власть для хищных является самым притягательным объектом в мире. Для них она значит и заменяет им всё.

Поэтому у хищных властителей не бывает никакой сверхзадачи в своей деятельности. Тем более не существует у них какой-либо благой цели, типа «процветания народа и Отечества», возможны лишь декларативные.

Их истинные цели предельно убоги. Обычно это примитивный гедонизм (погоня за наслаждениями), пусть и в максимально возможных изощренных своих формах. Купить бриллиантов покрупнее, картин поярче, машин побольше, построить виллу повыше да с бункером поглубже. «Доктор» Ахмед Сукарно часами, любуясь собой, смотрелся в зеркало. Одновременно «украшалась» и столица: из Джакарты постоянно на грузовиках вывозились отлавливаемые на улицах бездомные нищие, портившие «фасад страны». Анвар Садат тоже не меньше своего индонезийского коллеги заботился о собственной наружности, даже имел три расчески: обычную для головы, и специальные — для бровей и усов. Какое там «процветание» народа?! Наполеон воевал не ради народа Франции, а имел прискорбное «хобби» — «военное искусство». Сталин поднимал страну уж никак не для блага ее народа. Ведь сколько этого самого «народа» было уничтожено — зачем?

Упоение славой, властью и борьба за нее занимают всё их сознание.

«Тактические и стратегические» аспекты борьбы за свою власть (и сохранение ее) полностью поглощают их. Разве что деньги не забывают перевести в швейцарские банки (это уже о нынешних наших правителях), тут они педанты.

Ну, и иногда отдых от «их борьбы». Разрядка время от времени — в запоях, оргиях, у кого-то — в охотах. Всё ж таки власти, как таковой, им явно недостаточно, скучают. Охоты — необходимое дополнение. Обычно — «царские»: беспощадные, браконьерского типа. «Сановные охотники» получают при этом, по-видимому, не меньшее наслаждение, чем в детстве, когда они вешали собак и сжигали живьем кошек. Можно вспомнить, как Ельцин перед сложной операцией на сердце настрелял для своего дорогого верного друга Гельмута Коля 50 уток и «завалил» кабана. А после операции опять пристрелил кабана. Не мог выдержать? Дай хоть кого-нибудь, да убить?!

Наверное, было бы интересно (по крайней мере, для науки) подробно, в деталях узнать, о чём думают во время своей «государственной работы» Наполеон и Тамерлан, Ленин и Сталин, Гитлер и Черчилль, Пол Пот и Мао Цзедун и им подобные по рангу. Каковы сокровенные мысли у таких физических, юридических и зоопсихологических лиц? Порасспросить бы их, «как на духу — у психиатра», чего они, собственно, хотят от жизни? К сожалению, это невозможно. Даже когда их иногда удается судить, например, на Нюрнбергском процессе или еще где, то разговор с ними не может быть откровенным, они оправдываются или огрызаются, это всё не добавляет понимания их движущих мотивов. Существует, правда, обширная

мемуарная литература бывших государственных мужей. Но в этой бахвальской писанине содержится такая же правда, как и то, что они, дескать, святые, а остальные — подлецы, каких мало. К тому же в таких книгах обычно излагаются события, поступки, а не мотивы и подспудные механизмы поведения действующих лиц мировой политической арены. В основном это воспоминания об их многочисленных «veni, vidi, vici» («пришел, увидел, победил»), а не — желательно бы! — «посидел, подумал, забрал шинель, пошел домой». Что-то добавить в «копилку понимания» зоопсихологических мотивов действий хищных гоминид могли бы воспоминания приговоренных к казни или к пожизненному заключению убийц-рецидивистов, типа Чикатило, Панзера... Такая «беллетристика» весьма в ходу на Западе, начиная с «основоположника научного садизма» маркиза де Сада. Но, к сожалению, из всех таких «исповедей» на данную тему ясно видно, что сами эти «тюремные беллетристы» (равно как и политики «на воле») не осознают своего поведения в той степени, в которой это могло бы стать значимым для объективного, стороннего наблюдателя. Им не дано такого понимания, в противном случае они бы, наверное, и не совершали эти свои «зоологические поступки»: убийства, развязывание войн, несущие смерть финансовые аферы и т.п.

И если бы действительно удалось провести «серьезный опрос» (как-нибудь под наркогипнозом исхитриться бы для «объективности») среди жутких тиранов, серийных и прочих закоренелых убийц и т.п, матерой хищной публики, на тему «зачем они это делают», то самым правильным и честным ответом с их стороны было бы что-нибудь типа «мне это нравилось», «мне так хотелось». Подобные откровения в неявном («междустрочном») виде можно обнаружить, «выудить» и в тех же «тюремных мемуарах» закоренелых преступников, и в «воспоминательных» книгах политиков. В их действиях не просматривается каких-то глубоких или возвышенных мотивов. Им так вот хочется, или же они бывают вынуждаемы обстоятельствами (значит, кому-то другому захотелось и удалось сделать что-то еще «круче»). А страдать вынуждены при этом другие, которым этого — ну никак! — не хочется. Удержать же себя хищные не в состоянии. Несмотря на осознание ими всего исходящего от них зла (медэксперты называют это «вменяемостью»). Не могут, при всей своей якобы железной силе воли. А их самооправдания — «благо народа»,

«борьба с чем-либо» и т.п., — всегда лживы и несерьезны.

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Так что же есть у нехищных людей, что можно было бы противопоставлять этим — столь бесспорным — аргументам хищных владык «мира сего»? Помимо, понятно, «травоядного фактора» — их подавляющего численного превосходства. Хотя и это немаловажно, если учесть знаменитейший критерий социально-телеологической святости (достижение общественного блага, как самоцели): «обеспечение счастья наибольшего числа людей». Пожалуй, главным таким контраргументом может послужить лишь доброта, неагрессивность того же самого «травоядного» толка.

У нехищных людей присутствует разумная составляющая сознания.

Поэтому они заведомо духовно богаче хищных индивидов. У них есть в психике, в менталитете некое вертикальное (глубинное) — этическое — измерение. Они, осознанно или нет, но постоянно задают себе вопрос «зачем?», «ради чего?».

Это принципиально отличает их от плоскостной ситуативной изворотливости хищных (в особенности — суггесторов). У этих шакалий уровень — «где?»,

«как?» и «почем?». (Невольно вспоминаются Обломов и Штольц). Что, правда, и позволяет им столь ловко шастать, нападать и увертываться в лабиринтах коридоров хищной власти. Но им никогда не достичь ни малейшей духовной высоты (глубины). Перефразируя Канта, можно сказать, что у хищных «нет звездного неба над головой, ибо у них отсутствует моральный закон внутри».

Экспериментальные лабиринтные крысы, проявляя недюжинную смекалку в задачах на

плоскости, демонстрируют непроходимую тупость в трехмерном (многоэтажном) лабиринте. Эти задачи им попросту недоступны. Они генетически запрограммированы на двухмерные, плоскостные ходы. Точно так же и хищные политики. Подсидит любого, проведет сотню, продаст тысячу, а спроси у него, — а хорошо ли это, да и зачем это всё, — прямо как глухонемой становится, не слышит. И действительно не слышит, — ибо не понимает. Поэтому любой среднестатистический обыватель, явно не хватающий звезд с неба, — на порядок (!), на одно измерение, более сложное и богатое человеческое творение, нежели самый изворотливый политик, ловкий аферист или «крутой», беспощадный мафиозный «крестный отец».

Нехищные люди отнюдь не такое быдло, какими их представляют. При всей своей неразвитости и отсталости, они, в сравнении с хищными, всё же являются существами с более сложным (глубинным) менталитетом. Хищные не могут их понимать даже в принципе. Неразвитость же нехищных людей есть прямое следствие хищного владычества. Оболванивание народа — стратегическая, вынужденная мера хищной власти, иначе ей — конец. На первый взгляд, это невозможно: как это примитивные существа оглушают более умных? Ведь для этого им надо бы, кажется, хорошо знать и понимать этих самых «умников»! Но нет, всё обстоит именно так. Что-то в этом роде происходит, когда в школьном классе несколько злых лодырей-второгодников мешают учиться всем остальным.

Они уже курят, пьют, а то и «ширяются»... Зачем им знать всякие тонкости-премудрости школьных предметов? А вот в негативном влиянии они могут быть крайне изошренными. Преследования, издевательства, надругательства, совращение... Так же и здесь: ложь, примитивная пропаганда, вздорная реклама... И всё — человек обработан, быдло к употреблению готово.

И всё же нормальный русский мужик, что называется «от сохи», или равно простой «серый аморфный» обыватель, наугад выдернутый из толпы какой-нибудь тамбовской улицы, стократ духовно богаче самого виртуозного дипломата-суггестора. Особенно это различие заметно в старости. «По плодам узнаете вы...». Доброе лицо, лик мудрого пожилого крестьянина, аксакала.

Дьявольская маска — харя пронырливого, прожженного проходимца-сенатора или TV-проповедника — кривляки. Гёте как-то сказал, что «простой человек в своем неясном устремлении всегда прав». Так-то оно так. Но во времена Гёте еще не было столь мощного манипулирования общественным сознанием, попыток разворота нравственного вектора нехищных людей. Сейчас многие простые люди часто бывают «очень и очень не правы». И это печально. Хотя, если брать в целом, то «господин Народ» еще пока правоту свою не растерял.

Нехищные люди тоже не понимают хищных. Но это непонимание совершенно иного рода. Они никак не могут отрешиться от иллюзии, что хищные — такие же существа, как и они, т.е. люди. Уж очень велико имеющееся внешне сходство. Два глаза, две руки, две ноги — это б еще ладно, у обезьян то же самое. Но ведь и говорят еще! Да как складно, умно говорят, — заслушаешься.

Так как же такое может быть, что это — не люди?! У нехищных на этой почве возникает даже некий комплекс неполноценности, совершенно необоснованный и беспочвенный.

Не имея за собой этих внешних качеств, этого звериного изящества — весьма широкодиапазонного, в том числе и в умении складно говорить (= суггестивным образом манипулировать!), простые люди неправоммерно экстраполируют это отсутствие и дальше — на всё остальное. Они не осознают своего духовного могущества, несоизмеримого с нравственным убожеством хищных. Из-за этого они логически застревают на вопросе «зачем они (хищные) творят всё это зло?». Пытаются как-то понять эту чудовищность. Мало того, они стараются даже оправдать (и это прямое следствие их великодушия) поведение хищных. В этом, кстати, заключен основной парадокс христианства.

Тем паче хочется им оправдать «великих» — Наполеона, Сталина, Гитлера...

Якобы, они же делали всё это не для себя, а для славы, могущества их государства,

народа. Значит, для них?!

Они никак не могут взять в толк одного. Без этих «великих кровопийц», без вмешательства в их жизнь хищных, с их алчностью, корыстолюбием, жестокостью, при разумной честной общественной самоорганизации простые люди давным-давно жили бы при таком прекрасном строе, которому коммунизм вкупе с Эдемом в подметки бы не годился!

Именно этическая составляющая, и только она, выделяет человека из животного мира. Она влияет в человеке буквально на всё. Вернее, она способна влиять, и всё зависит от самого человека, от того, в какой мере он сможет воспользоваться возможностями этого своего надприродного качества. К сожалению, вернуть на животный уровень, «завалить» человека несравненно легче, чем поднять его нравственно хотя бы немного. Оно и понятно. Миллиарды лет звериной, бездуховной эволюции, и всего лишь десяток тысячелетий человеческого пути. Это — как сломать деревце в сравнении с выращиванием сада. Вот почему довольно часто честные люди, волею судьбы оказавшиеся в орбите правящей «элиты», подпадают под ее «гравитацию». Эти затесавшиеся в когорту «расы господ» «плебеи» оказываются вынужденными действовать в полном внешнем согласии с прирожденными негодьями и мерзавцами. Эту печальную закономерность отмечал еще А. Тойнби.

При отсутствии или потере какого-либо органа у животных, у людей, с необходимостью, как бы в компенсацию, усиленно развиваются те, которые остались. Сильные руки у безногих, обостренный слух и тончайшее осязание у слепых. «Ум» хищных (хитрость спекулянтов, деловая хватка аферистов, ловкость продажных политиков) — это явление такого же «компенсаторного» порядка. Одним словом, нет совести — далеко пойдет! Если, понятно, не остановят. Такие же...

НЕЗНАНИЕ — СИЛА!

#"Новое знание" о видовых человеческих различиях может оказаться весьма существенным для дальнейшей судьбы человечества. Но это знание носит дискредитирующий и весьма нелестный для людей характер. Это никак не способствует его позитивному восприятию. Кроме того, оно крайне опасно для хищных. А сила пока еще в руках этих злокозненных «владык мира сего» — сила незнания. Ибо, «пока корень зла сокрыт, — оно всеильно» («Евангелие от Филиппа»).#

Поэтому естественно ожидать попыток умолчать столь горькую и страшную правду о людях или любым путем снизить значимость этой проблемы.

Этой цели служат многочисленные современные «теории человека», в которых вопрос антропогенеза просто-напросто обходится, а различия между людьми объявляются несущественными. Налажен также массовый выпуск книг, пропагандирующих нравственное «самоусовершенствование». Нужно только хорошо дышать, правильно есть, ни о чём не думать, и вскоре придет космическое совершенство. Э.Шостром дает конкретные советы [6], как путем нехитрых упражнений человек может быстро и радикально изменить себя. Из «человека-манипулятора» (коварного подлеца) за недельку-другую превратиться в «человека-актуализатора» (высоконравственного творца). Примерно так же вытаскивал себя из болота барон Мюнхгаузен. За собственные волосы.

Исследования, способные пролить свет на существование видовых различий у людей, остаются, мягко говоря, без внимания. Вспомним, с каким трудом пробивала себе дорогу «теория пассионарности» (опять же различия людей!) Л.Н.Гумилева. Многолетние уникальные наблюдения и исследования этики детского поведения, проведенные П.Ф.Лесгафтом, до сих пор не получили должной оценки. Еще 100 лет назад, в конце XIX века американский ученый норвежского происхождения Торстейн Веблен [3] выявил и описал существующую тождественность этико-психологических установок у правящей «элиты» и правонарушителей

из низов общества. Так его имени даже нет в энциклопедических словарях. Т.Веблен уверенно констатирует факт морально-психологического тождества джентльменов и уголовников. К сожалению, он не исследует ЭТУ глубинную связь. А это тождество имеет принципиальное значение. Уголовники и политики — это два конца одной палки, которой «снизу и сверху» дубасят — мягко сказано — нехищное большинство человечества.

Конечно же, политиков следует брать в целом — вместе с их финансовыми «кукловодами».

Хотя различие уголовного мира («воров в законе») и мира «высокой политики» («воров в конституции») всё же есть. Это — масштабность несения зла простым людям, в их лице всему человечеству. То, что награбили все, вместе взятые, мафии мира за всё историческое время не составит, по-видимому, и доли процента того барыша, который получают финансовые олигархи от одной-единственной ежедневной котировки курса доллара на мировых фондовых биржах. Все вкупе бандиты и маньяки Земли не убили столько людей, сколько погибает в развязываемых политическими бандитами лишь паре-тройке «хороших» войн, тех же мировых. Ну, и еще, возможно, неким отличием являются татуировки. У политиков их, как правило, нет на лице и шее...

Вообще-то, в адрес «простого» уголовного мира можно сказать еще одно, некое «последнее похвальное слово». Уголовный мир в своих кровавых разборках на порядок честнее мира политиков, там не требуется все тех лживых лозунговых дымовых завес, на которые так горазды политиканы. Там схватываются не на жизнь, а на смерть — с откровенным выставлением собственных аргументов или жесточайшего блефа, полностью и равноправно входящего в правила и законы их мира. Поэтому, если их и вправду можно именовать, в применении к их собственным понятиям, как «воры в законе», то политики — это уже, воистину, «воры в беспределе», т.е. в беззаконии крайнего толка. К тому же они еще и отказываются от своего воровского статуса, требуют, чтобы их считали честными людьми, в то время как уголовники прямо и открыто своим антиобщественным статусом гордятся. Тем более это справедливо в отношении нашей «братвы», кое в чём похожей на старинные русские «рабочие артели» («общак», взаимовыручка и т.п.). Эту разницу в «нравственности» (к сожалению, извращенной) можно легко видеть чисто умозрительно. В принципе, любой «нормальный, крутой» уголовник смог бы при благоприятных условиях или по воле случая стать властителем, диктатором и преспокойно нести «бремя власти». И часто действительно становятся: да и вообще, кого там только и не было: шуты, юродивые, сумасшедшие... А вот политик, уже не всякий сгодится в криминальные «авторитеты». Мало того, многие представители политической братии (и уж тем более такие «велеречивые» и самовлюбленные политиканы, как иные наши «именитые перестройщики») в тюрьме обязательно были бы «опущены», и их карьера на уголовном поприще «дальше параша» не продвинулась бы.

Между миром «высокой политики», правящей «элитой» общества и уголовными структурами реально существует прямая, глубинная связь.

Проявления этой связи можно найти повсюду. Пресловутая коррупция властных структур возможна лишь потому, что этические нормы «дающих» и «берущих» одни и те же. Нравственность и «лоббистов», и «лихоимцев» одного уровня, — нулевого.

«Чтобы стать вожаком даже у животных и птиц, мало одной силы: нужно еще что-то, будь то привычка, которую люди зовут традицией, или опыт, который люди зовут мудростью. Не знаю, летят ли вороны за самой старой, но уверен, что они не летят за самой наглой» [18]. А что же у людей?

К власти, к руководству тоже должны бы, по логике вещей, выдвигаться, пробиваться, назначаться, выбираться и т.д. в полном смысле лучшие люди, наиболее для этого подходящие. А кто подходит лучше? Понятно, что только те индивиды, которые на своем посту будут предельно честно отстаивать общественные (своего вида) интересы, иначе от них будет прямой вред обществу. А получается всё как раз иначе. Налицо очевидная несообразность.

Туда прорываются существа без совести и чести, жадные, наглые и всенепременно жестокие. «Прирожденного начальника отличает безусловная жестокость» [19] Они относятся к власти, к государственной деятельности не как к ответственному общественному поприщу, а как к личной кормушке. Поэтому честной хищной власти «не может быть, потому что ее не может быть никогда».

Своеобразный рекорд предельной честности правительства принадлежит Югославии 1930-х годов, и он, наверное, еще не побит. Тамошние министры показали всему миру, какой может быть максимально возможная честность «существ власти». Каждому члену правящего кабинета представители оппозиции своевременно напоминали: "Ну, ведь ты же целый год уже сидишь, мерзавец, в кресле! Успел наворовать-то уже! Поимей же совесть, — дай и другим урвать!

подавай в отставку!" И те нехотя, но «признаки совести подавали», уступали место у государственного корыта очередным вора.

Конечно, им далеко до «настоящих» казнокрадов. Например, Алексашка Меншиков, этот «счастья баловень безродный» перевел в английские банки около пяти миллионов рублей. Эта сумма равнялась годовому бюджету всей Российской Империи. Другие «птенцы гнезда Петрова, товарищи и сыны» — воры и укрыватели только в меншиковское время перевели за границу сумму, равную по меньшей мере, двум государственным бюджетам. Всё вместе это составило не менее 15 миллиардов довоенных (до 1914 года) золотых рублей. На такую сумму можно было «построить капитализм». И русский мужик был, по существу, ограблен во имя европейских капиталистов. Так описывает и оценивает деятельность Петра Первого и его сподвижников И.Л.Солоневич [23].

Поэтому сейчас, когда, например, газета «Монд» пишет о каком-то нашем высоком политике, что его состояние составляет пять миллиардов долларов, то в эту нелепицу трудно поверить — это очень мало, на Руси высшие вельможи такую мелочь не крадут! А то, что «Монд» вскоре опубликовала опровержение, это ничего не меняет: значит, всё впереди, еще «доберет до ровного счета». (Вот, забыл его фамилию... Похожую носят братья Черные, скупившие за бесценок алюминиевую промышленность России. Черномавродин, что ли... Он еще, как вновь клеветали на него газеты, в ярославских лесах застрелил на охоте медведицу с двумя медвежатами). И если говорить серьезно, то всем же ясно, что российские власти воруют самым нещадным образом. По словам самого президента России, только он, да еще бывший губернатор Немцов пока что не уличены в этом. Еще один страшный анекдот, и только...

Официальная власть — всего лишь центральная часть, или ствол антисоциальности, авангард всех хищных антиобщественных сил. Она напрямую, по принципу «сообщающихся сосудов», связана с другими своими ветвями. В частности, с той же примитивной уголовщиной, бандитизмом. И остальные ее ветви — это такие же хищные отростки. Но совершенно неправомерно они считаются отдельными, независимыми структурами, чуть ли не противостоящими политической власти духовно или идеологически. Всевозможные террористические группы, религиозные тоталитарные и изуверские секты, столь же преступны, как и другие шайки, банды.

Значимость власти необходимо, наконец-то, снизить, окончательно развеять ее незаслуженный ореол. Говорить о морали в политике, — это всё равно что отстаивать этичность киднэппинга или нравственность наркобизнеса.

Экспертами ООН выявлено существование прямых связей глобальной мафии с государственными и промышленными структурами по 17 (!) направлениям, т.е. практически по всем видам деятельности преступного мира: от наркобизнеса до аэрокосмической промышленности («Московские Новости», N19, 1997 г.). Хотя, спрашивается, как и зачем хищная власть допускает подобную утечку информации о своей деятельности? Хочется надеяться, что она всё же не может уследить за всем, что не всё еще «схвачено» ею, даже и она

не способна «объять необъятное».

Везде, в любой области, куда она только может проникнуть и утвердиться, хищная власть в полной мере себя реализует. Она извращает и губит любое, самое хорошее дело. Благородный, по идее. Союз ветеранов Афганистана, создан, по задумке, для помощи пострадавшим на преступно развязанной политиками войне. Результат — разборки, взрывы, заказные убийства... То же самое, что и в любой другой асоциальной группе — банде, террористической организации, изуверской секте, правящей правительственной фракции. Вплоть до «спортивных» организаций, типа нашего НФС: руководящие «спортсмены» торгуют табачными и спиртными изделиями! Естественно, опять — покушения, убийства. Куда дальше? Везде одинакова доминанта — антисоциальность, направленность против чаяний рядовых людей. Людям «усиленно» мешают честно трудиться, воспитывать детей в понятиях добра, справедливости, неприятия насилия.

Но пришла пора довести до всеобщего сведения всю эту «историю с человечеством». Возможно, удастся достичь осознания простыми людьми той духовной пропасти, которая изначально лежит между ними и заправляющими в этом мире хищными. По крайней мере, после такого осознания люди перестанут хотя бы уж голосовать за очевидных «жучков», у которых прямо на лице, то бишь на морде, написано, что у них не только нет никакого интереса к заботам простых людей, но и быть не может. Но такого осознания всё никак не происходит, хотя уже, кажется, «камни вопиют» об этом. Несчастливым ограбленным вкладчикам МММ-шникам следовало бы разорвать на микроскопические куски ворюгу Мавроди, а они его в депутаты избирают. Албанские их «коллеги» восстание подняли, учиться надо! Хотя всё равно плодами стихийной борьбы албанского народа воспользуются хищные политики, да уголовники погуляют,

«пошумят вволю» некоторое время. «Весь народ должен твердо запомнить: теперь всё меньше и меньше приходится рассчитывать на проблески человеческих чувств у тех, кто правит и владеет нами» [13]... И вряд ли тот же Мавроди, как и другие крупные аферисты, смог бы действовать без очень «высокой крыши».

Само государство также всегда подпадает под статьи уголовного кодекса в своем «политическом поведении». У нас сейчас это просто-напросто очевидно. Российскому политическому кабинету можно инкриминировать массу статей. И не как подозреваемому субъекту, а — взятому с поличным.

Государство наше — это вор-грабитель (вклады населения), это мошенник (невыплата заработной платы), это убийца (война) (и даже отце— и матереубийца, если учесть то, как гнусно обошлись «перестроечные» власти России со старшим поколением — ветеранами-пенсионерами) и т.д. Можно и конкретнее. Еще — и контрабандист. "По данным экспертов МВД, из России «контрабандой» утекает ежедневно до 20 процентов добываемой в стране нефти.

Нефть — не бриллиантовая булавка, в тайнике через границу не провезешь.

Значит, кто-то способствует. Согласно тому же источнику, в 1995 г. 600 млрд. рублей криминальных доходов переключалось в карманы российских чиновников" («Век»).

К сожалению, это всё почти полностью относится и к церковным иерархиям. Они весьма недалеко ушли от светских властей, да иначе и быть не могло. Невозможно отрицать тот социологический факт, что все официальные церкви имеют реакционно-политический характер. Они всегда служат интересам власть имущих и реально препятствуют устранению страдания народа, приписывая его воле божьей, и обещая блаженство в загробном мире в качестве воздаяния за беспрекословное повиновение властям и церковным иерархам. В первую очередь, это относится к христианству. Иисус возвестил истину, которая умерла в христианском мире, когда место Христа заняли священники. «Глубокие истины о человеческом страдании уступили место догмам; простая ряса сменилась пышными, украшенными золотом церковными облачениями» [7]. Ясно поэтому, что иерархи церкви — тоже из хищных рядов,

преимущественно суггесторы. Возможно, лишь мелкоприходские священники в глубинке, дьяконы да звонари-пропойцы еще сохраняют в душе что-то святое, и как бы продлевают и оправдывают существование церковных институтов.

Алексий наш II, на инаугурации полуживого Ельцина заявил, понимаешь: «Мы — христиане — знаем, что нет власти не от Бога», подразумевая, что церковная-то уж само собой от Него. Как-то всё же не верится в это. Власть, в том числе и церковная, может быть и от «князя мира сего». Постоянно мелькают сообщения о всяких махинациях, к которым причастны высокие служители Церкви. А их бывшее сотрудничество с КГБ стало притчей во языцех. Наконец, кто-то же принял решение в Донском монастыре в октябре 1993 г., не идти к Белому Дому с крестным ходом. И кровопролитие, вызванное Указом N1400/666, предотвращено не было. Мы же знаем об этом. Читатель, конечно же, понял этот скорбный намек, как и то, что здесь никак не задета честь ни того же нашего патриарха Тихона, ни других религиозных великих подвижников. И зачем Алексей II это говорил?! Неужели нельзя было обойти это, сказать что-нибудь другое?! Нет, именно потому, что чёрт тянул его за язык!

«ГОМОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ»

Таким образом, все властные структуры, традиционно считающиеся различными, на самом деле взаимосвязаны. Это как бы социологическое проявление «закона о гомологических рядах» Н.И.Вавилова. Принципиальное,

«генетическое» родство уголовных, террористических, церковных и т.п. структур с политическими позволяет по аналогии «вычислить» соответствующие моменты в структурах властных. И это правомерно — зоопсихология «представителей» этих «гомологических рядов» тождественна. Уголовные и другие асоциальные структуры хорошо исследованы. Так возникает более полная картина, проливающая дополнительный свет на все «тайны мадридских, кремлевских и прочих дворов».

Хищные властители не зря постоянно лгут и засекречивают документы.

Им есть что скрывать! Засекречивание архивов для властей — это перманентное обеспечение для себя всепрощающей статьи «за давностью лет».

Главные преступники — организаторы политических и уголовных «дел» — никогда не видны и недосыгаемы. В основном попадают под ответственность лишь исполнители, мелкая сошка, — как уголовная, так равно и политическая или финансовая. Еще аналогия. В уголовных кругах — постоянная пикировка, ежедневная необходимость в демонстрации собственной «крутости», У политиков — те же заботы: постоянная борьба за власть, подсиживание, упрочение «имиджей-рейтингов» и т.п. Какие тут могут быть заботы о благе какого-то еще народа?! Не до него!

Ахиллесова пята хищной власти — ее разоблачение, в идеале бы — полное. Честность и открытость правительственных структур — это последний гвоздь в крышку гроба нынешней политической власти на Земле, конец хищного диктата. Правда о власти имущих убийственна для них.

Совершенно справедливо говорит о закулисных нравах политики А.А.Зиновьев [26]. «Если бы наука о законах политической деятельности была создана и стала общедоступной, то она выглядела бы в глазах обывателей как нечто аморальное, циничное, грязное, преступное, а люди в сфере политики выглядели бы как негодяи, лжецы, насильники, изверги, кретины, жулики». Лишь два «кусочка» такой несуществующей науки о фактических (а не воображаемых) правилах политики были опубликованы, и оба они имеют скандальную, самую дурную репутацию. Хотя в них — в смысле описания «кухни власти» — содержится «правда, ничего кроме правды, хотя и далеко не вся правда». Это — «Государь» Н.Макиавелли и анонимные «Сионские протоколы».

Это было бы по-настоящему жутко — узнать всё то, что на самом деле происходит во властных высших кругах и каковы истинные мотивы политиков, в частности, наших. Даже, в особенности, — наших. Всё их политическое многословие не следует никогда воспринимать всерьёз и пытаться его как-то анализировать, доискиваться глубинного, междустрочного — «дипломатического свойства» — смысла. Его там попросту нет, как не существует флогистона.

Каждый из наших крупных политиков, «народных вождей», руководствуется некими «стержневыми» (зоо)мыслями, очень простыми и весьма немногочисленными — максимум двумя-тремя. Точный же смысл этих незатейливых постулатов полностью совпадает с тюремной феней, и другими словами этот смысл точно не передать.

Например, они проводят ту же свою пресловутую политику реформ и шоковой терапии, руководствуясь при этом отнюдь не многостраничными докладами экономистов, усиленными выкладками видных ученых. Они обосновывают про себя эту свою политику гораздо проще: «Надо, в натуре, чтобы эти старперы ветераны-пенсионеры передохли от голода и болезней поскорее, а с остальным быдлом мы быстро разберемся: они и вякнуть не успеют, как все на крючке будут!» И всё. Больше об этом «экономическом» вопросе в их (зоо)головах ничего нет! Лишь как театр абсурда (одного актера) может расцениваться очередной (от 24.06.1997) радиоспич Ельцина: его «извинительное» обращение к пенсионерам.

Поэтому представляется реальной перспектива ненасильственной борьбы с хищным, «злым миром» именно путем распространения среди простых людей знаний о кардинальных видовых различиях в человечестве. Не помешали бы и безошибочные способы распознавания хищных. Таким средством может явиться, судя по всему, позитронная томография коры головного мозга, вкупе с тестированием под наркогипнозом, что пока является лишь несбыточным проектом. Но, конечно, в любом коллективе (начиная уже со школы) знают «своих» подлецов. Остается лишь наладить в народе «систему быстрого оповещения». Существуют две подобные системы — у уголовников и у «особистов». В тюрьмах, при переходе из одного места заключения в другое за каждым тянется «шлейф полной характеристики». В органах же безопасности на многих граждан имеются достаточно объективные досье. Некий «банк данных» — кто в чём замешан, на что особо падок. В народе, понятно, трудно втиснуть эти системы. Хотя можно вспомнить «светлой памяти» школьные и производственные характеристики советских времен, которые, к сожалению, писались лишь для проформы, если вообще писались. Поэтому единственный на сегодняшний день выход — это предельно настороженное отношение к всякого рода нечистым на руку типам. Тем более — к имеющим в руках силу власти или рвущимся «наверх». Стараться не иметь с ними никаких дел. Не выдвигать, не рекомендовать, не голосовать за них. Не обращаться к ним за услугами, не поддерживать их затеи ни в какой области, разоблачать их пропаганду. И кто знает, возможно, эта «подозрительность» сплотит, «сдружит» человечество так, как и представить сейчас себе невозможно.

То, что нами правят нелюди, вывод конечно же, жутковатый. Он кому-то поначалу, возможно, покажется фантастическим. Но посмотрите вокруг, сопоставьте факты, и сомнения в этом должны исчезнуть. Действительно, всё совпадает с карикатурной ситуацией, изображённой в американском фантастическом (!) кинобоевике «They live» («Они живут»). Но совпадает гораздо более страшным образом, ибо подобное существует реально, а не только в воспалённом воображении кинематографистов. Фильм повествует о том, что на Земле якобы заправляют инопланетяне. Они насаждают в обществе бездуховный культ наживы и потребительства. Авторы фильма невольно используют «зарисовку с натуры», отображают сущность «западного» общества! Отличить пришельцев от нормальных людей можно только с помощью специальных очков. Это жуткие монстры, внешне похожие на разлагающихся мертвецов, лишь глаза у них белые, светящиеся. Цель пришельцев — полное закабаление человечества.

Реальное же положение дел в мире куда хуже. Хищная власть страшнее любых

инопланетян. Хотелось бы, чтобы человечество это поняло. И поняло в самое ближайшее время, пока, возможно, ещё не поздно. Выход же из создавшегося положения очень прост. Хищные, как уже указывалось, заведомо ущербны — и нравственно, и, по большому счету, интеллектуально. У них упрощенные нейронные структуры префронтального отдела коры головного мозга.

В своем становлении их предки пошли по более простому пути — по «звериной тропе» жестокости и хитрости, так что и интеллект у них имеет свою «специфику». Поэтому и отношение к «персонам власти» со стороны нехищных людей должно быть соответственным. Оно должно полностью совпадать с отношением ко всем другим асоциальным структурам. Уголовным, сектантским (изуверским), террористическим... Наибольшее — буквально «портретное» — сходство у хищных властителей имеется именно с террористами, захватившими большую группу заложников.

При таком отношении реально осуществим полный, глобальный бойкот хищных. «Всеобщая акция психического неповиновения». Подобный социальный миф-мечта о «всеобщей забастовке человечества против власть предержащих» был создан в начале XX века. Представьте себе на площадях городов (хорошо бы уже в начале XXI века) грозно молчащие (сверхразъяренные) миллионные собрания людей с плакатами: «НЕЛЮДЕЙ — В КЛЕТКИ!!!», «ФИНАНСОВЫХ ОЛИГАРХОВ И ПОЛИТИКОВ — В АССЕНИЗАТОРЫ-ЗОЛОТАРИ!!!». Это уже не прежние толпы — объекты манипуляции для хищной оппозиции. Здесь все хищные властители (потенциальные кандидаты в том числе) автоматически низводятся до ранга прочих уголовных правонарушителей — с точки зрения обычного здравого смысла, порядочности, совести, несения блага людям. И никакая маскировка им не поможет. Всё равно ж, дорвавшись до власти, проворуются, начнут обманывать. Значит, — общественная порка на стадионе, клеймо «вор» на лбу и — спецтюрьма.

В средние века преступники и умалишенные содержались вместе. Обе группы сводились к общему знаменателю — нарушению существующих в обществе норм. В этом, в общем правильном, подходе есть одна — самая крупная — «недоработка». Необходимо сюда же включить еще одну группу. Это — крупно проштрафившиеся власть имущие, а также — преступно, с нарушением законов и этических норм стремящиеся к власти. Понятно, что и им самое место в подобном изоляторе. В типовом проекте такой «тюрьмы светлого будущего» три здания. Барак для уголовников, там — воры-рецидивисты, насильники, убийцы.

Блок для сумасшедших — это простой охраняемый лазарет. И, наконец, величественный, просторный «правительственный корпус». В нём — авторитарии, не могущие жить без власти. Они аккуратно, легкими, свободными, но прочными цепями прикованы к несложным станкам, или же заняты какой другой работой с нехитрым инструментом. К станкам приковывать не помешало бы и уголовников-рецидивистов. И никого не кормить, пока не выполнят дневной «урок». Достаточно щадящий, это не ГУЛАГ.

Отношение человека к труду является надежнейшим видовым идентификатором. Чем-то вроде лакмусовой бумажки в химии. Для хищных честный, бескорыстный труд есть разновидность психической пытки. Известен социологический закон (из пестрой «законодательной серии» Мерфи, Паркинсона, Питера и т.д.) — «кто не может работать, тот учит, кто не может и учить, тот командует». За полушутливым фасадом скрывается необычайно важный жизненный факт. К политической власти наиболее часто прорываются всякого рода неудачники от управления производством и преподавательской деятельности. (Вспомним биографии наших «демократов». Вообще хороший специалист в любой области никогда не рвется к власти). И в лагерных зонах «авторитеты» не работают, а лишь командуют. Да и на воле они особо у станка не стоят.

Существует и такое правило (уже наше российское, народное). Когда приходится слышать, как иной оратор «захлѣбчиво» распинается о благе рабочего класса, то ему следует задать один-единственный вопрос. А он сам-то хотел бы пополнить ряды этого класса? И всё с ним станет ясно...

И еще одно необычайно важное обстоятельство. Значительная часть нынешних правонарушителей — люди нехищные. Но они оказались кем-то втянуты в уголовщину. Или попали в ее жуткую круговерть совершенно случайно. По глупости, чаще — по пьяному делу. Так вот их вообще не стоило бы сажать в тюрьмы. Просто заставлять отработать в каком-то *n*-кратном размере ущерб, нанесенный обществу. Но совершивших даже и тяжкие преступления всё равно ни в коем случае нельзя содержать совместно с хищными преступниками. Истинно хищных индивидов в большинстве сообществ всего-то несколько процентов. В России их вообще очень мало, в то же время в тюрьмах сидят и сидели миллионы людей. Печальный нонсенс.

Итак, дело осталось «за малым»: довести до сведения людей эту «маленькую, но кричащую истину» [5]: о «единстве несокрушимого блока» властителей и убийц. И чтобы люди не пропустили всё это мимо ушей, как всегда...

СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАНОЯ

Основная проблема, стоящая сейчас перед людьми, и которую им требуется срочно разрешить — это установление честной (= нехищной) власти.

Бели, конечно, человечество собирается-таки длить свое существование. По последним прогнозам экологов уже в 2010 году на Земле начнутся необратимые гибельные процессы, и всё будет кончено к середине XXI века. И с людьми, и с Жизнью на Земле. И тем не менее, безумные слепые поводыри наши уверенно вырывают к пропасти, всё увеличивая скорость.

Понятно, что иерархия, структура жизненно необходима для общества.

Аморфность, тупая уравниловка (эгалитаризм) или неуправляемая, безответственная вольница губительны для социумов. Но зачем людям эта совершенно излишняя жестокость власти, как в прежние, так и в нынешние времена? Ведь подавление социума можно осуществлять и несравненно меньшим насилием! Не сами средства принуждения, а лишь осознание возможности их применения диктатором, властями заставляет подавляющую часть социума беспрекословно принимать существующий и навязываемый уклад жизни. Парадокс: не могут же власть предрежащие подвергнуть реальному физическому насилию весь или почти весь народ! Это же их субстрат, на котором они так мерзко паразитируют, и без которого им не будет «прекрасного места под солнцем».

Они действуют точно так же, как и террористы, захватившие заложников, и удерживающие их угрозами расправиться с ними. Иногда для подкрепления «стимула» они кого-нибудь и вправду «наказывают заслушание», чего и бывает совершенно достаточно для подчинения всех остальных.

Но зачем эта смертельная борьба за власть — ради самой власти (а не в интересах трудящихся, как это назойливо декларируется всеми такими «борцами»)? Какое-то страшное искусство ради него самого.

Непомерная жестокость, «избыточность бесчеловечности» хищного диктата объясняется тем, что «адельфофагия» не прекратилась. Она не ушла из жизни людей, но лишь видоизменилась. Мало того, она приобрела больший размах и ожесточилась. Сменяются исторические декорации, а суть — всё та же. В веках разыгрывается одна-единственная трагедия, но — всегда в новом «осовремененном прочтении». Конечно, человечину теперь стали употреблять реже, сломали «традицию». Но вспомним, сколько людей погибло в мировых войнах. И каковы теперь средства уничтожения людей. Массовые. Это уже не палеолитический полуголодный людоед с каменным топором. Человечество изо дня в день не устаёт провозглашать принципы гуманности, имеет жутчайший исторический опыт, и несмотря на всё это, никак не может образумиться. Это означает лишь одно. Что точно так же — изо дня в день и неустанно — хищные, эти осовремененные «адельфофаги», новейшие людоеды,

подкручивают маховик насилия и безнравственности во всех общественных структурах, в которые они могут проникнуть.

А проникают они практически всюду, где есть возможность приобрести власть, причинять людям зло или получить выгоду. Лишь сфера честного труда нисколько не привлекает их. Как чёрта не манит ладан. Бескорыстное творчество — тоже не для них. Если хищные и оказываются где-нибудь на творческой стезе, то это уже не творчество, а совершенно иное: угодничество властям и толстосумам, беспощадная конъюнктура, беспринципность, аморальность и всегда в первую очередь — корысть и пропаганда зла.

Нынешнее человечество, безо всякого преувеличения, является заложником в руках высших иерархов Земли. Образумить же или как-то ненасильственным путем обуздать иерархов и проводников хищного диктата (политиков всех рангов) невозможно. Моральная невменяемость — это их неотъемлемое качество, столь страшное для людей. С таким же успехом можно уговаривать озверелых, «обкуренных» террористов отпустить заложников подобру-поздорову и ласково посочетовать бандитам на прощанье «не грешить впредь». Именно это — в буквальном смысле и елейным тоном — делает власть, называющая себя Церковью.

Очень точно описывает положение «властных» дел в историческом ракурсе В.М. Кайтуков. «Иерарх первобытного стада, царь Шумера или Элама, египетский фараон, сицилийский тиран, китайский император, король средневековой Европы, иерарх капитализма — это всё одинаковые стереотипы по сути глубинных мотиваций, по жизненным мотивационным детерминантам... Тупой людоед Сауделер, миллиардер современности, князь или просвещенный монарх, Савонарола, Маздак и т.д. — суть жизненной философии, осознанных мотиваций и подсознательных детерминантов едина, хотя декларативная, внешняя сторона активности может быть разной» [20].

Но как же удастся сочетать в себе эту явно несовместимую двойственность?! Осознание злонамеренности, бесчеловечности собственного поведения со стремлением продолжать его. На первый взгляд, это не поддается никакому объяснению и осмыслению. Парадокс — и всё тут, вроде бы невозможная вещь, а вот существует, назло всем любителям простых ответов на все вопросы.

Но оказывается, что есть (тут трудно употребить выражение «к счастью») аналогичный феномен. А «проходит» он по департаменту психиатрии. Это — знаменитая паранойя. Внутренний, интроспективный мир хищных должен иметь параноидную структуру. Тогда это всё становится объяснимым.

Хищные действительно вынуждены быть невменяемыми в отношении своих глубинных мотивов. Им органически не дано осознавать их. Не могут они оценить нравственную, высшую сторону своего «дела» — зачем всё это, ради чего? Другими словами, у хищных реально протекает «социальная паранойя». («Социальная» — потому что для подобной оценки необходимо учитывать интересы других людей, общества, т.е. именно «социальные» аспекты). К сожалению, медицина не относит это к числу опасных психических заболеваний. А жаль.

Хотя бы уж к разряду «вялотекущих». Насколько было бы легче человечеству, если бы в психушки сажали не изобретателей, поэтов и философов, а политиков.

Но и с видовой точки зрения это тоже не болезнь, а всего лишь проявление естественного поведения хищных видов. Поэтому медики еще долго (!) будут вынуждены признавать даже самых одиозных политиков здоровыми (вменяемыми), так же, как и нормальными маньяков — «серийных» убийц. Но и эту традицию следует сломать, — моральная невменяемость есть невменяемость психиатрическая!

«Социальная паранойя» давно уже приобрела демонстративный характер. Как иначе можно объяснить все эти «литературно-художественные» сцены откровенного каннибализма?

Гангстеры идут «на дело» (убийство людей) и напутствуют друг друга: «Ну, помогай тебе Бог!». У Гитлера — был «на вооружении» знаменитый лозунг «Gott mit uns» («С нами Бог»). На воинских штандартах. Как это всё можно совместить — веру в загробную жизнь, бессмертие души, воздаяние по делам, воскресение с... убийствами?! У мусульман, и то всё как-то честнее и логичнее, хотя и не менее чудовищно.

Убить, по крайней мере, во время войны, «гяура» («неверного», того же христианина) или даже представителя ислама (как, например, воевали между собой Иран и Ирак или взять нынешнюю «талибскую» войну в Афганистане) — есть угодное Аллаху деяние. А погибшему во время газавата (религиозной войны) полагается «по штатному расписанию» немедленное попадание в рай, с его высшим «наслаждением наслаждений» для праведников: им там можно смотреть в специальное окошко, в котором видны мучения в аду их личных врагов (предвосхищение вселенского Интернета?!).

«Параноидный синдром» хищной власти оказывается в порядке вещей.

Получается, что вся политическая история человечества — это попросту парад параноиков (пардон за аллитерацию) во времени, и ничего больше. А общественное сознание безропотно, как должное, приемлет всё это безумие.

Вменяемость преступников (диктаторов, деспотов...), т.е. понимание, осознание ими своего поведения — именно это и придает ему масштаб чудовищности. Когда убивают друг друга животные, грызутся за пищу, — это можно понять. Но то же самое делают осознанные собственное поведение существа... Значит, ими руководят более мощные чувства, затмевающие сознание, неодолимые. Соответственно, — и более примитивные, можно сказать, чисто звериные. Их мощь, по-видимому, сравнима с сильной, «пустынной» жаждой или со страстным сексуальным влечением, всепоглощающей, беззаветной и жутковатой влюбленностью, ради которой идут на любое преступление, не могут не идти.

Гедонизм, стремление получить удовольствие от жуткого дела, плюс неспособность перебороть свое злобное влечение. Это и есть стержневые видовые признаки хищных. Они-то и делают их столь активными, целеустремленными и безудержными. Но вот оценить свои действия по шкале «хорошо — плохо» они не в состоянии. Их чудовищная психика мгновенно вытеснит, отметет подобную постановку вопроса. Либо выдвинет самооправдательную — совершенно вздорную — отговорку. Попытки же честно и откровенно проанализировать совместно с ними их поведение невозможны — стена. Они при этом либо озлобляются, либо впадают в неадекватно дурашливое состояние. При общении с хищными индивидами явственно ощутим некий барьер — и интеллектуальный, и психический. Не понимают самого главного. Создается ощущение, что и впрямь имеешь дело с животными.

Всё это целиком и полностью совпадает с поведением параноика.

Средства достижения цели — логически безукоризненны, сама же цель — абсурдна и безумна. Это и есть принципиальная схема отсутствия разума. Поэтому при социальной паранойе у властителей нет и не может быть никакой продуманной сверхзадачи. Ловкое, гибкое политическое шастанье без ясной цели само по себе становится ею — самоцелью. Любой ценой остаться у власти, захватить, вернуть ее...

Президент недавнего Заира — больной раком, престарелый Мобуту (убийца Патриса Лумумбы), имеющий 4 миллиарда долларов, зачем-то цеплялся за свою власть и тем самым длил кровопролитие в стране. Паранойя и только. (Хотя понятно, что пришедший ему на смену лидер оппозиции, если чем и отличается от Мобуту, то только меньшим пока счетом в банке). Чудом выжившего Ельцина СМИ уже прочат на третий срок президентства, ну ты подумай! Горбачев, на пару с Ельциным развалив и продав страну, набирается наглости вновь выдвигать себя в президенты. Что это, если не безумие, не паранойя?! (Хорошо хоть ПОЛУЧИЛ от народа по шее, всё какое-то для людей утешение, правда слабое, лишь символическое). Ирина Хакамада, депутат Государственной ДУМЫ ходит на работу, как в театр. Сама об этом и говорит, что политика, мол, для нее — всего лишь необычайно интересная, захватывающая

игра. Промолчать мочи нет: играет роль. Для нее, как и для других думских «дам России», политическое поприще является чем-то вроде многолюдного подиума, где еще и «урвать» можно. Для Г. Старовойтовой политика — это «творческая деятельность, с помощью которой она пьет живую кровь действительности», а сами политики, в том числе, понятно, и она — «амбициозные, тщеславные актеры и лицедеи, но они необходимы обществу, наравне с ассенизаторами». Как тут не вспомнить предсмертные слова Нерона о самом себе: «Какой артист погибает!» Так этот «артист» хоть погиб в конце концов, наши же «комедианты» — ну, никак «не закрутятся», вместо этого всё продолжают губить собственную страну.

Только так — сугубо медицински — можно понять психологию, точнее, зоопсихологию властителей, деспотов, тиранов, авторитетов и других представителей «сильных мира сего». Термин «зоопсихология» оспаривается некоторыми учеными (в частности, И.П.Павловым) на том основании, что у животных якобы нет психики, а есть лишь рефлексы. Но вот в применении к хищным представителям человечества он подходит в самый раз. Эти ярые прислужники «князя мира сего» в достаточной для науки степени и психологичны, и зоологичны.

Как иначе можно расценивать готовность пойти на любые преступления ради получения власти, денег, изощренных удовольствий, связанных с богатством? Имея миллионы, рисковать благополучием, а не то и жизнью, ради приобретения ещё двух-трех. Зачем, кажется? А затем, что этот самый риск, борьба и является их основным мотивом, двигателем, некой производной от хищного инстинкта. Эти их основные установки реализуются в том или ином индивидуальном сочетании. В зависимости от темперамента и характера у кого-то проявится больше злобности, у другого — коварства, у третьего — похоти и жадности. Некогда легендарный «генерал Дима» — консультант президента Ельцина, «полномочный связной» между российскими политиками и международной мафией, Якубовский имел вроде бы всё: деньги, виллу на Западе, успел нахапать. Так нет, не сиделось ему, вернулся в Россию «добирать» — «понадобились» ему еще и антикварные книги. В итоге, сел в Кресты и сидит пока. Ясно, конечно, что причина его отлова состоит в том, что он чего-то с кем-то там не поделил.

Правда, есть часть хищных, которые как бы и не подвержены «социальной паранойе». Одни из них предельно и откровенно злонамеренны, это «безудержные» (как волки или гиены) хищники. Им полностью удастся «быть самими собой». Они не пытаются перед кем-то оправдываться. Такие предпочитают непосредственную агрессию и прямое убийство людей, видя в этом смысл жизни. Перефразируя П.Ф.Лесгафта, это «злобно-забивающий» тип. Уже, к сожалению, не «школьный»...

Другая часть «здоровых» хищных — это те, кто длительное время борются на стороне «добра», отстаивая заведомо правое дело. В этом случае они имеют для себя, для своей агрессивности и вероломства, мощное социально-психологическое оправдание. Правда, очень часто они переходят рамки «дозволенного» в своей злобности или непорядочности, когда уже невозможно оправдать свои действия «общественной пользой». Лучше всего для них находиться в оппозиции (С.Бабурин. В.Жириновский), это — их лучшая,

«золотая пора». Им действительно удастся в такие периоды, когда «они за народ», посодействовать прогрессу, «пособить обществу». Но потом, придя к власти, они «расслабляются», приходят в свое естественное параноидальное состояние, и уже добра тогда от них не жди. «История показала, что истина всегда умирает, когда ее поборники приходят к власти» [7]. И поэтому трудно сказать, кто из хищной братии есть меньшее зло. Тираны-властители, ярые оппозиционеры или «скромные, незаметные» киллеры.

Здесь возможно и более широкое обобщение. Способность осознавать свои действия имеет чуть ли не всеобщий контекст. Поведение всех живых существ далеко от разумного, они не в состоянии всемерно оценивать свои действия. т.е. можно считать параноиками и

животных, что есть для них как бы высшая форма поведения, и это даже, можно сказать, некий «человеческий комплимент» в их адрес. Всё делается ими целесообразно, умно, но цель — абсурдна, смешна или гибельна, но этого не видно на их животном уровне.

Животное пробирается куда-нибудь, ползет, хитрит, заматывает следы, а там, куда оно, бедное, так целенаправленно стремится — капкан, яд или радиоактивное заражение. Человек в этом смысле отличается от животных лишь уровнем понимания и осознания собственного поведения. Высший уровень — это разумное, самокритичное поведение человека, оценивающего свои поступки по нравственной шкале. Но и он, наверное, ограничен, если приложить к нему мерки Вселенной, божественного разума (если таковой существует). Хищные же представители человечества такого уровня не имеют. Они, как и животные, — хитрят, обманывают ближних своих, всю жизнь наслаждаются жизнью, а потом — расплата: пресыщенность, опустошенность, тоска, наркотики, тюрьма, смертоубийственные разборки... Те же (дьявольские?) капканы, яды...

Так что различия между хищными и нехищными индивидами в человеческом семействе — огромны. Это как разница между внешне почти неотличимыми гадюкой и ужом. Между ядовитыми грибами и съедобными. Политик (вождь-фюрер, «авторитет-пахан»...), принимающий «плотоядное» решение о смерти противника или своих людей (на войне, на «разборке»). Равно и хищный предприниматель, знающий точно, что его «бизнес» принесет людям или Природе страшную беду. Хищный проповедник, призывающий именем Бога свою легковверную паству покончить с собой, заодно убить собственных детей. Все такие существа должны иметь психику «очень и очень» отличную от нормальной человеческой.

Это именно что-то зоопсихологическое, и понять это обычному человеку, по-видимому, будет непросто.

В принципе, нехищные люди также обладают значительной «волей к власти». Но проявления этой «воли» совершенно отличны от хищного варианта. И здесь есть: риск, героизм, романтика борьбы за справедливость, но — харизма совсем другая. Любой вид имеет своих вожakov, лидеров — индивидов более энергичных, темпераментных. По данным Маслоу, число таких доминантных особей (лидеров) составляет примерно 5 % популяции млекопитающих, как среди крыс, так и среди людей. Мало того, дух соперничества (по крайней мере, в виде борьбы за выживание) является основополагающим, коренным инстинктом всей живой Природы. Без него развитие Жизни на Земле, вероятно, прекратилась бы.

Точно так же и нехищные люди обладают огромной тягой к соперничеству, им хочется быть красивее, умнее, способнее, сильнее других. Но наличие в человечестве хищных индивидов придает этому естественному соперничеству непомерную жесткость и беспринципность. (В основном это касается мужчин, хотя и «найти женщину» в этом, да и во всём другом, как известно, не составит труда).

И множество постов занимают именно нехищные люди, хищного поголовья всё же маловато, чтобы заполнить всю иерархическую лестницу власти. Но для нехищных (как правило, диффузных) людей, состоящих «при власти», главное, — это порученное им дело. Продвижение по служебной лестнице есть для них лишь переход к другому делу — более или менее им приятному. Но на каком-то уровне они вдруг видят, что дело сменяется интриганством. На этом их «благополучная» карьера заканчивается. Они почти неспособны на «бюрократические игры», хотя по глупости, бывает, и втягиваются в них. Если в их услугах (а они именно слуги, в лучшем случае служаки) больше не нуждаются, то их «подсидят» моментально. Чаще они возвращаются в «хмурые восwoяси»: к непосредственному труду. А если и остаются в коридорах власти, то становятся преступным и послушным орудием в руках высокопоставленных хищных начальников. Это для них истинная трагедия.

Их еще обязательно и «повяжут» чем-нибудь. И чаще всего они спиваются, чтобы хоть как-то заглушить совесть. Но что поделаешь, жалеть их трудно. Не лезь туда, «в чужие сани не садись».

БЫДЛО И ПАДЛО

Хищные, понятно, считают себя выше нехищных людей. Друг друга же они, так или иначе, но «уважают». «Воры в законе» именуют себя — «люди». Всё это совершенно парадоксальным образом уживается с их предельным эгоизмом и взаимоуничтожением (и взаимоуничтожением).

Самоназвания большинства «диких народов» и изолированных племен тоже переводятся как «люди». Это — отголосок самого раннего, совершенно «не задокументированного» периода человеческой истории. Шла смертельная борьба с биологическими палеоантропами-адельфофагами, перекинувшаяся затем по инерции и на человеческие социумы. Все соседствующие этносы были и потенциально, и реально опасны друг для друга. Каждое из племен в атмосфере всеобщей враждебности взаимно не считало своих соседей людьми, выделяя в этом качестве лишь самих себя. Сейчас — это уже достаточно редкое явление.

Остались лишь его атавистические раритеты — среди иных народностей, в «элитах» обществ да в уголовных кругах.

Матерые уголовники именуют всех остальных людей (т.е. преимущественно нехищных) «фраерами». При этом они не могут обзвать их «круче», более бы оскорбительно. Они не имеют логической возможности позволить себе определить этих самых «фраеров» животными, а не людьми. В то же время сами они все такие зоологические и прочие «лестные» характеристики имеют, и к тому же — многочисленные. «Нелюдь», «душегубы», «гадюки», «шакалы»...

То же происходит и в «элитах» обществ. Высшие власти — эти просоциальные бандиты (самые опасные!) — не просто именуют себя «расой господ». В душе (а есть ли она у них?), внутренне они уверены в этом на все сто процентов. При этом самовыдвижении они низводят народ (= нехищных людей) до статуса «быдла», «толпы», «черни», «плебса», «массы» и т.п. Но опять-таки, позволить себе произвести более «зверский» метафорический выпад (за исключением разве что «бараны») в адрес нехищных «массовых толп плебейской черни» они не в состоянии. У них, как и у уголовников, нет на это «психологического права», и они подсознательно это чувствуют. Сами же они вполне заслуженно носят эти «припечатывающие звания» от народа. «Паразиты»,

«кровопийцы», «жирные коты», «зверье» (наиболее точно!) и т.д.

Правда, иногда власти могут позволить себе роскошь «отвести душу» и высказывать в адрес народных масс самые, что ни на есть «зверские комплименты», и сколь угодно громко. Потому что они сами оказываются в роли «отверженных и угнетенных». Это — периоды народных восстаний и революций.

Тогда, доведенный до отчаяния разъяренный народ весело носит на пиках головы и мошонки не успевших сбежать за границу правителей, угнетателей и их приспешников, ощипывает павлинов в барских усадьбах, изобретает всё новые и новые «символы и радости свободы». Но делает он всё это опять-таки под «мудрым» руководством хищных оппозиционных вожаков — демагогов. По меткому определению, демагог — это «говорун, стремящийся сколотить капитал на общественном недовольстве и приобрести политическое влияние» (суггестор, одним словом).

Этот «бранный поток» говорит об осознании людьми существования межвидовой духовной пропасти. Есть даже и объективная оценка её «размеров» — «кто есть кто», с поименным указанием и определением. Но, к величайшему сожалению, это осознание носит образный, несерьезный характер. Как бы нечто оскорбительное, но сказанное в запальчивости. Простые люди не могут взять себе в толк, что всё это предельно серьезно и невероятно страшно! Если они сами пусть уж и «быдло», то те-то уже такое «падло», что дальше некуда.

Они сами же об этом (как и о многом другом) и проговариваются. Общеизвестна их блатная «божба»: «падло буду!». Это означает, что они обещают перед «своими» не вести себя предельно подло, клянутся оставаться в рамках «местных» правил, хотя и способны на что угодно, раз им приходится зарекаться. А то, что они уже и так есть архипадло, этот момент ими обходится молчанием. Всё это «коронованное, финансовое и криминальное зверьё» и вправду не люди (!!).

Не люди в том смысле, в котором должно единственно правильно пониматься это слово.

Люди — гуманные разумные существа. Но хищный, злой мир не дает людям вести достойный, добрый образ жизни, не выпускает их из перманентного состояния «быдла».

«Быдло» и «падло» — именно таково основное разделение всех сообществ Земли.

Для представителей хищной власти необычайно важны внешние символы и атрибуты своего превосходства, доминирования. Внешняя показная атрибутика для демонстрации собственного социального превосходства им жизненно необходима. Они же, падло, — выше обычных людей, этого «быдла», а чем это можно доказать? Ведь у них же нет прекрасных ветвистых рогов или пышного разноцветного хвоста! Они относятся к «некрасивым» хищникам типа гиен, а не львов или снежных барсов. Стервятники, одним словом. Вот им и остается, во-первых, всячески демонстрировать собственное благосостояние (это не всегда легко), а во-вторых. (вот это всегда возможно!) им дополнительно, для увеличения «разницы», необходимо любым путем и нещадно притеснять, унижать подневольных людей, и тем самым дистанцировать себя от тех, кого они именуют «чернь», «простонародье», «пся крев», «быдло». Поэтому дома у знати всегда были выше, чем у других слоев общества. Сюда же можно добавить и величественные гробницы («дома отдыха» властителей после смерти) — курганы Европы, мавзолеи Азии, пирамиды Египта и доколумбовой Америки. Всяческие приметные отличия в одежде, дорогие побрякушки и т.п. причиндалы — это тоже их «стиль».

И в то же время они не потерпят, если кто-то из «нижеранговых особей» позволит себе нечто подобное. Для них — это страшный удар, прямо в поддых. Как если бы вдруг выяснилось, что их бриллианты больше ничего не стоят, они теперь есть у всех, ими играют пацаны. П.Бажов описывает, как некий барин увидал, что дети одного крепостного носят сапоги, так он сгноил всю эту работающую семью. Это чувство собственного превосходства возникает у хищных еще в раннем детстве и они проявляют необычайную изобретательность в выборе средств демонстрации собственного «величия». Иллюстративен рассказ очевидца о нравах, бытовавших в некоем отечественном детдоме. Заправила (неформальные лидеры) детского коллектива, за неимением ничего (!), кроме сатиновых трусов (юг страны, лето, жара), всё же умудрились изобрести «символы власти». Никто, кроме малолетнего главара и его нескольких подручных, не имел права приспускать трусы сзади, оголяя ягодицы, так вот своеобразно «декольтироваться». Это была их исключительная привилегия.

Нарушения такой «субординации» беспощадно преследовались. Единственно, для кого делалось исключение — так это для сына директора того детского дома («молодой побег» будущего, уже «взрослого» сращения криминальных структур с официальной властью).

Для хищной власти, «элиты», «расы господ», для этих зверей в человеческом обличье, для этого «падла» попросту необходимо «быдло». Иначе кто будет производить для них блага, создавать удобства, комфорт? Им необходим этот фундамент, субстрат, на котором они столь мерзко паразитируют. Народу же необходимо соскрести этих паразитов со своего тела.

Оглядываясь в наше недавнее прошлое, можно увидеть, насколько всё же было выше то, что декларировалось т.н. «социалистическими» режимами. У народа тогда, несмотря на все страшные издержки (а сейчас, то что творится — разве не страшно?!), был духовный вектор. Люди, хотя и видели подлость властей, но всё же верили в то, что это временно. Что придет хорошая, честная, подлинно социалистическая власть. Должна прийти. Теперь ясно — это нереально. От хищной власти народ ничего хорошего не дождется. Поэтому власть в обществе

надо менять радикально, иначе наступит всеобщий крах.

Но для обеспечения надежного функционирования преступных структур хищная власть делает всё. Для этого ей в первую очередь необходимо разращение социума. Алкоголь, наркотики, порнография, разнузданный секс, оглушение, примитивизация людей. Всё это — сбрасывание, стаскивание их на свой хищный бездуховный уровень. Затягивание в свое болото. Борьба с преступностью — чистейшая видимость, псевдо-санитарное мероприятие.

Убираются неудачники и «доучиваются» начинающие в спецшколах — тюрьмах.

В уголовных шапках исполнителей спаивают, «сажают на иглу», разращают. Разнузданность становится их естественным, нестесненным поведением. Лишь на «дело» им рекомендуется ходить в «форме». Точно так же и хищная власть всячески снижает нравственный уровень народных масс (тех же исполнителей). В самой неприкрытой форме именно это сейчас творится у нас в стране. Оболванивание, растрение идет по всем направлениям духовной жизни.

Не избежала этой страшной участи и религия. Множество людей, особенно молодых, оказываются в сетях тоталитарных сект. Ежедневно, с утра пораньше, транслируются бесовские представления «во Христе» западных телевизионных проповедников-проходимцев. Эти мерзкие «тео-теле-шоу» навязываются людям, в дополнение к нашим доморощенным Чумакам, «чумичкам» и прочей нечисти.

Колдуны, астрологи, ведьмы, пророчицы, и прочая «психотерапэутика».

Телепередачи «Глобальный прогноз», «Третий глаз». «ТЬфу, тьфу, тьфу»...

Действительно, плюнуть хочется. Рожи у всех хитрые, подлые, несут явную чепуху. Видно же, что это пройдохи, жулье. Но люди, несчастные глупцы, верят. Причем верят не какие-то там обскуранты, но и образованные люди. Я знаю людей с высшим образованием, которые верят, что кинофокусы из телесериала «Чудеса Давида Копперфильда» являются подлинными чудесами.

Считают талантливым американский фильм-пародию «Зелиг» действительно документальным. Большого труда стоило их переубедить. Вот какова сила «экранного» воздействия!

При желании властей борьба с преступностью не только возможна, но уже реализовывалась, имеется позитивный опыт. В СССР 1960-х годов всех «воров в законе» помещали в общие зоны, переводили на хлеб и воду, заставляли работать, стравливали их между собой напрямую. И в огромной стране на долгие годы (лет этак на 15 — почти поколение!) не стало организованной преступности гангстерского типа. Достаточно лишь изолировать главарей, организаторов, и законопослушные граждане могут спать спокойно.

Но хищной власти, как выясняется, преступность попросту необходима. Только в этом случае у нее есть «материально-техническое обоснование» наличия мощных карательных структур: дескать, для обеспечения правопорядка. Хотя прочным деспотическим правлениям (физическому диктату) преступность, особенно «внешняя», уличная, нужна «не очень». Они сильны и так, и им совершенно незачем перед кем-то «оправдываться». Некому и незачем доказывать свою необходимость для наведения и охраны порядка в обществе.

Народ не сопротивляется, а «враг» нужен. Хищная власть всегда чисто инстинктивно ищет «врага», у нее это как некий нестерпимый зуд. Именно поэтому мощные деспотии могут «позволить себе» беспощадную эффектную борьбу с преступностью, якобы, «на полную катушку». Орубание рук, голов, публичные казни и т.д. Так же была некогда «крепка» и Советская Власть. Борьба с преступностью проводилась на «полном серьёзе» — пусть незаконно, но эффективно. Почти целое поколение не знало организованной преступности.

Такие меры, несмотря на всю свою «квазизаконность», всегда вызывают восторженное одобрение со стороны самой широкой общественности. По-видимому, этот внеюрисдикционный элемент всё же необходим. По принципу «клин клином».

Правоохранительным органам прекрасно известны все главари преступного мира, а

«вяжут» их лишь за «неуплату налогов» да за неправильную парковку автомобилей. Иначе в рамках законов невозможно.

Хотя понятно, что совершенно избавиться от преступности нереально.

Множество преступлений совершается именно нехищными людьми. От безысходности, когда жизненные трагические обстоятельства вынуждают совершить преступление. Еще больше — по глупости, по пьяной лавочке, из ревности. Точно так же неискоренима и подростковая преступность. Она напрямую связана с могучим, неодолимым всплеском сексуальности в созревающем организме. Но, в принципе, при желании легко перенаправить в безобидные русла большую часть этой трудно контролируемой «пубертатной» энергии молодежи. Это возможно сделать при нехищной разумной власти и, наоборот, в тоталитарных обществах. Крайности сходятся. В «коммунистической» Албании послушная, дисциплинированная молодежь уже в 10 вечера расходилась по домам.

После развала системы хищная власть, переусердствовав в ограблении людей, вызвала народное восстание. Но ничего страшного, народное быдло рано или поздно усмирят, никуда оно из своего стойла не денется (именно таковы, кстати, реальные, подлинные (зоо)мысли тамошних властителей).

Еще одна неистребимая ветвь преступности — это коррупция. Она будет процветать до тех пор, пока в мире существуют государство и деньги.

Именно благодаря ей возникают и благоденствуют мощные «неприкасаемые» пласты сверх-организованной, практически неразоблачаемой преступности, имеющей покровителей на самом вершине: на высоких государственных уровнях. Стал уже незыблемой, хрестоматийной аксиомой тот грустный факт, что если при расследовании какого-либо дела «ниточки» потянутся достаточно высоко, то следствие будет любым путем, вплоть до физического устранения «слишком любознательных», но обязательно прикрито.

Единственный путь борьбы с этой самой «элитной» ветвью преступности в существующих условиях — «сталинский», в своем идеальном варианте. Строжайший контроль, отлов и наказание преступников во всех эшелонах власти, невзирая на ранги. Как это всегда демагогически и декларируется, — все равны перед законом. В действительности у преступных чиновников много возможностей для обхождения этих самых законов, для них «закон, что дышло». Жесткий механизм борьбы с преступностью немыслим и в пресловутой западной демократии. Там тоже создается лишь видимость.

Сталинский метод при всей своей беспощадности реально бил не по тем целям, попадалась в основном мелкая сошка. Но зато, в отличие от западной карающей системы правосудия, здесь часто воздавалось «по заслугам» и крупным акулам.

И это отрадный факт, хотя ничего и не решающий, а просто сам по себе, как красивая иллюстрация в страшно скучной книге.

Именно здесь произрастают корни всенародной горячей любви к Сталину. За его якобы справедливость и неустанное, неусыпно-бдительное вылавливание всяческой мрази среди начальства. Уже одной только видимости справедливости для народного сознания оказывалось вполне достаточно. И эта любовь до сих пор теплится, несмотря ни на какие досужие реминисценции о «лагерной пыли», о «черных воронах», о горемыках «без права переписки» и т.п. Сталину всё прощалось — даже подвергшиеся вопиющему произволу его не винули. Нехищные люди отходчивы и всепрощающи. Для диффузного вида — это как «неразделенная любовь». Пусть и к не очень достойному объекту, но — любовь.

И нельзя диффузных людей порицать за то, что они ищут себе тирана. Это — естественное проявление стадного инстинкта. Им жизненно необходимы вожаки.

Но вожаки-то им нужны хорошие, нехищные, а на эти вакансии в основном прорываются хищные чудовища. Стадо буйволов должен возглавлять лучший буйвол, а не стая пятнистых гиен.

«ТЮРЕМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Хищным властителям, этим реликтовым «цезарям» и «сатрапам» современного мира не нужно истинное знание о человеке. Для них важны лишь психологические методики манипулирования «стадом, быдлом». И они всячески препятствуют человеческому самопознанию, прекрасно чувствуя, что это не в их интересах. «Власть и истина не сочетаются. Это — горькая правда» [7].

Примечателен в этом плане знаменитый «тюремный эксперимент», проведенный в начале 1970-х годов [29]. Две дюжины студентов-добровольцев, под присмотром американского психолога Филиппа Зимбардо, участвовали в своеобразной игре «в тюрьму». Их по жребию разбили на две группы, исполнявшие роли надзирателей и заключенных в инсценированных тюремных условиях. Для участия в эксперименте были отобраны люди с нормальными показателями по всем предъявленным им тестам, однако, проведя всего несколько дней в «тюрьме», они повели себя странным, ненормальным образом.

«Надзиратели», поначалу просто властные, стали относиться к «заключенным» жестоко, порой садистски. «Заключенные» реагировали на эту демонстрацию власти дезорганизацией поведения, ощущением беспомощности, и в конце концов, — тупой покорностью. Эксперимент, рассчитанный на две недели, пришлось прервать уже через шесть дней из-за происшедшей в «тюремных» условиях драматической перемены в личности и моральных ценностях испытуемых. Все были травмированы, и даже сам Зимбардо почувствовал, что начинает принимать интересы своей «тюрьмы» слишком всерьез. Требования социальной роли оказались сильнее, чем моральные императивы и представления индивида о самом себе. Как же стало возможным, что люди, распределив эти роли подбрасыванием монетки, так легко вжились в них? Дело дошло до жестоких конфликтов, драк, избиений, издевательств и т.п. Участники эксперимента достигли «нормы», существующей в настоящих тюрьмах. И эксперимент был поневоле прекращен.

Вот это-то и подозрительно. Почему эксперимент вдруг прекратили, а не откорректировали и не пошли дальше?! Его нельзя было прекращать, нужно было выяснить, выйдут ли его участники из своих ролей «с честью», образумятся ли? Но его прекратили, а то, что «простые парни» неожиданно для всех (в том числе и для самих себя) стали невероятно жестокими и поэтому эксперимент пришлось прекратить, именно это долго муссировалось в прессе.

Как же объяснить эту жестокость, проявившуюся в ходе эксперимента?

Корни ее следует искать в «диффузной недостаточности» его участников. Здесь, как в капле воды, отразилось положение во всем обществе. Общество может выдержать определенное количество хищных в своих рядах. Да и те в таких мирных сообществах стараются особо не «высовываться». Затаиваются. Но при превышении некоего количественного порога следует лавинообразный рост агрессивности, преступности, безнравственности. То же самое наблюдается, как это отметил еще А.Токвиль, и при ослаблении в обществе социальных уз. (Именно это происходит ныне в нашей стране). Это же, в миниатюре, случилось и в эксперименте Зимбардо. Хищный компонент среди его участников оказался чрезмерным (как и предельно хищные правила самой «игры»).

С видовой позиции, «тюремный эксперимент» был проведен с вопиющей некорректностью и крайне примитивно. Вот и возникает вопрос — уж, не специально ли?! Надо учесть и то, что психологи и психиатры, как правило, суггесторы. Но сейчас уже невозможно установить, «who was who» в тех двух дюжинах студентов, набранных для злосчастного эксперимента.

Не хочется, конечно, верить в это, но возможно это была псевдонаучная мистификация, устроенная для саморекламы, на которую американцы столь падки. С них станется. Можно

усмотреть здесь и некий интуитивно-превентивный упреждающий ход хищной власти. Ведь эксперимент этот сыграл свою негативную роль: «доказано», что всякий человек может стать злым. Якобы социальные роли являются определяющими в поведении людей. Не был ли он задуман и рассчитан на оправдание существующей у людей непомерной агрессивности? До поры до времени скрытой, но создадутся подходящие условия — и она тут как тут. Мол, все мы одним миром мазаны. Человек человеку — волк. Все люди — гады. Хищные всегда стараются замарать всех. Они любыми способами пытаются сбросить остальных людей на свой животный, биологический уровень. Затянуть в свое страшное крокодилье болото.

По своей «научной значимости» знаменитый эксперимент Ф.Зимбардо мало отличается от подробного описания ресторанной драки, которая провоцируется двумя-тремя посетителями, а заканчивается всеобщим побоищем подвыпившей публики. В социальной психологии это называется «психическим заражением». Подобный «феномен» частенько использовался в старых — чаще почему-то комедийных — кинофильмах.

Нельзя не заметить, что большинство кинематографической продукции (теперь всё больше в «телевизионной упаковке») есть не что иное, как откровенная пропаганда хищности, насилия, аморальности. Все те многочисленные вестерны, боевики, триллеры и есть реальные действия хищных паразитарных общественных структур, направленные на охищнение диффузных масс, в первую очередь, молодежи. Нужно отметить еще вот что. Как просто и в то же время хитро всё это устраивается. На первый взгляд, во многих фильмах содержится явная критика агрессивности, до добра никак не доводящей. Но на самом деле, под видом якобы борьбы с насилием, на экранах появляются типичные откровенно хищные агитки. И они делают свое черное дело. Развращают людей (зрителей), ибо все они замешаны на смаковании сцен насилия и убийств.

Занимательные острые сюжеты, хитроумность погонь и засад, вызывающие содрогание кучи трупов, эффектные благородные позы героев, вульгарные ужимки и жуткие предсмертные крики убиваемых негодяев и т.д. и т.п. Таково же предназначение и иных кинокомедий, в которых все смешные сцены и ситуации «накручены» на какой-нибудь чемодан с трупом. О пользе таких фильмов можно сказать, перефразируя, чуть-чуть «дополнив» Ленина, «шаг вперед, двадцать два назад».

«Самое массовое» искусство сильно понижает реальный иммунитет людей к восприятию настоящих убийств и насилия в обществе. Зло в мире представляется обыденным явлением. У людей повышается, что называется, толерантность к хищности мира. И они смиряются с положением дел. А это непротивление, в свою очередь, еще больше усиливает позиции «мировой хищности», продлевает ее. Таким вот ползучим, и в то же время неприкрытым способом действует хищная власть на сознание простых людей. На Конгрессе гуманитарных сил, проходившем в декабре 1996 г, в Библиотеке им. Ленина, краткое выступление Евдокии Гаер (знаменитой воительницы за права и возрождение самобытной культуры малочисленных народностей России), в котором она заклеила духовное растление общества, производимое с помощью СМИ, и в особенности телевидения, вызвало бурную овацию аудитории. Но что для хищной власти какие-то аплодисменты? Так себе, — акустический пустяк, разве что в ухе зазвенит или зачесется...

А «хороший» эксперимент в подтверждение существования видовых различий в человечестве был бы очень кстати. Но если правильно проводить тот же «тюремный эксперимент», то следовало бы ставить его сразу же в очень широких масштабах. Начать его следовало бы с обязательной подборки испытуемых по степени их авторитарности. Для этого нужна медикаментозная («сыворотка правды») или гипнотическая проверка на существование хищной установки в подсознании. Для большей «чистоты эксперимента», как минимум, потребовалось бы несколько десятков групп. К тому же формировать их надо было бы из людей, ничего не знающих о результатах опыта Зимбардо. Иначе бы они неумышленно корректировали как-то свое поведение, в связи с имеющейся у них информацией (частный

случай т.н. «эффекта Эдипа»).

Наиболее «чистый» эксперимент, к сожалению, является лишь мысленным. Речь идет об эксперименте по полному изолированию откровенно хищной группы — уголовной, властной или же смешанной. Ее можно было бы сформировать из «смертников». Но лучше всего, если бы это была какая-нибудь правительственная группа, «шибко» проштрафившаяся перед народом. Отыявленная банда, типа гитлеровского кабинета, приснопамятного советского Политбюро, пол-потовской клики или нашей нынешней «реформаторской команды»... Это было бы заодно и наиболее поучительно для человечества.

Посадить, одним словом, таких «орлов» — из «расы господ» — в подземный экспериментальный бункер. Дать им воду, соль, сухие специи, электрическую плиту с очень большой духовкой, посуду-серебро (вилки, ложки, ножи), разделочный инвентарь: топоры, корыта, вёдра. Ну, и еще б — небольшой холодильник, типа «Морозко». И всё. Больше ничего. И вот — что же с ними всеми произойдет, при напрочь задраенном в том экспериментальном бункере люке, месяцев через семь-восемь, если подопытных тех «орлов» там — пять-шесть?!

Сто процентов (100%) — такова вероятность того, что они бы там сожрали друг друга в буквальном смысле. А в протоколе испытаний было бы записано беспристрастными учеными примерно следующее. «В исследуемой группе, в процессе ее биологической самоутилизации, альфа-особью выявил себя, последний оставшийся в живых, подопытный N5, по политическому прозвищу Горбатый. Бета-особь — последний съеденный — подопытный N3, по гангстерской кличке Трехпалый...» и т.д. Всё было бы точной копией способа выявления «крысиного короля» в группе изолированных крыс. Как всё происходило в «человеческих условиях», дотошные ученые смогли бы потом выяснить по магнитофонным записям в «черном ящике». Наверняка сначала, понятно, мат-перемат, крики: «Что за шутки?! Когда нас выпустят?! Как, в натуре, посмели?! Это вопиющее нарушение прав человека! Мы, падло, будем жаловаться в ОБСЕ!» Попытались бы выбраться — бесполезно. Потом — шутки-прибаутки уже на другую тему. Кто толще, кто худее, кто чего любил есть, — значит, кто-то вкуснее и т.п. Но затем — слово за слово, и вскоре бы действительно озверели и остервенели от голода. Первого прикончили бы под горячую руку, в пылу политической, или равно блатной, полемики. Как бы и нечаянно, но вроде и «за дело». «Ведь это он первый предложил кого-нибудь сожрать, вот с него и начнем, гада». Ели бы «гада» быстро. Все старались бы набраться сил для следующей драки — практически, охоты. И «процесс пошел» бы... После вскрытия вольера-бункера оттуда вышел бы единственный оставшийся в живых. Победитель.

«Политический король». Упитанный, розовощекий, устало улыбающийся альфа-крепыш N5. Возможно, со шрамами, покалеченный — с неаккуратной бордовой вмятиной на темечке, но всё равно радующийся жизни, всегда готовый к новой борьбе и свершениям «во имя блага» народа...

Всякий упрек в анекдотичности (при всей жестокости) подобного эксперимента с порога отменяется. Вспомним, с одной стороны, жестокость политических разборок. С другой, — нравы «брatца меньшего» политики, — уголовного мира. Там, вообще, бытует жуткая практика побегов с «коровой», или «бараном». Беглецы — матерые рецидивисты — прихватывают с собой еще кого-нибудь из «фраеров» в качестве провианта, «ходячего» (некоторое время) пищевого запаса.

В принципе, у такого эксперимента есть и основания, и оправдания.

Ведь сколько людей погубили все эти властные чудовища?! Так что можно было бы, простительно уж, отрядить подобную группку в такую «экспедицию».

Недалеко же. И поставь бы кто такой эксперимент в действительности, то нехищные люди его одобрили бы. Но только — задним числом, «по состоявшемуся факту». Перед началом же или по ходу — они были бы против или потребовали его прекращения. Хищные же

приветствовали бы его лишь в том случае, если бы подопытные были их явными противниками. И даже с радостью бы помогли затаскивать тех «гадов-подонков» в «экспериментальный» вольер...

У нехищных же людей подобного произойти не может. Они умерли бы через месяц-другой, хотя, возможно, кто-нибудь из них, помутившийся разумом от голода и пытался бы глотать чужой труп. Здесь и эксперимента не надо.

Подобное происходило, и не однажды. И в концлагерях, и в великие голода лишь единицы из огромного множества смертельно оголодавших людей доходили до каннибализма. Крупномасштабного, массового людоедства никогда не было. Хотя, конечно, всегда легко набрать определенное число леденящих душу случаев, но процент их всё же очень мал. В блокадном Ленинграде разве что некоторые матери кормили в отчаянье своих детей неким «холодцом». На Украине в знаменитые «организованные» голода при базарах в витринах выставлялись образцы человечины. Это делалось для того, чтобы люди случайно, по ошибке не смогли приобрести подобный «деликатес».

Так и буйволы, — от бескормицы вымрут, а вот волки, гиены способны добывать и поедать ослабевших членов стаи.

Таким образом, в человеческих сообществах не существует полной, сквозной иерархии. А на этом очень любят заострять внимание психологи и социологи из числа апологетов идеи поголовной хищности человечества.

«Человек — самый главный хищник». «Как ни убирай преступников, появятся новые»... Дескать, у людей всё обстоит так же, как и в «порядке клевания» у кур. (Домашние куры распределяются по иерархии последовательно от альфа-особи до омега(последней), что можно определить по той очередности, в какой они клюют зерно). Но у людей-то как раз и не существует «куриных порядков». Иерархия человеческих социумов — с разрывами. Математическим языком — «непрерывно-прерывистая». Когда полностью устраняют из социума хищных, то воцаряется «приятельская», можно сказать, «социалистическая» иерархия. Все сдерживают друг друга на равных. Или находят объекты (чаще разные, попеременные) для беззлобных шуток, подтрунивания. Ни в коем случае — не издевательств. Издеательства начинаются, когда в группе есть хищные или — охищенные диффузные люди.

Правда, этих последних коллектив легко перевоспитывает, «в два счёта ставит их на место». Когда в рабочие коллективы возвращаются отсидевшие какой-то срок в тюрьме (попавшие туда чаще всего по «пьяной причине»), то они, как правило, ведут себя уже «по блатному». Охищаются в тюрьме. Пытаются оказывать психическое давление на людей. По самым ничтожным поводам они провоцируют конфликты, ссоры, стараясь выйти из них победителями. После одного-двух, реже трех, не очень сильных избиений старыми товарищами они вновь обретают человеческий облик. Но если «блатных» и «приблатненных» собирается много, то они подавляют рабочий коллектив. Так некогда в СССР возникали «черные заводы».

Этот иерархический разрыв у людей весьма примечателен в психологическом плане. При удалении из социума формального лидера — иерарха «разряда» альфа, на его место заступит «бета-особь» и т.д. Всё по принципу «свято место пусто не будет». Но вот наступает такой момент, когда всем оставшимся будет стыдно, как-то неловко становиться лидером, и тем самым противопоставлять себя другим членам группы. Вот это-то и означает, что в группе остались лишь нехищные люди. По Гегелю, стыд является первым основным признаком человечности, именно на этой эмоциональной базе взрастает совесть.

Другое дело, за что именно кому-то бывает стыдно. Киллеру-суперанималу будет стыдно, если он промахнется при «контрольном выстреле». Ну а суггестор (политик или равно аферист) сможет покраснеть лишь разве что в случае, если его самого «кинут» его же «коронным» методом.

Лидеры у людей отчетливо разбиваются на честолюбивых («тщеславный» тип по Лесгафту) и коллективно честолюбивых (скорее всего, из «добродушных»). Коллективно честолюбивые стремятся улучшить положение своей группы. Честолюбивые же жаждут улучшения лишь собственного положения. Это и есть нехищные и хищные лидеры, соответственно. На каком-то этапе «тщеславные», если только им это будет выгодно, могут «порадеть» и за группу, к которой они так или иначе относятся, дабы прослыть альтруистом или защитником «своих». Но в итоге, они всегда ее предадут и бросят. Вспомним наших многочисленных депутатов, с их стойкой «амнезией» в отношении предвыборных обещаний своим избирателям. В итоге, на властные позиции прорываются индивиды именно такие — самые беспринципные, самые жестокие, самые коварные, способные на что угодно ради достижения власти, т.е. безусловно — во всех смыслах — хищные.

Те же люди, которые потенциально являются «хорошими начальниками», отесняются еще на низшем уровне иерархии человеческих сообществ. У них нет необходимых «железных локтей», нет «безусловной» жестокости, а есть только «никчёмная» совесть. Поэтому если они и становятся начальниками, то только на производстве или в науке. Здесь хищные не имеют «твердых» позиций, здесь необходимо честно трудиться. Правда, выше бригадиров, мастеров, начальников цехов, заведующих лабораторий нехищные люди поднимаются редко. Как только должность достигает «высшего административного» (у нас это была приснопамятная «номенклатура») или «сановного» уровня, доступ к таким «синекурам» для них становится маловероятным. Обычно откуда-то «сверху и сбоку» появляются «блатные» или чьи-то родственники. Даже если во властные высшие структуры затешется нехищный лидер (коллективно честолюбивый), то и ему придется следовать хищным правилам, выполнять чьи-то бесчеловечные приказы, иначе его сотрут в порошок.

Существует два уровня «доминирования» в человеческих сообществах.

У нехищных людей — это «жажда престижа» (правильнее бы сказать, «репутации»), желание быть уважаемым другими людьми. Обычно это завоевывается, точнее, добывается честным трудом, умом, простым образом жизни, добротой (святые). В «классических» деревнях «власть», в хорошем смысле «авторитет» (уважение, почет, послушание в случае возникшего спора) находится у самых справедливых, честных — у старейшин, аксакалов. У хищных же — это пресловутая «воля к власти», а также «жажда обогащения», доходящие до своих патологических пределов — «власть ради власти», «деньги ради денег».

Без постороннего хищного вмешательства в их жизнь, сообщества обычных людей очень быстро — за одно или два поколения — вытесняют из своих рядов хищных. А не то и выбивают их, как волков. И тогда мирная жизнь людей становится достаточно устойчивой. Подобное чаще случается в сельской местности и в небольших городках. Там все и всё на виду, хищные здесь не приживаются. Оно и понятно, — ведь их стесняют в поведении. Они становятся бирюками, бобылями, либо уходят в крупные города. Там для них возможна достаточная анонимность и свобода поведения. Именно поэтому с самых древних времен не прекращается моральное бичевание городов. «Все большие города прокляты».

При свободе же действий между хищными начинается беспощадная борьба за власть в социуме. И в итоге человеческие сообщества выстраиваются по стайному принципу «тюрем но-камерного социума». Главарь — прихлебатели — исполнители. Тиран — свита — народ. Но борьба наверху никогда не прекращается. И всё это — за власть ради власти. Ну что это, если не безумие, не паранойя?

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЧИКАТИЛО!

Знаменитый лозунг хищной власти — «закон превыше всего» — это всего лишь ширма, «юридический» фиговый листок. Это воочию демонстрирует Запад. Там сложилась такая сложная и запутанная система правовых норм и отношений, что рядовой гражданин уже не

может обойтись без услуг адвокатов.

Поэтому юриспруденция, особенно в США, стала одной из самых насыщенных и обжитых областей суггесторных корыстных адвокатских игрищ. Следуя закону, его букве, миллионы хитрющих, вьедливых хищных адвокатов, как пауки плетут хитроумнейшие «законогенные» сети. Они проводят юридически безукоризненные, и одновременно абсурдные и анекдотичные комбинации. Всё это во славу золотого тельца и с его помощью. И справедливость (для чего и сам закон-то нужен) торжествует далеко не всегда. Гораздо чаще с помощью якобы законности достигаются корыстные и преступные цели, освященные бездушной буквой закона.

Закон действует рационалистически, безлико и упрощенно, и тем не менее, он безраздельно главенствует над неписаными правилами народного общежития, традиционного уклада. Закон никогда не сможет охватить спонтанность жизни в ее моральном (этическом) измерении.

Юридическое право в системе обеспечения пресловутых «прав человека» превалирует над правом нравственным. Это доказывает внутреннюю бесчеловечность принципа «прав человека», из-за чего т.н. «правовое государство» вообще отстранено от нравственности [24]. Западное общество изначально было ориентировано на «плохого», злонамеренного человека. Вот и результат. Оно и стало плохим, причем — по самому большому счету.

Закон должен сочетаться со здравым смыслом и нравственностью.

Верховные законники общества должны иметь возможность преодолевать закон, его инерцию и неадекватность. У них должно быть право миловать и наказывать, согласно социальной справедливости. Но для этого требуется изредка нарушать мертвую букву закона. Моральное право на это могут иметь лишь люди совести, разума... Как бы некий суд присяжных, в самом идеальном гипотетическом варианте. Когда-то такое право имели монархи. Понятно, что подобное в нынешние времена хищного диктата никак не осуществимо. Нет «субъекта верховной совести». Вроде бы для этой же цели служат всяческие апелляции и обращения в высшие инстанции — в Верховные Суды, в Комиссии по реабилитации и помилованиям и т.п. Кое-что они, возможно, в этом плане способны сделать, но их к.п.д. очень низкий. Кроме того, их деятельность ограничена, является «односторонней». Никто из таких «верховных судей» не может совершить юридически противоположное. Скажем, осудить «невинно, ни за что оправданного» — ушедшего от ответственности (с помощью упомянутых адвокатов) очевидного преступника Или — не сажать в тюрьму уже искренне раскаявшегося человека, случайно, хотя и тяжко нарушившего закон Там царит такое же бездушие, бюрократия, как и везде в коридорах власти Нет искреннего участия в судьбе рядового человека. Накапливаются дела одиозные, юридически трудные и т.п. А элементарно понятные юридические аспекты, к тому же необходимые и чрезвычайно многочисленные, вообще не рассматриваются. Например, у нас это такие вопросы, как отдельная изоляция различного «ранга» правонарушителей,

«дедовщина», детская преступность. Не счесть таких безнадежно «повисших в воздухе» вопросов...

А зачем судить рецидивистов-убийц, насильников и убийц детей?!

Кому нужны суды над людоедами?. О какой такой гуманности может идти речь?!

Ох, уж эти набившие оскомину разговоры о пресловутых заморских «правах человека». Сейчас вот Запад настоятельно подталкивает нынешнее руководство России к отмене смертной казни.

Все эти вопросы возникают только из-за того, что их (эти права) совершенно неправомерно пытаются применять и по отношению к монстрам, к извергам рода человеческого. Это не просто абсурдно, но и ужасно. Они же не люди — не люди, и прав человека у них нет! Но хищные от юриспруденции всячески оберегают попавших в лапы закона хищных чудовищ. Вон, умер недавно президент-каннибал Ж.Б.Бокасса. Жан Батист —

человеческие всё имена. При Сталине был закон, запрещавший давать животным человеческие имена.

Отменили... Бокассу приговорили к смертной казни, но так и не казнили. Он спокойно дожил свой век на роскошной собственной вилле. Миллионы людей умирают под мостами и на свалках, а этот зверь — во сне, в собственной постели, под ласковым присмотром врачей. Как святой... Случайно ли это? Нет!

Это то, что именуется «рука руку моет». Сменившие его хищные властители ЮАР не пошли на казнь. Они чувствовали к сановному людоеду уважение, как к «настоящему человеку», что называется, «с большой буквы».

В Японии, в конце 1980 годов, тамошний людоед Цуетоми Миядзака садистски убил и съел нескольких девочек возрастом от 4-х лет и старше.

Судебный процесс длился 7 лет, врачи всё спорили о его вменяемости, в конце концов, приговорили к повешению, признали-таки, что он осознавал свои действия. В его доме нашли тысячи видеокассет с детской порнографией и садистскими фильмами. Врачи утверждают, что он таким людоедским образом хотел удовлетворить свои сексуальные желания.

Андрей Романович Чикатило — коллега Бокассы и Миядзаки по «гурманским пристрастиям» — тоже не «фраер», и так же комфортно ожидал казни несколько лет, уже после подписания смертного приговора. Читал Николая Островского в уютной «отдельной» камере. В США, приговоренные к смерти преступники, ожидают казни, как правило, не меньше 8 лет. Психологически, подсознательно — это защита «своих», и ничто иное. Эти «всеобщие амнистёры» подсознательно чувствуют, что и они сами могут однажды оказаться в таком же положении. Что им тоже захочется совершить как-нибудь, «под горячую руку»,

«под настроение», «для разрядки» тягчайшее преступление. Их постоянно обуревают страшные, злые грезы. Даже в самых уважаемых и внешне добрых (талантливых, артистичных) хищных субъектах наверняка присутствует этот внутренний фон предельной злобности.

Но почему же подобных защитников хищных чудовищ столь много? Тех же сторонников отмены смертной казни — не счесть. Это еще одно следствие великодушия нехищных людей. Они, по доброте своей душевной, считают, что, мол, «нехорошо и нам тоже убивать, пусть даже — и убийц, мы выше этого, мы же хорошие». О, святая простота! Если обычная простота хуже воровства, то уж святая — хуже некуда. Они не понимают того, что и в этом хищные их дурачат, как и во всём остальном. Аргументы хищных апологетов предельно примитивны и логически убоги. Мол, а вдруг невиновный попадется, и ни за что ни про что нарвется на «вышку»? Сколько вон, дескать, случаев расстрела ложно обвиненных — вместо истинных убийц?

Ну, причем тут невиновные и судебные ошибки? Ведь речь идет об очевидных случаях: о пойманных на месте преступления с поличным, о рецидивистах и т.п. Понятно, что если есть сомнения в виновности, то пусть, действительно, сидит сколько угодно до выяснения, или, на его счастье, поймут истинного преступника. Но закопанные в подвалах десятки трупов жертв, забитые человечиной холодильники, корыта для разделки трупов и виселицы для пыток. На сковороде жарятся отбивные, а в духовке тушится гуляш из человечины (при таких «поличных» обстоятельствах был задержан недавно людоед в Чувашии). С какого боку здесь может вклиниться гуманность?!

Ответьте, «господа хорошие»...

ПОТОП КАК «ПРОЖИТОЧНЫЙ МАКСИМУМ»

Самовозвышение хищных создает у них ложную уверенность в собственной непогрешимости. Даже в мелочах коррекция своего поведения дается им с трудом. А их лишенность сомнений доходит до курьезов. Но далеко не смешных, а страшных, из-за того, что

в их руках власть. Такие самоуверенные, убежденные в собственной непогрешимости, хищные «властные орлы» вначале борются за что-то одно, ясное и определенное. Затем — небольшая «подвижка».

Отстаивают уже нечто чуть-чуть иное, но не менее для них отчетливое. После этого они корректируют «свою борьбу» с учетом возникшего чего-то третьего, затем — пятого-десятого. Это именуется у них пресловутой «гибкостью» политической линии. В итоге, они приходят к защите или завоеванию чего-то совершенно противоположного первоначальному намерению. Они без сожалений расстаются и с «идеалами юности», и даже — со вчерашними убеждениями.

Отсутствие самокритичности оказывается губительным фактором во всех таких «корректировках» курса. Ведь каждая из них по отдельности была «несомненно» правильной. А в целом — полный крах.

В жизни дела всегда обстоят именно так: «человек предполагает, а Бог располагает». По Гегелю — это «хитрость разума». Человек своим убогим умишком строит вселенские планы, но при этом не замечает того, что окажется потом главным. Он абсолютно неспособен учесть эффекты, кажущиеся побочными, или попросту не замечает их. А они-то и приводят к самым неожиданным последствиям. «Дьявол прячется в деталях».

У хищных же политиков всегда всё, как назло! Эти побочные, никак не учитываемые, но неизбежные эффекты оказываются решающими в любом их начинании. И вот очередная «светлая» идея погребена под обломками всей отчаянно задумываемой всемирной постройкой. Рухнул карточный домик, который так рьяно выстраивал дьявольски хитрый, самоуверенный «политический демиург». Опять промахнулся нравственный пигмей, но зато гигант самомнения и вероломства. События «перестройки» — наиболее для нас впечатляющий пример подобной «актуальной корректировки политического курса». «Плавный» переход от строительства светлого здания демократического социализма в обновленном СССР к шабашу возведения бандитских халабуд дикого недокапитализма на развалинах великой страны.

Здесь, конечно же, не учитывается «внешняя заданность» всех этих разрушительных процессов. Наверняка, и западные «кукловоды» наших отечественных марионеток сами не могли предположить столь удачного крушения псевдосоциалистической системы. Им, поди, и не снилась такая эффективность их стратегии «подтачивания корней и подливания масла в огонь». Ни один из профессиональных советологов и антикоммунистов не смог ни в малейшей степени предугадать и предвидеть губительно-радостные процессы «перестройки». У самого авторитетного антисоветчика З.Бжезинского было не менее полдюжины возможных вариантов сценариев развала и гибели СССР. России. К тому же и по сей час неизвестно чем всё это может закончиться. Хотя победа Запада в холодной войне беспорна, и спасти Россию может только лишь какое-то чудо.

Какие бы прискорбные аналогии ни вызывались, но спасти Россию, русский народ может только национальная и одновременно социально-ориентированная (социалистическая) политика российского правительства. «Национально мыслящая власть способна в одночасье решить все текущие проблемы России» [31]. Только такая самоспасенная, обновленная Россия могла бы стать оплотом и форпостом борьбы, направленной против «атлантистов», в первую очередь — США, этого «нового Карфагена», который так же «должен быть разрушен» (идеологически) [25]. Иначе «новый мировой порядок», установленный Западом под эгидой США, окончательно ввергнет человечество во власть Молоха и Маммоны. Мир захлестнет потоп безнравственности, преподносимой как проявление «подлинной свободы личности и врожденных прав человека». К сожалению, вероятность появления такой «мыслящей» власти в России равна вероятности всякого иного истинного чуда.

Беспредельная самоуверенность хищных очень выгодна для них. И всё же она не адекватна внешним условиям. Это справедливо для подавляющего большинства хищных. Действительность никак не подтверждает их непомерные амбиции. По большому счету, всё

против них. Тактически они выигрывают, а стратегически победить им не дано в принципе. Соответственна и их реальная психологическая реакция на это. Такое несоответствие, «несправедливость» вызывает в них острые невротические и психопатические состояния, пришедшие на смену прежним (в историческом ракурсе) «сверхчеловеческим» и «суббожественным» доминантным амбициям.

К тому же хищным абсолютно недоступно понимание детской беззаботности и «экономической наивности» всех этих явных глупцов — народного стадного быдла. Ведь они же уверены, что «все и всё покупается и продается!» Ан нет! Превеликое множество людей не идут у них на поводу, не поддаются их хищным коварным уловкам, брезгуют их безнравственными приманками. Это бесит их дополнительно и усугубляет протекание их специфических неврозов и психопатий. И главное — обостряет присущий им глубинный комплекс неполноценности.

Этот комплекс, с одной стороны, схож с самоощущением плагиатора, который всю наслаждается славой, но понимает, что заслуга-то не его.

Поэтому воры так легко расстаются с награбленным, чужое добро всё же тяготит их, «жжет руки». С другой стороны, постоянно страдает их «сверхчеловеческая» самооценка. Она уже хоть и «своя», но уж очень подозрительна, «непрезентабельна». Ведь их взаимоотношения с безропотными, забытыми диффузными людьми больше всего напоминают ситуацию «молодец против овец».

Именно поэтому хищные вынуждены искать «достойного противника» — бороться друг с другом. На прочное длительное и крупномасштабное объединение они неспособны органически (их предел — стая, банда). Они ведь и впрямь сумасшедшие, без преувеличения. Достаточно будет примера всегдашней разобщенности тех же наших «демократов». Каждый из них сам себе наполеончик.

В своей палате. Но нельзя же обитателей сумасшедшего дома заставить дружно и слаженно работать во имя одной идеи. А объединись эти жуткие «парни всей Земли» — и людям каюк! Но, к счастью, объединиться могут лишь нехищные люди.

Их спасет именно стадность, вернее сказать, солидарность, групповая оборона, самоорганизация. «Пролетарии всех стран» (все люди честного труда) еще скажут свое грозное слово.

Выхода у хищных из этого ту пика «самозагнанности» нет. Для этого им нужно изменить самих себя. Но это, понятно, невозможно. Причина их хищности вовсе не наличие некой дополнительной «нейронности» в мозгу, не преимущество, а, наоборот, отсутствие таковой, ущербность. Из нехищного индивида можно сделать полное подобие хищного. Хирургическим ли путем, психотропным «инструментом», равно как и в результате черепно-мозговой травмы или опухоли можно получить «манкурта». Алкоголь и особенно наркотики тоже разрушают нравственные «нейроструктуры». Обратный же путь заказан. Как из нормального мужчины сделать кастрата достаточно легко, а наоборот — трудновато станет.

Поэтому у хищных единственный логически возможный выход из создавшегося для них положения в современном мире — это сугубо их «выход».

Это — уничтожение всех! Для хищных смерть есть смерть чисто животного-растительного типа. Уход в ничто и навсегда. То, что называется экологами «выпадение в мир минеральных удобрений». И хищные знают и чувствуют это очень точно и ясно. Они ничего не оставляют людям, кроме недоброй по себе памяти. Поэтому-то они и боятся так смерти, и с превеликой радостью потянули бы за собой всех. Уголовный вариант этого принципа — «пусть я подохну завтра, а ты — сегодня!» Не напрасно в СМИ постоянно муссируется тема попадания «ядерной кнопки в нехорошие руки».

На таком психологическом фундаменте возрастает «жизненное» кредо самой опасной части хищных. Их можно назвать сверх-экстремистами. Они руководствуются

«метажизненной», по-своему логичной, «программой-максимум»:

«Мне бы урвать от жизни побольше, а там — хоть потоп! Но еще бы лучше и надежнее — это конец света организовать. Вот взорвать бы всё к чертовой матери!! Вот красота б была! Вот спасла б она ИМ мир!» ИМ — это нам с вами... (Уж не в этом ли ракурсе, не приведи Господи, следует понимать заявление Березовского о «праве России на первый ядерный удар»?)

Никак не теряют своей актуальности слова знаменитого антифашиста Юлиуса Фучика из его предсмертной книги «Репортаж с петлей на шее»: «Люди будьте бдительны! Я любил вас». Любить людей трудное и неблагодарное занятие, но действительно пора что-то делать — ни за что ведь пропадают.

НАРОД ВСЕГДА ПРАВ?

Не следует, в то же время, думать, что без хищных индивидов, после их изоляции и профессиональной переориентации в «золотари»-ассенизаторы (что столь рьяно пропагандируется автором), человечество станет ангельски добрым и безгрешным. Диффузный вид имеет необычайно широкий поведенческий диапазон, и потому это тоже далеко «не подарок». Он — как бы проекция всего нынешнего человечества, его подобие, в его недрах тоже есть всё, что присуще всему человечеству, хотя и не в такой чудовищной мере (и это главное!), которую добавляют человечеству, взятому в целом, хищные его члены.

Больше того. Нехищные люди «хороши» лишь в «норме», но если их сильно «растревожить», то результаты совершенно непредсказуемы, ожидать можно чего угодно. Здесь уместно будет отметить, что вообще жестокость нехищных высокоразвитых животных в экстремальных условиях может далеко превосходить «изящную», игровую методику умерщвления своих жертв хищниками.

Это объясняется тем, что нехищным приходится действовать как бы в непривычной для себя манере. Для их видового поведения агрессивность несвойственна, им необходимо действовать в сфере чуждых для них инстинктов.

Естественно, что они при этом «вырываются из рамок», и могут натворить невесть что, «наломать еще тех дров». Нелишне будет вспомнить разъяренных быков корриды. Да даже безобидный домашний козел способен в иной ситуации забодать человека насмерть. Они при этом «не ведают, что творят» — таково объяснение их поведения. Так и диффузные люди — в пьяном виде или в озлобленном состоянии, когда их «доведут», способны вытворить такое, что и суперанималам не снилось. Уголовная хроника пестрит подобными фактами «превышения» не то, что «необходимой обороны», а вообще — любых мыслимых уровней жестокости. Чаще всего это случается в пьяном «сопровождении», и протрезвев, эти несчастные ничего не помнят, и не могут даже представить себе того, что они накануне натворили. В отчаянье раскаяния они часто идут на самоубийство. Лучшим солдатом в Европе недаром считается русский солдат.

Именно потому, что воевать — это не его дело, но если приходится оборонять Родину, то ему нет равных, наемник же из него никудышный.

Социально-психологическая доминанта русского народа — нехищный принцип «не замай» («нас не тронь — и мы не тронем»), что есть прямое следствие обостренного чувства справедливости («правды») у русского народа.

И еще одно печальное обстоятельство. Определенная часть людей диффузного вида стараются подражать и вторить хищным. Для них они являются образцом — «референтной группой». Это — предатели стада, их нравственность очень хрупка. По самым скромным оценкам, их насчитывается до 25 % вида. Им свойственна т.н. «идентификация», отождествление себя с хищными, некая разновидность «стокгольмского синдрома», характерного тем, что заложники начинают сочувствовать террористам и даже отождествляют себя с ними.

Наиболее иллюстративны в этом плане иные слуги. Они доходят в этом «деле» самоотжествления со своими хозяевами до того, что становятся полной их карикатурой.

Точно такую же карикатурность буквально во всём демонстрируют и наши российские «западники». Носят шорты, штатовские кепки-бейсболки с солнцезащитными козырьками, — это же всё пригодно для жаркого южного климата, а не для нашей холодрыги. Чуть ли не давятся жвачкой, кока-колой, сникерсами и прочими заморскими некондиционными «деликатесами». Напяливают на себя одежду с иностранными надписями, всяческими диковинными «Los Angeles Kings», «Chicago Bulls», что так же нелепо, как если бы в Лос-Анджелесе или Чикаго какие-нибудь тамошние бейсбольные фанаты предпочли вдруг символику московских болельщиков: «Спартак — чемпион!». К этой же прискорбной группе относятся олигофрены — всякого рода генетический брак и равно алкогольные и наркотические деграданты: идиоты, имбецилы, дебилы. Именно дебилов широко используют в своих целях преступники, злоупотребляя их гипертрофированной внушаемостью.

Апатия, стремление подчиниться власти, пассивность или, наоборот, неадекватная активность и т.п., качества народных масс приводят к катастрофам, от которых больше всего страдают они же сами. И всё же признать эту вину народных масс и возложить на них всю полноту ответственности необходимо. Это будет означать серьезное отношение к ним, а не как к маленьким, беспомощным, невротическим детям, которым требуется опека со стороны строгой матери (власти) [7].

Нравственный прогресс в человеческих социумах осуществляется в основном из-за присутствия среди народных диффузных масс неоантропов, воистину, «соли земли». Они, обладая обостренным нравственным чувством, чутьем, выполняют важную роль «оценщиков» действий и намерений людей. Они не внушаемы, и власть предрержащим их не провести. Они как те андерсеновские мальчишки, говорящие всем: «А король-то голый!». Власти с удовольствием бы их всех уничтожили, но это невозможно чисто технически — неоантропы рассеяны и не на виду. «Истинно великие люди проходят по жизни незаметно». В их присутствии у диффузных людей, как бы просыпается или усиливается нравственное чувство. Им бывает стыдно за иные свои неблагоприятные поступки или недобрые намерения. Неоантропы — это как постоянный им живой укор, неопровержимый и неустрашимый. И знаменитый девиз «народ всегда прав» непотопляемо держится в общественном сознании именно благодаря неброской этической деятельности неоантропов. Но, в принципе, диффузные люди недолюбливают неоантропов (хотя в глубине души не могут их не уважать) — за их бескомпромиссность и, кажущееся им чрезмерным или неуместным, морализирование. Вот она — людская неблагодарность где! Ведь неоантропы выполняют еще и ту роль, которую в стаде выполняют животные. Сигнализирующие всем остальным об опасности. Но и диффузных людей можно отчасти понять: трудно находиться в перманентном состоянии «нашкодившего», в котором, сами того не желая, держат их неоантропы.

В целом же, в диффузных людях сокрыто и заложено очень много доброй хитрости, смётки, энергичности как доброй силы — удали, азартности, веселости и даже героизма. Это можно легко увидеть в любом, что называется,

«нормальном мужике». Но все эти качества в корне отличны от злобного коварства суггесторов, их мстительности, злорадства (радости при виде несчастья «ближних»), не говоря уже о злой нерассуждающей силе (безрассудности) суперанималов. И весь вопрос выживания человечества, его будущего, упирается в то, за «кем пойдет середняк», диффузный вид: за манящими яркой мишурой хищными («не всё то золото...») или же за скромно обещающими незримые духовные богатства неоантропами.

Нехищные, преимущественно диффузные люди, в своем поведении выказывают то, что называется (за неимением иного сносного объяснения) «иррациональностью». Непонятно, почему они подчиняются властям, зачем следуют за такими лидерами, которые их явно

«подводят под монастырь».

Муссолини. Сталин. Гитлер, — все они подчинили и повели за собой миллионы людей. Нелепое вторичное избрание кремлёвского экстравыпивохи: пусть, говорят, и с подтасовками считали, но проголосовали же! Знают прекрасно, что обманет, и всё равно выбрали себе на голову. Выберут, наверное, и в третий раз, если не объявится кто-то типа Сталина (а ведь не помешало бы такое «русское чудо!»).

Объяснение этому феномену давали разное. И дуболомные ортодоксы марксисты, и буржуазные, по-иезуитски изощренные, психологи. Наиболее близко к этой проблеме психологии масс, их иррационального поведения, подошли Зигмунд Фрейд и Вильгельм Райх (провозвестник сексуальной революции).

Подошли-то они, подошли, но как бы с другой стороны («бессознательно-генитальной»), с той, откуда нет открытого входа к пониманию и объяснению этого парадокса, на котором стоит всё мировое крупномасштабное насилие в мире. Почему тираны так легко находят себе сонмы исполнителей.

Главный признак диффузного вида — внушаемость, конформность сознания. Но это вовсе не означает готовность следовать любому дурацкому призыву (хотя, понятно, бывают и такие индивиды, как те же наши «западники» вкупе с олигофренами). Внушаемость в норме — это разумная способность менять свой взгляды, убеждения и даже веру под влиянием новых фактов, после их анализа и оценки. Это изменение жизненной позиции, основанное на переменах в самой жизни — разумная и естественная реакция нормального человека. Именно поэтому диффузный вид, собственно, и является человеком разумным.

Одновременно в этом и состоит его слабость перед хищными властителями.

Представители диффузного вида внушаемы, а значит, подчиняемы. И на протяжении всей человеческой истории ими распоряжались хищники, заставляя их умирать на полях сражений, костями ложиться в основания «великихстроек» от египетских пирамид до воркутинских шахт. Диффузный вид наиболее многочислен на Земле, этот вид и есть народ. То, что политики всех рангов, и вообще хищные всех окрасок, называют «массы», «толпа», «быдло» и т.п., постоянно стараясь использовать его в своих интересах, что им чаще всего и удается.

А всё дело в диффузном менталитете, в структуре мышления нехищных людей. В основе человеческого мышления лежит «дипластия» (см. Приложение), способность к абсурду. Это и есть та самая «иррациональность». У животных этого качества нет, они не способны к абсурду. У хищных гоминид дипластия проявляется в гораздо меньшей степени, чем у нехищных людей. Они действительно и в этом плане рациональности ближе к животным. Нехищные люди, грубо говоря, постоянно обуреваемы сомнениями, «непонятностями», им трудно остановиться на чём-либо окончательно. Поэтому любые облегченные варианты, хотя и внутренне противоречивые, пусть неверные, но зато простые и понятные — их устраивают. Им так легче. Они вырабатывают противоречивый, но просто выраженный, стереотип и действуют согласно ему. Но и он всегда может поменяться, ибо уж очень он неустойчив. И в то же время сомнения их никогда не оставляют, их сознание всегда открыто для новых внушений, и они всегда готовы к манипулированию собою со стороны хищных. Призывы же к праведному, разумному поведению их особо не увлекают, ибо это более сложное и в какой-то мере аскетичное поведение. В то же время лживая хищная пропаганда, как правило, очень яркая, и к тому же она «хорошо поставлена», дает множество понятных стереотипов поведения. Самый яркий пример подобного воздействия — это реклама. Казалось бы, подобное назойливое убожество должно вызывать у людей лишь раздражение и отвращение к рекламируемой продукции. Но нет, — действительно покупают, в том числе и заведомую дрянь. И этим вот примитивным, но надежным средством в полной мере пользуются дельцы.

По внешним признакам подобное поведение нехищных людей похоже на проявление глупости, но это далеко не так, всё намного сложнее. В общем случае, этот феномен «открытости сознания» можно образно сравнить с образовательным уровнем, но только «школа

и программы обучения» в этом случае предельно значимы. Это — осознание бытия, понимание внешнего и богатство внутреннего мира, видение смысла жизни, т.е. есть весь менталитет человека, взятый в целом. При подобном сравнении, суперанималы в такой «школе жизни» заканчивают четыре класса, а то и меньше, и с этим «начальным образованием» уходят «работать» в жизнь. Суггесторы имеют «неполное или полное среднее образование», и им тоже этого вполне достаточно для того, чтобы весьма успешно крутиться в мире и обдѣлывать свои мерзкие делишки.

Здесь вполне применим один афоризм Гёте. «Есть люди, которые никогда не заблуждаются, потому что никогда не задаются никакими разумными мыслями». Об этом же не менее резко высказался А.А.Зиновьев. «Виртуозы по умению жить в обществе (карьеристы, предприниматели, ловкачи, мошенники) обычно являются полными кретинами в понимании общества» [26].

Нехищные же люди в этом плане сравнимы с людьми, которые учатся всю жизнь, но так и не научаются чему-то определенному и не останавливаются.

«Век живи, — век учись, и дураком помрешь». Если отбросить негативный и иронический смысл, то это всё чистая правда. Они иногда «доучиваются» в разного рода «высших учебных заведениях»: церковь, иные духовные школы, как дополнение — многочисленные бродячие «частные преподаватели-гуру». Основная беда подобного «высшего образования» в области духовности — то, что большинство из тамошних «штатных» преподавателей являются теми же самыми хищными, чаще суггесторами, нашедшими здесь свою «кормушку». И польза от такого воспитания по большей части лишь эфемерная. Истинно духовное воспитание пока что имеет лишь самообразовательные формы: чтение хороших книг, самостоятельные раздумья.

В итоге возникает невообразимый, страшный по своим социальным последствиям парадокс. Крайности — в который раз! — сходятся.

Иррациональность хищных, вызванная их органическим недомыслием, неспособностью к пониманию глубинных этических аспектов Бытия, по внешним своим признакам воспринимается диффузными людьми, как родственная им черта.

Непонятное, явно иррациональное поведение властей — то одна «плюха», то другая, еще дурей — не вызывает у людей бурного (адекватного!) негодования.

Мол, там тоже такие дураки, как и мы, свои-де мужики! Они даже предполагают в ином вожде необычайную глубину мысли, скрываемую якобы за внешней простотой или самодурством. Но иррациональность нехищных людей вызвана, наоборот, всегдашней открытостью их сознания к восприятию любой новой сложности и непонятности Мира. И тот властитель, который им кажется рубахой-парнем, бузотером или грубоватым шутником, есть очень злое и опасное существо, совершенно, принципиально с ними не схожее! Это — существо другого психофизиологического вида, способное растоптать любого, кто окажется на его пути. И его следует не то, что всемерно опасаться, а попросту — шарахаться от него и обходить десятой дорогой.

«Роковая дилемма человека — сила или благородство, в этом выборе он по существу не волен. Что-то решает за него. Я, например, не могу выбрать силу». Эти слова Джорджа Оруэлла в краткой форме высвечивают суть нашей проблемы. «Что-то» — это именно врожденные видовые признаки, которые собственно и «решают» за человека, что ему следует выбрать. Будет ли он руководствоваться «силой» (врожденной агрессивностью или коварством), как мотивом своих действий, решений. Или же «благородство» (опять-таки врожденное) не даст ему такой возможности, и он, в конце концов, выберет занятие, достойное называться «делом человека разумного». Конечно же, если ему позволят жизненные обстоятельства, что не всегда происходит. Жизнь очень сложная и противоречивая штука уже сама по себе, даже и без учета вмешательства хищных.

Правда, Оруэлл не совсем удачен в выборе терминов. «Благородство» — замусорено архаичной аристократичностью и манерностью («салон благородных девиц», «ваше

благородие»). Хотя и имеет совершенно верное второе значение:

«высоконравственный, безукоризненно честный». «Рожденное для блага», те, истинно гуманное, достойное высокого звания Человек. И почему именно «дилемма»? Дилемма — это выбор между двумя нежелательными возможностями, но разве благородство — это так же плохо, как и сила? Правильнее будет «альтернатива» — просто выбор в широком смысле, и не между двумя, а между большим количеством возможностей, как хороших, так и плохих. Например, можно добавить в качестве возможностей выбора для человека — не силу, а невмешательство, не благородство, а, скажем, посильное для личности следование гуманным принципам.

Таким образом, «пути, которые мы выбираем» не есть наш свободный полностью выбор — это понятно. Хотя «порыпаться» туда-сюда человеку доводится очень часто. Но если иметь в виду его окончательный выбор, то таковой для человека определен по рождению, по его видовым признакам. Пусть даже выбор этот и не осуществлен реально, пусть он живет лишь в виде мечты, даже мечты несбыточной, это не меняет сути. Не может мечтать наемный убийца о том, чтобы стать токарем или трактористом. Не вознесется торговый аферист к «высокой мечте» побыть в шкуре землекопа. Но те же земледельцы или шахтеры не станут грезить о «блестящей, искрометной карьере» карманника или шулера, и именно в этом состоит их духовное величие.

К сожалению, во многих сообществах Земли удалось-таки внедрить в народное сознание хищное стремление к обогащению. Так, в основе специфически западной преступности лежат два жутковатых принципа. Первый: если западный человек может совершить преступление в своих интересах, будучи уверен в том, что ему удастся избежать наказания, он совершает его. И второй: если индивид, совершивший преступление, не разоблачен и официально не осужден как преступник, он преступником себя не ощущает [26]. Такова же «нравственная» подоплека пресловутой «американской мечты» о куче долларов, о «миллионе в кармане». Расхожий сюжет литературной и кинематографической продукции Запада: некий счастливчик завладевает деньгами мафии, бандиты его преследуют, но после жутких приключений он всё же благополучно уходит от них. И цель жизни для него, таким образом, достигнута: он теперь богат.

Прямо-таки «через тернии — к звездам»! При этом нет даже намек на мысль о том, что эти деньги не просто нечестные, а они — на крови людей! Но у них там, как хорошо известно, «деньги не пахнут»...

ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

Борьба с хищной властью необходима, иначе человечеству не выжить.

Бездействие нехищных людей опасно для человечества. Ситуация, с одной стороны, точно такая же, как и опасность от других каких-нибудь хищников, ставших опасными для людей. Так уничтожают волков, тигров или львов, нападающих на людей. Доведение их численности до приемлемой нормы, создание заповедников. С другой стороны, человеческие хищники несравнимо опаснее.

«Социальная паранойя» властителей, пущенная «на самотек», может привести к тому, что они действительно «потянут за собой» всех! Весьма вероятно, что у них уже есть планы полного уничтожения людей, или значительной их части.

Теоретические подобные разработки существуют наверняка.

То, что хищные иерархи Земли могут пойти на всеобщее уничтожение людей, — вовсе не фантастическое предположение. Даже наличие у них детей не означает ровным счетом ничего. Забота о потомках не их стезя. Достаточно вспомнить все те многочисленные случаи самоубийств хищных с предварительным уничтожением собственной семьи. Они даже могут при этом иметь «основательные» доводы. «Я всё это своим собственным горбом заработал, а они (дети) пользуйся этим всем за „просто так“! Нет, так дело не пойдёт! Где мой любимый

топорик?!» У нехищных людей подобное невозможно. Они всё отдадут, лишь бы детям было лучше.

Жестокость же хищных по отношению к собственной родне поразительна. Всемирная история пестрит всевозможными династическими дрязгами: смертельными «разборками» между венценосными родственниками.

Достаточно вспомнить отечественных «верховных» сыноубийц: Иван Грозный, Петр Первый, Сталин. Но и не столь одиозные личности могут проявить не меньшую «доблесть» в этом плане. В Таджикистане уже более пяти лет воюют между собой «юрчики» и «вовчики». У некоего воителя «юрчика» (?) Худойбердыева «гады-вовчики» взяли в заложники его родню. В том числе и троих его детей.

Так он собственноручно в тот дом, где удерживались эти заложники, выпустил прямой наводкой из пушки семь снарядов! Нехищных же людей, наоборот, предельно ожесточить может страшное несчастье с их детьми. Но чтоб самим их убивать, или имея возможность спасти их, не сделать этого, — на такое изуверство они органически неспособны.

То, что хищных расстреливают, сажают на электрический стул, вешают, гильотинируют, с позиции нехищных людей совершенно справедливо. Но ведь хищные морально невменяемы: так или иначе, но они дефективные.

Кардинальные, высшие мотивы у них крайне примитивны, либо отсутствуют вовсе.

Это следствие присущей им «социальной паранойи». И врожденность видовых различий должна быть как-то учтена. Но пока не будет соответствующих изменений в уголовном законодательстве (нужна статья о моральной невменяемости), — всё так и останется.

И в будущем, когда людям станет окончательно ясно, кто есть кто, и откуда исходит всё зло, — наверняка на первых порах не удастся избежать таких явлений, как «видовые чистки». Подобные прецеденты уже создавались, и неоднократно. Уже упоминалось, как в 1960-х годах велась борьба с организованной преступностью в СССР. В свое время Столыпин введением военно-полевых судов и оперативными казнями («столыпинскими галстуками») уже было покончил с террористами в России. Но хищные всё же смогли извернуться и «завалили» Россию. Можно вспомнить и то, как Гитлер жестокими мерами искоренил преступность в Третьем Рейхе (за исключением коррупции, она цвела махровым цветом под самым его носом: продавались даже должности в гестапо).

Маршал Жуков в послевоенной Одессе как-то в одну ночь извел под корень бандитизм. По его приказу в шикарную гражданскую одежду с трофейных складов нарядили несколько сотен офицеров и отправили вечером гулять по городу.

Грабители, нападавшие на них, расстреливались на месте. Утром «вся Одеса» вздохнула свободно...

Вздохнет ли когда-нибудь свободно всё человечество? Ибо подобные меры — это капля в море. Для избавления простых людей необходимы и иные крупномасштабные облавы. В первую очередь — на безнравственных политиков и чиновников.

Каковы же возможные пути и перспективы борьбы с хищной властью?

Традиционный и испытанный путь — это откровенная борьба с властными структурами, и в итоге построение истинно социалистического, справедливого общества. Установление Диктатуры Совесть. Ведь человечество, имея «за душой» рассудок и Разум, по логике вещей, способно создать на порядки более высокий уровень социальности, нежели объединения животных, существующие в Природе.

Социализм как таковой — это справедливость, это общество с правдой, праведное.

Но не тут-то было! Пока что, всё под тем же «мудрым руководством» хищных, человечество лишь воплощало и продолжает воплощать в жизнь всё те же этологические социальные системы. Древние и современные деспотии, тоталитарные режимы

(теократические, фашистские и псевдосоциалистические) — это жалкое (но такое же страшное!) подобие эусоциальных самоорганизаций общественных насекомых (пчел, муравьев). А «либеральные», «демократические» государственные устройства «свободных» стран Запада — это прямая «калька» со стайного звериного построения по принципам «законов джунглей», где место слабому или ослабевшему человеку отведено на свалке.

Беспричинные, бессмысленные войны древности ныне сменились меркантильными изощренными финансовыми битвами транснациональных монстров: за рынки сбыта, сырье, дешевую рабочую силу, — по большому счету, столь же бессмысленными. Если человечество собирается выживать, то оно просто обязано будет перейти к разумно организованному социальному сосуществованию. Без звериной «свободно-рыночно-биржевой» стихии и равно — без предельно регламентированного муравьиного упорядочивания.

Но сразу же встает вопрос — кто будет возглавлять борьбу за это?

Опять-таки, скорее всего, — хищные. В лучшем случае, они будут обладать установкой на «добро», т.е. находить выход для своей агрессивности в борьбе со «злом», насилием. «Добро должно быть с кулаками» — будут говорить они.

Другая часть хищного поголовья исповедует неприкрытую злонамеренность. Но эти тоже частично примкнут к борьбе за справедливое, доброе, разумное общество. Такая же ситуация, как в фильме «Великолепная семерка». Крестьяне, на которых постоянно «наезжает» банда, решаются от отчаяния на крайний шаг — нанимают городских, якобы «благородных», головорезов. Те погибают, но банду успевают-таки разгромить. Всё это годится только для кинематографа. Реальная жизнь не так романтична. Эти новые, «хорошие» бандиты наверняка после расправы над деревенской шайкой сами обложили бы данью несчастных крестьян.

А уйди они, — пришли бы и «наехали» другие бандиты. Ситуация, типичная для рэкета. Хотя всё же существуют в истории и нехищные вожди, которые добивались великих побед. Достаточно вспомнить Христа, Махатму Ганди... Но это — такая же редкость, как алмазы в куче навоза.

Существует теоретическое описание и «второго пути». Это — медленное вытеснение и замена хищного состава «сильных мира сего» нехищными интеллектуалами. И в конце концов, — создание интеллектуально-нравственной власти в обществе. При этом должно произойти неминуемое отступление хищных в уголовные структуры, как в их последнее пристанище. И в конечном итоге преступность приобретет статус атавизма.

При таком мирном переходе общество, возможно, внешне потускнеет, станет похоже на «устойчивый» реликтовый этнос. Но это — лишь на первое время, в дальнейшем от него можно ожидать постепенного восхождения к совершенно новым духовным горизонтам — неспешно, «медленно, но верно».

Нехищные интеллектуалы в творческом плане более «основательны и глубинны» в сравнении с хищными. Опасность здесь в том, что при таком мирном переходе общество, вероятно, потеряет иммунитет к хищным действиям. «Недобитые» хищные в какой-то момент смогут легко организовать в стаю и установить свою тиранию, — провозгласить какой-нибудь новый «тысячелетний рейх».

Правда, для того, чтобы «сильным мира сего» столь радикально изменить собственный состав, так щедро поделиться своей властью (чуть ли не последнюю рубаху отдать, вместе со скипетром!), народу потребовалось бы потерпеть, как терпел раньше, еще, предположительно, тысячу — две лет. За это время хищные «перебесятся», и в человеческих социумах сменятся полностью жизненные приоритеты. Человек станет жить дольше: лет этак по 150-170, и многие социальные проблемы отпадут сами собой.

Маловероятно, что это произойдет само по себе. Конечно, продление человеческой жизни снимет многое, но не всё. Главное даже не в этом.

Нынешняя хищническая направленность финансово-политической власти в мире ведет человечество напрямик в пропасть и времени «ждать у моря погоды» нет!

Экологи, напомним, прогнозируют уже в 2010 году на Земле начало необратимых губительных процессов.

В то же время стихийная, неосознанная война с хищными видами (классовая борьба) уже накопила колоссальный опыт. Правда, в основном — негативный. Хорошо известно лишь, как и что не надо было делать. Зато теперь можно было бы учесть массу допущенных ошибок. Поэтому есть большая вероятность того, что люди попытаются всё же именно таким прямым путем сокрушить хищную нечисть. Народ в состоянии свергнуть любой деспотизм, но он, к сожалению, пока что не способен предотвращать возникновение нового деспотизма. "Трудящиеся массы неспособны к самостоятельному ведению своих общественных дел, но мы не считаем эту неспособность абсолютной, врожденной и вечной. Она есть результат предыдущих социальных условий жизни.

Следовательно, эта неспособность поддается изменению" [7]. Поэтому самое главное — не победа, а то, как потом удержать хищных во внутренних контурах общественных структур, не допустить их к власти. Иначе вновь всё пойдет прахом. Ситуация здесь в чистом виде «кто кого»? Либо трудящиеся после своей победы самоорганизуются и установят прямую «рабочую демократию», либо власть вновь захватят хищные.

И единственно, где это могло бы произойти, и кто мог бы возглавить эту борьбу за справедливое общество, так это — Россия и русский народ. Своей самоотверженной судьбой он выстрадал и заслужил это право. Нехищный русский менталитет, уникальная культура России, ее наука, литература, — такой высокой планки не достигал никто в мире. Но вопрос в том, удастся ли вдохновить русских людей на новые свершения. Хватит ли у народа сил? Ибо демографическая ситуация в стране катастрофична, губительна! Все оптимистические прогнозы строятся на одном-единственном доводе: дескать.

Россия не однажды уже переживала неслыханные потрясения, значит, выкарабкается и сейчас. Вряд ли этот аргумент убедителен: ну, сколько ж можно нещадно избивать народ! Ведь его «запас прочности» не беспределен. Но по сути дела и выхода иного нет — прозябание (а в итоге тоже гибель!) на задворках истории, в резервации американской «культуры кока-кола», вряд ли сможет устроить русский народ. И именно эта борьба могла бы стать той российской общенациональной идеей, которую безуспешно ищут все патриоты России.

Сама же организация разумного сообщества — уже не проблема. Есть научные разработки устойчивой и экономически эффективной общественной системы, наделенной разумом и самозащищенной от «хождения во власть» мерзавцев и подлецов [27]. Ее можно именовать равно и социалистической, и капиталистической. Основным принцип заключается в том, что капитал человека — это его накопленный общественно-полезный труд. Поэтому капиталистом, владельцем основных средств производства автоматически считается лишь человек честного труда, имеющий достаточно большой стаж — 25 лет (как сейчас у военных для права на пенсию) или меньше, если профессия, что называется «на износ». Возможны также исключения для ученых, изобретателей, внесших очень большой вклад в эффективность народного хозяйства. Неправедные капиталы экономикой отсекаются, как и их владельцы, — обществом.

Но новая война всегда есть новая. Ставка на опыт старых войн часто оказывается ошибочной и пагубной. Во время Великой Отечественной войны доблестная, но архаическая конница (гроза и гордость эпохи Гражданской войны) генерала Доватора была буквально раздавлена в глубоких снегах под Москвой гусеницами гитлеровских танков. Так что неизвестно, что может получиться в результате новых социалистических революций. Народ на власти — привычно с булжником и автоматом Калашникова, а те — возьми, да и вруби по какому-нибудь «НТВ-плюс» спутниковое психотронное оружие! Разработанное, как и всё остальное, нехищными людьми. Властям — на радость, себе — на погибель...

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Одно из глубочайших прозрений гуманистической мысли заключается в том, что человек не может подчинять человека, использовать его как средство, равный не может управлять, командовать, манипулировать равным. Именно здесь социально-психологические корни иерархии. Дворянства, боярства, титулы, касты — это как бы «вынужденная» мера. Вопрос подчинения человека человеку тут же, как игрушка-"неваляшка", перескакивает в плоскость иного вопроса.

Является ли раб (крепостной, слуга) полноценным человеком, равным рабовладельцу (хозяину)? Один из них (понятно кто) обязан считаться «неравным» (неполноценным, недочеловеком). Создатель логики Аристотель чистосердечно и наверняка «логично» считал рабов (в том числе, и таких же греков, как и он) рабочим скотом. Эта закономерность «докатывается» даже до взаимоотношений полов. Женщина занимает в обществе подчиненное положение, и ей присваивается «командирами» — мужчинами статус второсортности. Глупа, короткие руки-ноги, покатые плечи. Если бы главенствующие позиции в обществе занимали женщины, то наверняка имело бы место противоположное: второсортен был бы уже мужчина. Еще бы — не способен рожать, уродливая фигура, невероятно глуп.

Есть такой анекдот. У верблюда спрашивают: «Почему у тебя шея такая кривая?» А тот отвечает: «А что у меня ровное?» И действительно, всё у него — от шеи до генитального хозяйства — как-то не так, не в ту сторону, всё не как у других зверей. Так же вот обстоят дела и у людей. Вернее, верблюду далеко до человека в этом плане. У человечества, куда ни кинь, что ни возьми — везде парадокс на парадоксе. Всё у него или «кривое» или из ряда вон выходящее. Так же вот и безудержное стремление к власти противоречиво уживается в человечестве с интуитивным убеждением в неподвластности человека человеку. Без учета этических врожденных (видовых) различий это необъяснимо.

А разрешается это противоречие самым негодным образом. У животных вожаком автоматически становится самый лучший, сильный или хитрый, он и есть подлинный «аристократ». У людей «всё так же, но не так». Правят худшие, хотя и называющие себя «наместниками богов», «аристократами», «честью и умом эпохи» и т.п. Доказательство тому элементарно.

Если бы у людей правили «урожденные» лучшие, настоящие аристократы, то люди жили бы с каждым днем всё лучше и лучше. Все социальные проблемы освещались бы честно, и потому решались гораздо легче, во всяком случае, без страшных катастроф и надрывов. Парадокс в том, что правят именно самые худшие. Лучшие они только по животным меркам, да и то, это под большим вопросом. Из них и животные никудышные, патологические, которых даже «сажать на одном гектаре» с нормальными зверями нельзя. Поэтому столь же патологична и парадоксальна история человечества.

Человечество парадоксально движется по двум несовместимым линиям социального отбора личностей: насилия и ненасилия, злобности и доброты. Всё зависит от того, какой путь человек — вынужденно или добровольно — выбирает, и в какой мере этот путь ему подходит. Некоторый нравственный прогресс существует лишь благодаря тому, что диффузный вид и неантропы «берут массой». Принося неисчислимые жертвы, погибая в невероятных количествах, тяжело страдая, нехищные люди всё же одолевают хищных. Кренясь с боку на бок, шараясь с одного галса на другой, народный «дредноут», ведомый пиратским безумным экипажем, тем не менее, не теряет свою «остойчивость». В итоге, доброта («добро», «правда») через трудный и болезненный опыт постепенно берет верх.

Достаточно указать на то, что почти все нынешние политические лозунги имеют исключительно гуманный характер, т.е. нехищный. Никакая апологетика завоевательных войн, например, уже невозможна. Все свои людоедские проекты и предприятия (ущемление прав

трудящихся, вредные производства, захоронение ядовитых отходов, выпуск некачественной продукции) власть предержавшие либо всячески утаивают, либо преподносят общественности в фальшивой яркой рекламной обертке.

Но иногда власть имущих всё же можно «поймать на слове». Так, все перестроечные легальные призывы и действия властей в России «подаются» людям лишь в «иностранной» упаковке. Их невозможно перевести на русский язык без того, чтобы не выявилась их преступная, хищническая суть. «Либерализация цен», «ваучеры», «приватизация», «секвестр» — вся эта «инглиш-феня» призвана скрыть грабительскую сущность «перестройки», захват народного достояния кучкой хищников. Высказанная же по-русски, эта словесная дымовая завеса сразу рассеивается. «Реституция» — означает отдать назад ни за что ни про что наши воинские трофеи. Но мы же не просто победили, мы победили в оборонительной войне, не мы ее начали! Поэтому пусть сначала вернут нам 30 миллионов погибших. Не говоря уже о том, что они там награбили в тысячах наших разрушенных городов и весей — этим пусть подавятся, не беспокоятся «реституировать». А то суют, понимаешь, картинку из украденной «янтарной комнаты», делают одолжение.

Но всё это, к сожалению, лишь «слова, слова, слова», несмотря ни на что хищная власть спокойно «слушает да ест», безнаказанно вершит свое страшное дело. И по вине хищных властителей продолжается «кривой» зоологический путь разумного человечества (или считающего себя разумным). А путь этот давно необходимо прервать, пора выходить на «прямую» истинно человеческую дорогу.

Поэтому-то и хочется видеть только хорошее в некоторых людях, взявших некогда на себя бремя власти, под влиянием очень неблагоприятных социальных факторов, видеть в них именно людей, а не зоопсихологических существ, удовлетворяющих атрибутами государственного официоза некую свою, непонятную обычным людям, «похоть власти». Именно такими людьми, спасающими Отечество, видятся в нашей бедолажной российской истории Минин и Пожарский, Кутузов, Столыпин и некоторые иные деятели. Хочется видеть в них именно нехищных людей, что дает некоторую надежду на возможность «исправления власти», передачи ее честным добрым людям. Но вряд ли это может пройти легко. Так просто все эти Мобуту, Пол Поты, Ельцины и Туджманы свою власть не отдают, цепляются за нее до конца.

Проблема власти, таким образом, предстает в своем истинном виде,

«в неглиже». Внутренний мир хищных властителей нужно знать. Это как разведка во вражеском стане. Теперь ясно, чего можно от них ожидать, понимать как себя вести. Это знание как-то «уравняет» позиции. Они-то знают, чувствуют, что и как можно и нужно делать с нехищными людьми. Поэтому они столь успешно и повелевают нами. В этом «взаимопонимании» есть очень важный аспект.

Более прогрессивная система может адекватно и полно описать другую, — более отсталую, низшего уровня. Она имеет тезаурус (систему понятий), в который входят все понятия низшей системы. А наоборот — невозможно. Нельзя значками алхимиков написать толковый учебник по ядерной физике. Так и здесь. Хищные в очень многом совершенно неспособны понимать нехищных людей. Хищные — более примитивные существа. Это несмотря на то, что они бывают весьма изощренными в софистике и демагогии, ловкими в риторике.

Но при внимательном и объективном анализе все их аргументы оказываются ситуативными, плоскостными. Они как бы не имеют глубины (высоты). Их сознание лишено третьего (этического) измерения. По большому счету они всегда и обязательно проигрывают. Это воплощение принципа «калиф на час».

Правда, «час» этот для человечества весьма затянулся. Многочисленные «калифы» всё чудят и чудят.

В духовной несоизмеримости видов и состоит реальная возможность конечной победы нехищного человеческого большинства над хищной паразитарной нечистью. Нехищные люди еще никогда не имели возможности развить заложенные в них потенциальные силы. Они всегда находились и находятся в состоянии «принудительного» невежества и бесправия. Перспективы нехищного социума еще совершенно не реализованы. В то время как хищные представители человечества всегда такую возможность имели и полностью свои ресурсы исчерпали. Они показали всемирной аудитории всех времен и народов свои реальные возможности. Свой звериный оскал, обезьянью прыть, неумеренные аппетиты, чудовищные повадки. Всё показали людям, смотреть больше и нечего, и незачем, и уже некогда! И поэтому Будущее только за нехищными людьми Иначе у людей не будет Будущего.

Роль хищных в этногенезе (если она и была) уже полностью исчерпана. Они — «пуповина рассудка», которой полагается быть отрезанной, иначе будет заражение крови (что с человечеством и происходит!). К Разуму они отношения не имеют. «Санитары человечества» тоже из них никудышные. Они убивают, уничтожают, сжигают со свету, оттесняют не только слабых, неудачных, возможно, и впрямь бракованных, индивидов. (Достойных сожаления и участия) Нет, они так же безжалостно сметают с лица Земли и лучших. А теперь — в неизмеримо больших масштабах. Техника убийства людей стала отчужденной и массовой. Люди уже не способны вдумываться в слова. Средства массового уничтожения... людей... Вдумайтесь, вдумайтесь...

Сейчас в моде теории грандиозных — глобальных и вселенских — масштабов. Концепция этногенеза Гумилева, «пункт Омега» Тейяра, ноосфера Вернадского, Космический Разум, «Антропный» принцип Вселенной, наконец...

Какие-то неведомые силы, недоступные нашему разуму высшие законы... И в итоге — ничего нельзя сделать, улучшить. Плетью обуха не перешибешь. Выход — молиться, интенсивно дышать, правильно есть, ни о чём не думать (медитировать)... Терпеливо ждать пассионарного толчка из «пункта Омега», что находится по-за ноосферой им. Вернадского. Иные проповедники (в том числе и христианские) предрекают скорый Конец Света и с патологической — оргиастического накала — радостью ожидают его. Дай им такую возможность, они тут же устроили бы его сами.

Выводы этих эфемерных, и в итоге вредных, учений нельзя применять к людям. Это неправомерно — люди же всё понимают, осознают, имеют некую крупицу свободы воли, поэтому они способны изменить свое поведение. Это трудно, но — возможно. И они могут жить, не подавляя друг друга, безопасно для окружающей среды, не уродуя ландшафты и не вызывая геологических и космических катаклизмов. Люди могут и должны создать общественную самоорганизацию, т.е. такое общество, которое будет органически и разумно развиваться. Но им «всего лишь» не дают такой возможности. И не дает не кто иной, как именно хищная власть. И таким образом, человечество ныне — полностью в руках хищных высших иерархов. Люди — это заложники хищного диктата. Заложники в чистом виде, в руках доподлинных террористов...

И всё же в истории явственно ощущается конечная обреченность хищного диктата. Все формы социального общежития, которые были реализованы за всё историческое время, хищный диктат «успешно и надежно заваливал», приводил к краху. От рабовладения до нынешнего капитализма и недавнего псевдосоциализма. Этносы «под отеческой опекой» высших иерархов всех времен и народов гибли. Общественные системы разлагались и распадались. То же самое происходит и сейчас. С той разницей, что хищный нынешний мировой диктат, в лице международной финансовой олигархии (трехсот богатейших семейств мира), уверенно ведет к гибели уже не отдельные этносы, не государства, а всю нашу планету в целом. Они живут («They live») так, как будто сами они — с другой планеты, и им, в случае чего, есть куда улететь. Выбрасывают вредоносные отходы в слаборазвитые страны Третьего

мира. Там же организуют вредные производства. А теперь и к нам пожаловали с теми же подарками. Это же не выход, — все равно, что выбрасывать ядовитый мусор из окна дома или через забор двора. Что это? Всё та же недалёковидность, — прямое следствие их «социальной паранойи». И кто знает, быть может, у них уже есть столь же «мудрые» планы уничтожения большинства человечества? Путем болезней, психотронного оружия, или прямого воздействия на генофонд.

Л.Гумилев считает деятельность хищных властей высшей закономерностью. Дескать, из глубин космоса на Землю обрушивается «пассионарный толчок». Рождаются энергичные мутанты — «пассионарии», они набирают под стать себе подручных («субпассионариев»), и процесс этногенеза пошёл. Завоевания, создание империй, подавление простых людей («гармоников»)… Но вот поумирали, поубивали «герои-пассионарии» друг друга. А народились уже развратники да пьяницы. Они-то и просадили отечество, продали Родину за гроши вражескому соседнему, более «пассионарному» этносу [14]. Но зачем искать причины бед человеческих где-то в дальнем космосе? Ведь в каждой общественной катастрофе, в каждом человеческом несчастье есть конкретные причины и непосредственные виновники, по которым действительно «веревка плачет».

После всего сказанного можно уяснить и то, почему закономерности функционирования и развития общества в целом не поддаются теоретическому осмыслению и моделированию. Все подобные теории описывают общество как живую систему типа клетки или организма. Человечество же, как видим, представляет собой смешение совершенно разнородных иерархий. (Это справедливо и для больших сообществ, типа государств). Другими словами, человечество следует уподобить совокупности развивающихся организмов, в которых живут и плодятся многочисленные паразиты — и внутренние и внешние. Эти паразиты — хищные субструктуры. «Одноклеточные» маньяки-одиночки и «симбиозные объединения» — шайки аферистов, банды грабителей. «Паразитарные колонии» — транснациональные компании и чуждые интересам народа. «СПИДовые» правительства. Именно они навязывают обществу противоестественные для диффузного большинства формы общежития. Многие из этих паразитов обществу неизвестны, они действуют скрытно, владеют большей информацией. Сюда же следует отнести и «культурно-идеологические» диверсии. Это начавшиеся с XV века, и с тех пор непрекращающиеся, фальсификации и подделки культурно-исторических памятников и документов. Историю постоянно шельмуют.

Л.Гумилев назвал всю новую и новейшую историю «сплошным враньем», с ним нельзя не согласиться, вспомним, сколько раз переписывали нашу отечественную историю. Кроме того, уже давно началось и всё усиливается сознательное, целенаправленное воздействие на социальные процессы со стороны влиятельных паразитарных групп. Причем на всех уровнях — государственном, финансовом, криминальном. От развязывания войн и подготовки революций до устранения неудобных деятелей. Ну и «само собой» — сплошная коррупция во властных структурах. Единственный путь выяснить правду — это нечто вроде попытки проверить лапласовский детерминизм (узнать одновременно импульсы всех частичек Мира), и он столь же фантастичен: в один день арестовать и допросить «с пристрастием» буквально всех ключевых финансовых и политических деятелей мира и вскрыть все государственные и ведомственные архивы. Вот тогда многое прояснилось бы.

Поэтому исторический процесс не может быть описан «в формулах».

Можно усмотреть лишь самые общие «абрисы» этой зловещей, быстро меняющейся фигуры. Все социально-исторические «охваты» делаются как бы «задним числом».

Прогнозировать удастся лишь в самом общем виде, в вероятностной форме перспективных тенденций, типа тренд-анализов. В огромной массе пророков правы бывают лишь единицы, да и то — это всегда слепое угадывание. Правда, последние потуги ученых в этой области весьма примечательны. Это — уподобление общественных систем, в частности, государств, неким «вихревым сгусткам», находящимся в турбулентном режиме. «Яйцеголовые» честно расписались в своей бессилии, неразборчиво, но — красиво. Примечательно и то, что

попытки создания таких «общественных теорий» (что-то на манер «теорий единого поля» в физике) не прекращаются. Ситуация, напоминающая знаменитую лихорадку изобретательства «вечного двигателя». (Автор самокритично, хотя и неохотно, ставит в этот же ряд и собственную концепцию).

Итак, охота хищных гоминид на человечество, а заодно и на всю биосферу Земли, с ее флорой и фауной продолжается. Охотятся они на всех подряд, в том числе и друг на друга. Самые распространенные приемы этой охоты — моральное и физическое насилие, подавление человека, ущемление его прав, принижение его человеческого достоинства. Когда у человека стремятся отнять всё то, что может отличить его от животного. Наиболее крупномасштабная форма такой хищной охоты — это бесконтрольная государственная власть (а контролировать такую пока что невозможно, особенно «снизу»). Жертвы всегда под рукой и в полном составе. На втором месте стоит власть больших денег. Вот они МОГУТ контролировать даже государственную власть, и возможно, что «финансовое насилие» уже вышло и на первое место, всё очень на то похоже. К ним примыкают все остальные формы подавления людей, их ограбления, духовного порабощения и т.п. «Братья меньшие» официальной антисоциальности (направленности против интересов общества) это — уголовщина, тоталитарное сектантство, духовное рабство с помощью СМИ и т.д. Всё это сопровождается усиленным отравлением «людовой почвы» с помощью алкоголя и наркотиков, Вот таково «содружество хищных сил» в человеческом социуме. Таким образом, понятие «хищности» по отношению к человеку имеет более широкий смысл. Спектр ее чудовищности несравним с «безобидной», вынужденной хищностью животных, так или иначе, но всё же играющих в Природе роль санитаров. Человеческие же хищные «санитары» больше похожи на всемирный «клуб самоубийц», в первоочередную задачу которого входит «потянуть за собой всех».

Кажется, что ничего сделать нельзя, хищную власть не победить, «мафия вечна».

И всё же есть надежда, что разоблачение самозванной «расы господ» в глазах народа раз и навсегда воспрепятствует подобным поползновениям в будущем. Признание общественным мнением откровенной параноидальности хищных приведет к тому, что и вправду все «властолюбцы окаменеют, станут как черные скалы», дальше «злостно-забитой» социально-психологической позиции двинуться они не смогут («злости много, но ты — на цепи»). Все властные уровни в общественной иерархии будут хищным заказаны, закрыты «анти-волчьими красными флажками». Им будет отсечен «путь наверх». В их распоряжении останутся уголовщина (бандитизм, мошенничество) да наемничество в воюющих армиях. При подобной «профессиональной переориентации» хищных и войны должны бы резко пойти на убыль: ведь это именно они развязывают их. Для мирового сообщества, да и еще и в условиях глобальной кооперации, справиться с хищной напастью будет уже более простой задачей. Понятно, что всё это задачи мирового сообщества будущего, а не нынешнего — охищенного. В наших силах лишь стараться приблизить это Будущее.

Но неужели осознание людьми своего кардинального отличия от заправляющих в этом мире хищных может стать столь эффективным средством борьбы? Чуть ли не революцией духа? Пошевелить немного «задним умом».

Представим себе какую-либо кризисную (революционную, военную) ситуацию прошлых лет. Уже принадлежащую истории. Изменилось бы что-нибудь, если бы люди уже тогда знали о наличии в обществе хищных гоминид? Или еще б лучше — обладали способностью распознавать хищные виды. Правда, люди и раньше знали, что власть имущая нечисть, политическая свора способна устроить простым людям любую мерзость, чем она в основном и занята. Что это в большинстве своем сборище пустобрехов. Люди о чём-то догадывались, но им казалось раньше, что это только шайка необыкновенных гадов и выродков. А так — тоже обычные люди. Немного убийцы, но внутри ж добрые.

Но вот сообщают, что всё это не так. Что люди не владели достоверной информацией. Вся

эта публика, мягко говоря, вообще не люди! Но созданы Природой, буквально как назло, по образу и подобию человеческому.

Наука выяснила, что это виды-двойники. Как ложные опята. Поэтому этих тварей ни в коем случае нельзя путать с людьми. Нужна предельная осторожность, это пострашней ядовитых сатанинских грибов. Ибо для них стереть людей в порошок, послать их на смерть — сущее удовольствие! А уж посудачить об этом, потягивая коньячок — и вовсе райское наслаждение! В зоопсихологии (традиционной) это определяется как «тергоровый рефлекс хищника». Жизненно для них необходимая тяга помурлыкать и потереться об еще теплое, но уже неживое тело забитой жертвы.

Легко ли было бы после этого подбить людей участвовать, да еще и с энтузиазмом, в смертоубийственных затеях хищных властителей?!

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ

Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло.

Б.Ф. Поршнева

В этом году — грустный юбилей. Четверть века назад ушел из жизни профессор Борис Федорович Поршнева (1905-1972). Именно ему удалось ответить на вековечный «важнейший вопрос всех вопросов» — о том, как же на самом деле обстоит всё с происхождением «человека разумного». Монография «О начале человеческой истории» явилась последней работой ученого и вышла в свет уже посмертно. Она задумывалась автором как центральная часть более обширного произведения — «Критика человеческой истории». Трагическая смерть прервала работу великого ученого, но всё же он успел сказать свое последнее — вещь — слово. С момента выхода в свет (1974 г.) этого эпохального труда [1] прошло уже более чем два десятилетия, но в трудах исследователей, занимающихся вопросом происхождения человека, гениальные прозрения Поршнева даже не упоминаются. Удивляться этому не приходится, наоборот, это даже знаменательно: перед нами традиционный, уже классический — несущий истину — глас вопиющего в пустыне. Так прислушаемся же к этому голосу. (Дальнейшее изложение является конспективно-реферативной «выжимкой» из трудов Б.Ф.Поршнева, с добавлением иной — видовой — интерпретации концепции антропогенеза «по Поршневу»).

АДЕЛЬФОФАГИЯ

Если непредвзято поставить вопрос об отличительных признаках человека, которые даны опытом истории и не могли бы быть «в другом смысле» распространены на животных, то таковых окажется только два. И удивительно: они словно стоят где-то в стороне от столбовой дороги развития наук.

Во-первых, люди — единственный вид, внутри которого систематически практикуется крупномасштабное, рационально не объяснимое, взаимное умерщвление.

И во-вторых, столь же странно, на первый взгляд, еще одно отличие: люди — опять-таки единственный вид, способный к абсурду, а логика и синтаксис, практическое и теоретическое мышление — его деабсурдизация.

Организм же животного ведет себя в любой, даже в искусственно созданной, ситуации с физиологической точки зрения совершенно правильно, либо дает картину нервного срыва (неадекватные рефлексы), сконструировать же абсурд, или дипластию, его нервная система неспособна. Всё развитие человеческого сознания в ходе истории есть постепенное одоление первоначальной абсурдности, ее сдвигание на немногие краевые позиции.

И вот, как выяснилось, эти две человеческие особенности не только взаимосвязаны, но и полностью взаимообусловлены, ибо произрастают они из одного и того же, страшного феномена. Это — т.н. адельфофагия, или умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида. Она-то и привела к возникновению рода человеческого — *Homo sapiens*.

Весь материал об ископаемых гоминидах подтверждает вывод, что между ископаемыми высшими обезьянами (вроде дриопитека, рамапитека, удабнопитека, проконсула) и человеком современного физического типа расположена группа особых животных: высших прямоходящих приматов. От плиоцена до голоцена они давали и боковые ветви, и быстро эволюционировали.

Высшая форма среди них, именуемая палеоантропами, в свою очередь весьма полиморфная, вся в целом и особенно в некоторых ветвях — по строению тела, черепа, мозга — в огромной степени похожа на человека. Низшая форма, австралопитеки, напротив, — по объему и строению мозга, по морфологии головы, — в высокой степени похожа на обезьян, но радикально отличается от них вертикальным положением.

На языке таксономии можно выделить внутри отряда приматов новое семейство: прямоходящих, но бессловесных высших приматов. В прежнем семействе *Hominidae* остается только один род — *Homo*, представленный (по нынешним традиционным научным воззрениям) единственным видом *Homo sapiens sapiens*. Его главное диагностическое отличие (церебро-морфологическое и функциональное) принимаем по Геккелю — «дар слова». На языке современной физиологической науки это значит: наличие второй сигнальной системы, следовательно, тех новообразований в коре головного мозга (прежде всего в верхней лобной доле), которые делают возможной эту вторую сигнальную систему.

Напротив, новое, выделенное нами выше, семейство троглодитиды (*Troglodytidae*) морфологически не специализировано, т.е. оно представлено многими формами. Диагностическим признаком, отличающим это семейство от филогенетически предшествующего ему семейства понгид (*Pongidae* — человекообразные обезьяны), служит прямохождение, т.е. двуногость, двурукость, ортоградность, независимо от того, изготовляли они орудия или нет.

В семействе этом достаточно отчетливо выделяются три рода: 1) австралопитеки, 2) археоантропы, 3) палеоантропы. Каждый же из родов, делится на известное число видов, подвидов. В родословном древе приматов в плиоцене от линии антропоморфных обезьян ответвилось семейство троглодитид.

От" линии троглодитид (гоминоидов) в верхнем плейстоцене ответвилось семейство гоминид: на современной поверхности оно представлено лишь т.н.

Homo sapiens sapiens, которому присуще такое новообразование, как органы и функции второй сигнальной системы, примечателен также и необычайно быстрый темп этого ароморфоза.

Более чем столетним трудом археологов и антропологов открыто не что иное, как обширное семейство животных видов, не являющихся ни обезьянами, ни людьми. Они прямоходящие, двуногие, двурукие. Они ничуть не обезьяны и ничуть не люди. Они животные, но они не обезьяны. Это семейство включает в себя всех высших прямоходящих приматов, в том числе и тех, которые не изготовляли искусственных орудий. И все троглодитиды, включая палеоантропов (неандертальцев), — абсолютно не люди. (Этих последних мы будем называть «троглодиты» — от *Troglodytes*, термина, впервые предложенного К.Линнеем).

Однако этот тезис встречает то же кардинальное возражение, что и сто лет назад: раз от них остались обработанные камни, значит они люди, значит это труд, «древность человека, таким образом, это древность его орудий». Но для какого именно «труда» изготовлялись эти каменные «орудия»?!

Реконструирован же не характер труда этими орудиями, а лишь характер труда по изготовлению этих орудий. Главное же — для чего?! Как они использовались?! Ответ на этот вопрос и дает ключ к экологии всего семейства троглодитид на разных уровнях его эволюции.

Разгадка же состоит в том, что главная, характеризующая всех троглодитид и отличающая их, экологическая черта — это некрофагия (трупоядение). Один из корней ложного постулата, отождествляющего троглодитид с людьми, состоит в том, что им приписали охоту на крупных животных. Отбросить же эту запутывающую дело гипотезу мешают предубеждения.

То, что наши предки занимались «трупоядением» оказывается, видите ли, унижительным для их потомков. Но надо вспомнить, что есть не труп вообще невозможно, разве что сосать из жил живую кровь или паразитировать на внутренних органах. Наша современная мясная пища является всё тем же трупоядением — поеданием мяса животных, убитых, правда, не нами, а где-то на бойне, возможно в другой даже части света, откуда «труп» везли в холодильнике. Так что нетрупоядными, строго говоря, являются только лишь вампиры (напр., комары) и паразиты (типа глистов, вшей, клещей), питающиеся с «живого стола».

Таким образом, можно безоговорочно признать тезис о гоминидах-охотниках неправомерным, находящимся в отдаленном родстве с мифом о «золотом веке». Все эти людские самооправдания и самовозвеличивания очень долго прикрывали истинный образ нашего предка: «падалщика», «трупоеда»,

«некрофага». Человек почему-то должен был явиться, а не развиваться: ханжескому человеческому сознанию требовался «акт творения», и он (этот акт) был сотворён — это оказалось сделать проще, нежели кропотливо заниматься вопросом антропогенеза.

Та ветвь приматов, которая начала специализироваться преимущественно на раскалывании костей крупных животных должна была стать по своей морфологии прямоходящей. В высокой траве и в кустарниках для обзора местности необходимо было выпрямляться, тем более для закидывания головы назад, когда по полету хищных птиц высматривалось местонахождение искомым останков. Но этому примату надо было также нести или кости или камни.

Двуногость обеспечивала высокую скорость бега, возможность хорошо передвигаться в скалах, плавать в воде, перепрыгивать через что-либо.

Это были всеядные, в немалой степени растительноядные, но преимущественно плотоядные высшие приматы, пользующиеся обкалываемыми камнями как компенсацией недостающих им анатомических органов для расчленения костяков и разбивания крупных костей животных и для соскребывания с них остатков мяса. Однако для умерщвления животных никаких — ни анатомо-морфологических, ни нейрофизиологических — новообразований у них не было.

Так что троглодитиды включились в биосферу не как конкуренты убийц, а лишь как конкуренты зверей, птиц и насекомых, поедавших «падал», и даже поначалу как потребители кое-чего остававшегося от них. Троглодитиды ни в малейшей степени не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной степени плотоядными, что составляет их отличительную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами.

Разумеется, при этом они сохранили и подсобную растительноядность. И не существует никакой аргументации в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите. Троглодитиды, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных.

Впрочем, и это было для высших приматов поразительно сложной адаптацией. Ни зубная система, ни ногти, так же как жевательные мышцы и пищеварительный аппарат, не были приспособлены к подобному «трудовому занятию». Овладеть же костным и головным мозгом и

пробить толстые кожные покровы помог лишь ароморфоз, восходящий к инстинкту разбивания камнями твердых оболочек у орехов, моллюсков, рептилий, проявляющийся повсеместно и в филогенезе обезьян. Троглодитиды стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов с помощью еще более крепких и острых камней. Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания — некрофагии. Троглодитиды не только не убивали крупных животных, но и имели жесткий инстинкт ни в коем случае не убивать, ибо иначе разрушилась бы их хрупкая экологическая ниша в биоценозе. Прямоходящие высшие приматы-разбиватели одновременно должны были оказаться и носильщиками, ибо им приходилось или нести камни к местонахождению мясной пищи или последнюю — к камням. Поэтому троглодитиды и были прямоходящими: верхние конечности должны были быть освобождены от функции локомоции для функции ношения. Так что «орудия труда» в нижнем и среднем палеолите были средствами разделки останков крупных животных и абсолютно ничем более. Эти «экзосоматические органы» троглодитид эволюционировали вместе с видами, как и вместе с изменениями всей фауны. В этом процессе можно выделить три больших этапа.

1). Первый — на уровне австралопитеков, включая сюда и т.н. *Homo habilis* (умелый). Это было время богатейшей фауны хищников-убийц, типа махайродов (саблезубых тигров), высокоэффективных убийц, пробивавших покровы даже толстокожих слонов, носорогов, гиппопотамов. И австралопитеки, по-видимому, использовали тогда даже не обильные запасы мяса, оставляемые хищниками, а только костный и головной мозг, для чего требовалось лишь расчленять и разбивать кости. Для этого достаточно было и использования обычных, не оббитых камней, поэтому-то ископаемые австралопитеки и не оставили «орудий своего труда», им еще пока не требовалось этого «умения».

Костный мозг травоядных составляет величину порядка 5 % их веса, так что у того же древнего слона этого питательного вещества было 200-300 кг.. плюс столько же весил и костный мозг. Претендентов на эту, богатую протеином, пищу практически не было, за исключением грызунов и насекомых.

2). Затем пришел глубокий кризис хищной фауны, отмеченный, в частности, и полным вымиранием махайродов. Австралопитеки тоже обречены были на исчезновение. Лишь одна ветвь троглодитид пережила кризис и дала совершенно обновленную картину экологии и морфологии: археоантропы. Роль собирателей и аккумуляторов относительно свежих трупов сыграли широко разветвленные течения рек. Все достоверно локализованные нижнепалеолитические стоянки расположены на водных берегах, у изгибов рек, у древних отмелей и перекатов, при впадениях рек в другие реки и т.п, природных ловушках для плывущих или волочащихся по дну туш. Задачей археоантропов было пробивать их шкуры и кожи, рассекать связки камнями в форме рубил, которые научились изготавливать еще «умельцы» из рода *Homo habilis*, перенесшие механизм раскалывания костей камнями и на сами эти камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Таким образом, на этом этапе развилось поедание не только мозга, но и уже мяса, вероятно, в соперничестве с крупными пернатыми хищниками-стервятниками.

3). Новый кризис наступил с разрастанием фауны т.н. пещерных хищников (пещерные львы, медведи). На долю рек как тафономического (могильного) фактора снова стала приходиться малая часть общей массы умирающих травоядных. Род археоантропов был обречен тем самым на затухание.

И снова лишь одна ветвь вышла из кризиса морфологически и экологически обновленной — палеоантропы (троглодиты). Их источники мясной пищи уже нельзя описать однотипно. Палеоантропы находят симбиоз с разными видами хищников, со стадами разных травоядных, наконец, с обитателями водоемов. Их камни всё более приспособлены для резания и разделки мяса животных, поверхностно уже поврежденных хищниками, хотя их по-прежнему привлекает извлечение мозга.

Этот высший род троглодитид способен расселиться, т.е. найти мясную пищу в весьма

различных ландшафтах, по-прежнему решительно ни на кого не охотясь.

Но и этому третьему этапу приходит конец вместе со следующим зигзагом флуктуации хищной фауны в позднем плейстоцене. Необычайно лабильные и вирулентные палеоантропы осваивают всё новые и новые варианты устройства в среде, но кризис надвигается неумолимо. Это и есть тот переломный этап, на котором начинается восхождение к *Homo sapiens*, тот критический период, когда полиморфный и политипический род троглодитов, или, собственно палеоантропов вплотную приблизился к новому экологическому кризису — к возросшей трудности получения мясной пищи. Новые формирующиеся в конце среднего плейстоцена биогеоценозы вытесняли прямоходящих плотоядных высших приматов, несмотря на всю их изощренную приспособляемость.

Природа оставляла теперь лишь очень узкий эвентуальный выход этим удивительным животным четвертичной эпохи, так круто развившимся и теперь обреченным на вымирание. Он состоял в том, чтобы нарушить тот самый, дотоле спасительный, принцип «не убей», который составлял глубочайшую основу, сокровенный секрет их пребывания в разнообразных формах симбиоза с животными. Первое условие их беспрепятственного доступа к остаткам мертвого мяса состояло в том, чтобы живое и даже умирающее животное их не боялось.

Троглодиты должны были оставаться безвредными и безобидными, и даже кое в чём полезными, например, сигнализирующими об опасности соседям в системе биоценоза.

И Природа подсказала узкую тропу, которая, однако, в дальнейшем вывела эволюцию на небывалую дорогу. Решение биологического парадокса состояло в том, что инстинкт не запрещал им убивать представителей своего собственного вида. Экологическая щель, которая оставалась для самосохранения у обреченного на гибель высокоспециализированного («специализация парализует, ультраспециализация убивает» [2]) вида двуногих приматов, всеядных по натуре, но трупоядных по основному биологическому профилю, состояла в том, чтобы использовать часть своей популяции как самовоспроизводящийся кормовой источник. Нечто подобное неизвестно в зоологии. Оно называется адельфофагией («поедание собратьев»), подчас достигающей у некоторых видов более или менее заметного характера, но всё же не становящейся основным способом питания. Тем более не существует прецедента, чтобы это явление легло в основу эволюции, не говоря уже о последующих чисто исторических трансформациях этого феномена.

Таким образом, этот кризис и выход из него охарактеризовался двумя экстраординарными явлениями. Во-первых, редчайшим среди высших животных видов феноменом — адельфофагией (другими словами, произошел переход к хищному поведению по отношению к представителям своего же собственного вида). И во-вторых, совершенно новое явление — зачаточное расщепление самого вида на почве специализации особой пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид, с тем, чтобы стать в конце концов и особым семейством. Эта дивергенция двух видов — «кормимых» и «кормильцев» — протекала необычайно быстро, и ее характер является самой острой и актуальной проблемой во всем комплексе вопросов о начале человеческой истории, стоящих перед современной наукой.

Никакой инстинкт у животных не препятствует поеданию себе подобных, даже и принадлежащих к одной стае или популяции. Все признаки каннибализма у палеоантропов, какие известны антропологии, прямо говорят о посмертном поедании черепного и костного мозга, вероятно, и всего трупа подобных себе существ. Только чуждый биологии моралист, исходящий из неких неизмеримо позже сложившихся норм, может усмотреть в этой утилизации наличных ресурсов мясной пищи что-либо порицаемое. Мертвый представитель своего вида — тем самым уже не представитель своего вида.

Как видим, наши предки раньше всего приспособились убивать себе подобных. А к

умерщвлению животных перешли много СПУСТЯ после того, как научились и привыкли умерщвлять своих. Так что охота на другие крупные виды стала уже первой субституцией убийства себе подобных. Этот экологический вариант стал глубочайшим потрясением судеб семейства Troglodytes. Всё-таки указанные два инстинкта противоречили друг другу: никого не убивать и при этом убивать себе подобных. Произошло удвоение, или раздвоение, экологии и этологии поздних палеоантропов. Но их прежний образ жизни не мог вполне смениться «войной всех против всех» внутри собственной популяции. Такая тенденция не могла бы решить пищевую проблему: вид, питающийся самим собой, — это биологический *perpetuum mobile*.

Выходом из противоречий оказалось расщепление самого вида палеоантропов на два подвида. От прежнего вида сравнительно быстро и бурно откололся новый, становящийся экологической противоположностью. Если палеоантропы не убивали никого кроме подобных себе, то эти другие, назовем их *Homo pre-sapiens* (человек формирующийся), представляли собой инверсию: по мере превращения в охотников, они не убивали именно палеоантропов. Они сначала отличаются от прочих троглодитов только тем, что не убивают этих прочих троглодитов. А много, много позже, отшнуровавшись от троглодитов, они уже не только убивали последних, как и всяких иных животных, как «нелюдей», но и убивали подобных себе, т.е. и других *Homo pre-sapiens*. Эту практику унаследовал и *Homo sapiens*, всякий раз руководствуясь тем мотивом, что убиваемые — не вполне люди, скорее, ближе к «нелюдям» (преступники, иноверцы).

Еще одной помехой в становлении подлинной антропологии выступает мнение, будто кто-то из наших плейстоценовых предков, не удовлетворившись изобретением «орудий труда», в один прекрасный день открыл или изобрел способ добывания огня, похитив его тайну у молнии или у вулкана, как Прометей для людей похитил огонь у богов. Это мнение — одна из опор представления о громадной, многомиллионнолетней отдаленности начала человеческой истории. Следы огня, как и оббитые орудия, якобы свидетельствуют о человеке — о его разумном творческом духе. Эпитеты типа «огненная революция» уже стали рабочими терминами у многих палеоантропологов.

Но ведь тот факт, что троглодиты оббивали камни камнями, несет в себе и очевидную разгадку появления у них огня. При ударе камней друг о друга, естественно, сыпались в большом количестве искры, которые и вызывали неизбежное тление настилок любого логова и жилья троглодитов, несомненно, мало отличавшихся от настилок берлог, нор, гнезд других животных. Таким образом, зачатки огня возникали произвольно и сопровождали биологическое бытие троглодитов. Первая польза, извлеченная ими из такого тления («издержек производства»), — это вытапливание с его помощью костного мозга из трубчатых и губчатых скелетных костей.

Так что об «открытии» огня не приходится вообще говорить, — он появился помимо воли и сознания троглодитов. От них потребовалось «открытие» обратного рода: как сделать, чтобы огонь не возникал. С ростом ударной техники этот гость стал слишком назойливым, он уже не мог быть безразличным, а становился вредным. В ходе этой борьбы с произвольным и необузданным огнем наши предки мало-помалу обнаруживали в обузданном, локализованном огне и выгодные для себя свойства.

Всё можно свести к трем главным этапам освоения огня.

I. Древний, нижний палеолит. Произвольный, «дикий» огонь. Огонь преимущественно в виде искры, тления, дыма. От протлевания и прогорания гнездовой настилки на всём пространстве обитания до начала ее локализации.

От полной бесполезности огня для археоантропа до начала использования дыма от тления (запаха) и тепла для вытапливания костного мозга.

II. Средний палеолит. «Прирученный» огонь. Огонь преимущественно в форме тления, теплой и горячей золы, угольного жара. От начала локализации возгораемого материала до угольной ямы. От использования дыма (запаха), от добывания костного мозга до начала использования жара для обогрева и приготовления пищи.

III. Верхний палеолит и далее. «Одомашненный» огонь. Огонь преимущественно в форме жара, пламени, горения. От угольной ямы до ямы-печи и светильника. Появление новых способов получения огня: высекание пиритом и специальным кремниевым кресалом, трением дерева о дерево. Освоение приема тушения огня водой. Но всё это уже дело рук *Homo sapiens*.

Из сказанного видно, что речь идет о процессе, занявшем не менее миллиона, а то и двух миллионов лет, т.е. о процессе, по темпу своему чисто биологическому, а не историческому.

Кроме этого, пользование огнем способствовало потере троглодитидами волосяного покрова, этому столь загадочному явлению. Подобный способ терморегуляции практически уникален среди млекопитающих. Но вот как раз сочетание таких экологических факторов, как сбор костей в полуденный зной (во время отдыха настоящих хищников) и воздействие тепла кострищ (пепельных ям), и привели к этому способу теплообмена, эффективному лишь в условиях солнцепека да постоянного контакта с жаром от огня.

Еще одно прямое следствие столь длительного и постоянного общения с теплом, «всепогодности» троглодитид — это возникновение у них т.н.

«диэструса», т.е. постоянной «сексуальной готовности» — и у самок и самцов.

Это-то и сделало людей (точнее, уже их предтеч — гоминид) «самым сексуальным животным». Неким аналогом здесь является одомашнивание (одомашнивание): содержание животных в постоянном тепле хлева или дома также делает их в сексуальном отношении более свободными от климатических периодов; эффекты гона, течки и т.д. сохраняются в несколько редуцированной форме, почти так же, как и у человека — в виде повышенной его весенней сексуальности.

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ

«Язык выделил человека из всего животного мира» — пишет Дж. Бернал, и это бесспорно. Но что же является главной характеристикой языка, речи? Специфическое и самое существенное свойство человеческой речи — наличие для всякого обозначаемого явления (денотата) не менее двух нетождественных, но свободно заменимых, т.е. эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода. Их инвариант называется значением, их взаимная замена — объяснением (интерпретацией). Эта обменяемость (переводимость, синонимичность) и делает их собственно «знаками», как номинативными единицами человеческого языка. Обратной и неотторжимой стороной того же является наличие в человеческой речи для всякого знака иного вполне несовместимого с ним и ни в коем случае не могущего его заменить другого знака. Эту контрастность можно назвать антиномией в расширенном смысле. Без этого нет ни объяснения, ни понимания.

Ничего подобного нет в сигналах животных.

По вопросу же филогенетической датировки появления речи — данные эволюции мозга и патологии речи свидетельствуют, что речь появляется только у *Homo sapiens*. Более того, следует даже отождествить: проблема возникновения *Homo sapiens* — это проблема возникновения второй сигнальной системы, т.е. речи.

Слово есть единственный знак и единственное верное свидетельство мысли, скрытой и заключенной в теле. И в этом истинное отличие человека от животного. И таким образом, не слово — продукт мысли, а наоборот: мышление — плод речи. В мозге человека нет центра или

зоны мысли, а вот центры или зоны речи действительно есть — в левом полушарии (у правшей), в верхней и нижней лобной доле, в височной, на стыках последней с теменной и затылочной. Они являются крошечными, с орешек (т.н. зоны Брока и Вернике).

Но ни в коем случае нельзя упрощать, схематизировать конечную обусловленность высших психических функций человека существованием речи.

Мышление, сознание, воля, личность — это не другие наименования речевой функции, но это ее сложные производные. Без речи нет и не могло бы их быть.

Формула «речь — орудие мысли» годится лишь для случая, когда мы подыскиваем наиболее подходящие слова для выражения своей готовой мысли. Но возможность мыслить восходит в сферу отношений индивида не только с объектами, но с другими индивидами, акт мысли есть акт или возражения или согласия, как и речь есть акт побуждения или возражения.

Поражение лобных долей мозга (которые получили мощное развитие только у человека, у *Homo sapiens*, и занимают у него до одной трети всей массы больших полушарий) приводит к нарушению сложной и целенаправленной деятельности, резкому падению всех форм активного поведения, невозможности создавать сложные программы и регулировать ими деятельность. Но лобные доли человека в свою очередь — слуга речи. Любой вид восприятия у человека управляется с помощью тех вполне определенных областей коры мозга, которые в филогенезе возникли только у человека и которые в самостоятельно сформированном виде не присущи даже и ближайшим эволюционным предкам *Homo sapiens*, т.е. всем представителям семейства *Troglodytidae*.

Эти области коры, преимущественно верхнепередние лобные формации, следует считать составной, и притом первостепенной анатомо-функциональной, частью аппарата второй сигнальной системы — они служат посредствующим звеном между корковыми очагами собственно приемно-передающей речевой системы и всеми прочими отделами коры головного мозга, ведающими и восприятием (опросом среды), и ответной активностью — действиями. Эти зоны лобной коры, выделившиеся в филогенезе только у человека, в онтогенезе созревают у ребенка позднее всех остальных зон коры. В случае поражения этих мозговых структур человек утрачивает способность следовать словесной инструкции, а это означает большие или меньшие разрушения механизма второсигнального управления восприятием.

В принципе, слово властно над почти всеми реакциями организма, пусть мы еще не всегда умеем это проследить. Так, в гипнозе слово может воздействовать на изменения состава крови и другие биохимические сдвиги в организме, а посредством установления условно-рефлекторных связей словом можно воздействовать чуть ли не на любые физиологические процессы — не только на те, которые прямо могут быть вербализованы (обозначены словом), но и все, с которыми можно к словесному воздействию подключить цепную косвенную связь, хоть они прямо и не осознаны, не обозначены своим именем. Анализ образования условных рефлексов у человека, механизмов двигательных реакций, особенностей ЭЭГ и характеристик чувствительности анализаторных систем показывает, что решительно все стороны мозговой деятельности человека пронизаны вмешательством второсигнальных управляющих импульсов. Это верно в отношении и самых «духовных» и самых «материальных» актов. Отсюда непреложно следует вывод о том, что знаменитый философский «психофизический парадокс» (вопрос соотношения души и тела) является на поверку не чем иным, как очередной надуманной псевдопроблемой.

[Прибавление. Можно даже утверждать большее: буквально всё в человеческом организме можно в итоге подчинить словесной, точнее второсигнальной (ауто)инструкции. Все те впечатляющие достижения йогов, экстрасенсов и есть свидетельства такого воздействия на организм через вторую сигнальную систему. Как известно, радикальным /само/внушением часто избавляются даже от смертельных заболеваний, и, наоборот, совершенно здоровый человек может в одночасье умереть по «зомбирующему приказу». В принципе, наверняка, с

помощью неких неизвестных, но достаточно нехитрых (хотя, возможно, и напряженных) психагогических методик можно основательно продлить человеческую жизнь. По крайней мере, это не исключено: достаточно вспомнить о долголетию многих людей, занятых творческим трудом, особенно — неспешным, с установкой на не скорое получение результатов, как, например, у селекционеров. Это не говоря уже о том анекдотическом факте, что т.н.

«нытики» (люди, постоянно жалующиеся на свое здоровье) живут определенно дольше. Другое дело, что сама по себе мечта людей о бессмертии — вздорна: человек, в идеале, должен доживать лишь до того времени, когда он «наполнится днями» и захочет смерти сам: будет «ждать ее как невесту»].

Школа И.П.Павлова установила фундаментальный физиологический факт: вторая сигнальная система оказывает постоянную отрицательную индукцию на первую. Слово невидимо совершает тормозную, всегда нечто запрещающую работу.

Словесная система оказывает тормозное влияние на непосредственные, т.е. первосигнальные, реакции. Эта тормозная функция слова в норме отчетливо обнаруживается лишь в раннем детском возрасте, позже становится скрытой, но может наблюдаться в случаях нарушения нейродинамики и в некоторых особых ситуациях.

Могучее вторжение второй сигнальной системы в регулирование всей высшей нервной деятельности, несомненно, предполагает не «вакуум инстинктов», а тот факт, что она прежде всего была средством торможения любых первосигнальных двигательных и вегетативных рефлексов. Торможение СЛУЖИТ глубоким ядром ее нынешнего функционирования у человека.

Лобные доли (собственно, префронтальная часть) не только тормозят первосигнальные рефлексы, вообще прямое реагирование на среду, но и преобразуют речь в поведение, подчиняют освобожденное от прямого реагирования поведение заданию, команде (экстероинструкции) или замыслу (аутоинструкции), т.е. речевому началу, плану, программе.

Таким образом, специфическая работа мозга человека складывается из трех этажей: 1) сенсорные и моторные речевые зоны или центры, 2) лобные доли, в особенности переднелобные, префронтальные формации и специально присущие *Homo sapiens* зоны в височно-теменнозатылочных областях, 3) остальные отделы мозга, в общем однородные у человека с высшими животными.

Второй этаж преобразует речевые знаки в направляющую цель и осуществляющую ее волю. Тем самым социальное проникает внутрь индивида, сообщения (смыслы), адресуемые человеческой средой, становятся внутренним законом его деятельности.

Ныне из данных палеоантропологии известно, что у всех троглодитид, даже самых высших, палеоантропов (неандертальцев в широком смысле), в архитектонике мозга отсутствовали все верхние префронтальные формации коры головного мозга, а также те зоны височной и теменной областей, которые осуществляют второсигнальное управление и поведением, и восприятием, и всеми функциями организма человека. Они присущи только и исключительно *Homo sapiens sapiens*. Если же нет налицо верхних передних формаций лобных долей — значит нет речи, значит нет человека!

Прежде совершенно неоправданно придавалось решающее значение общему весу мозга (исчисляемому особым образом по его отношению к весу тела). Выяснилось также, что количество и глубина борозд (мозговых извилин) не СЛУЖИТ показателем эволюционно более высокого уровня мозга. Изучение работы мозга человека показало, что в мыслительных и других высших функциях принимает участие лишь относительно малая часть составляющих его нервных клеток, полей и структур. Развитие второй сигнальной системы у людей ни в коем случае не было т.н. процессом энцефализации (его характеристика — коэффициент энцефализации EQ) в филогенезе троглодитид. Во-первых, в биологической эволюции вообще

налицо тенденция увеличения мозга. Во-вторых, чрезмерное разрастание объема головного мозга в эволюции семейства троглодитов было прямым морфологическим следствием прямохождения и плюс к этому — плотоядения, т.е. повышенного усвоения протеина.

Обнаружилось также, что у *Homo sapiens* средний размер головного мозга не возрастал и не возрастает сравнительно с поздними палеоантропами, и даже можно считать, что статистически мозг у неандертальца был больше (до 1700 гр.). Между тем речевая функция мозга в корне отличает *Homo sapiens* от палеоантропа. Как видно, социальность и разум человека никак прямо не коррелированы с тотальной величиной его головного мозга. Поэтому совершенно правомерен и уместен вопрос: нужен ли в действительности человеку такой большой мозг, не атавизм ли это или нечто вроде тупикового пути эволюции (типа непомерно больших крыльев у фазана-аргуса, потерявшего даже способность летать из-за этого)?!

[Прибавление. Существует множество поразительных примеров того, что именно организация мозга, а не его размеры в основном определяют человеческий интеллект. Достаточно будет привести лишь один. Головной мозг позвоночных (в том числе и человека) — это по существу полая структура, полости мозга называются желудочками. Существует болезнь (гидроцефалия, или водянка мозга), при которой желудочки растянуты жидкостью, а толщина слоя нервной ткани уменьшается. Обычно у таких больных отмечаются серьезные нарушения многих функций, в том числе очень слабое умственное развитие.

Однако, это не всегда так. У студента одного английского университета была гидроцефалия, но его IQ достигал 126, он получил диплом с отличием по математике и выглядел совершенно нормальным. Как показала компьютерная томография, слой нервной ткани в полушариях мозга имел у него толщину всего лишь около миллиметра вместо нормальных 4.5 см, а общий вес мозга по приблизительной оценке составлял 50-150 гр. вместо обычной средней величины около 1350 гр.].

Хотя экстероинструкцию и аутоинструкцию можно рассматривать как в основном эквивалентные, но надо обращать внимание и на их противоположность, противоборство. Таким путем можно расчленить экстероинструкцию и аутоинструкцию, иначе говоря внушение и самовнушение, еще точнее, суггестия и контрсуггестия. Первичным останется внушение, а вторичны и производны — негативный ответ на внушение, его отклонение или, напротив, его возведение в степень.

Очень важно выделить в речевом общении, во второй сигнальной системе его ядро — функцию внушения, суггестии. И находится это ядро не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами. Внутри индивида находится лишь часть, половина этого механизма. Принимающим аппаратом внушения являются как раз лобные доли коры, именно они и есть орган внушаемости. Внушение и есть явление принудительной силы слов. Слова, произносимые одним, неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию, обычно ищущую опору в словах третьих лиц. В чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия. Последняя находится в обратной зависимости от авторитета лица — источника суггестии.

Иллюстративен пример глухослепых детей. Как учат их первой фазе человеческого общения, как осуществляют начальное влияние на их поведение?

Берут за руку и насильно, принудительно заставляют держать ложку в пальцах, поднимают руку с ложкой до рта, подносят к губам, вкладывают ложку в рот.

Примерно так же прививаются все другие навыки. Здесь (из-за нарушения всех путей дистантной рецепции) воздействие оказывается не дистантно, а контактно, но тем очевиднее прослеживается суть дела. Она состоит в том, что сначала приходится в этом случае подавлять уже наличные и привычные действия слепоглухонемого ребенка. И начало человеческой инфлюации (влияния) — подавление, торможение собственных действий организма. Таким образом, первая стадия — это отмена прежней моторики. Вторая стадия — это замена

отмененного новыми предписаниями, проскрипциями.

Таким образом, для всякой человеческой инфлюации, в том числе и речевой, общим является первый и коренной акт — торможение. Эта фаза отмены, пусть и через сложную трансмиссию, имеет универсальный характер, обнаруживаясь на самом дне человеческих систем коммуникации. Назовем ее интердикцией, запретом. Второй фазой инфлюации человека на человека является собственно прескрипция: делай то-то, делай так-то. Это — внушение, суггестия.

Итак, можно обобщить: второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней — инфлюативного и информативного, причем первый в свою очередь делится на первичную фазу — интердиктивную, и вторичную — суггестивную. Неразлучный же спутник суггестии — контрсуггестия, т.е. в отношениях между центральными нервными системами двух (и более) людей суггестия и контрсуггестия представляют собой противоборствующую пару. Такую же антагонистическую пару нейрофизиологических процессов представляют возбуждение и торможение.

Всё в речевой материи сводится к повелению и подчинению или возражению. Речевое обращение Петра к Павлу, если и не является просто приказом (а сообщает информацию), всё же является повелением принять информацию. Вопрос является повелением ответить и т.д. И Павел либо поддается побуждению (выполняет указанное действие, некритически воспринимает информацию, дает правильный ответ и т.д.), либо находит средства отказа. Разговор — это по большей части цепь взаимных возражений.

Можно ответить молчанием или неправдой. Возражением является и задержка реакции, обдумывание услышанных слов. Можно задать вопрос. Психическое поле возражений (контрсуггестии) огромно, кажется они не могут распространяться только на строгие формально-математические высказывания.

[Прибавление. Этот повелительный характер человеческой речи есть следствие именно того, что «пра-речь» первоначально состояла лишь из приказов, требований и повелений. Это обстоятельство отчетливо прослеживается и в современных языках: *horchen* и *gehorchen* — в немецком языке, *obedio* (*ob-audio*) — в латинском, *sma* — в иврите, *akogo* — в греческом обозначают «слушать», но в то же время имеют и смежное значение «повиноваться», «слушаться», что и было вначале — в пра-языке — единственным и основным значением. И необходимо признать эту понятийную двусмысленность необычайно глубокой, раз она смогла сохраниться в языках, невзирая на всю калейдоскопичность процессов лингвистической дифференциации].

Таким образом, отличительная черта человека — речь. И свойства человеческой речи не только чужды общению и реакциям животных, но противоположны им. Речь и язык (в широком понимании) определяют в конечном счете все свойства и процессы человеческой психики, сама она осуществляется только при наличии тех областей и зон коры головного мозга, в том числе и лобных долей, которые имеются исключительно у *Homo sapiens*, в отличие даже от его ближайших ископаемых предков. Наконец, в речевой функции вычленяется самая глубокая основа — прямое влияние на действия адресата (реципиента) речи в форме внушения, или суггестии.

[Прибавление. Глубочайшая генетическая связь мышления с речевой деятельностью выявляется и такими экспериментально установленными фактами, как соучастие в актах мышления дыхательной активности (компонента артикуляторного аппарата речи), как затрудненность или невозможность акта мышления при зажатом (ущемленном) языке. Таким образом, мозг *Homo sapiens* перестраивался вместе, в единстве с генезисом второй сигнальной системы, за это он расплатился утратой немалой части затылочной доли (в основном — зрительной), тем самым люди лишились, принадлежавшей палеоантропам, способности хорошо

видеть и передвигаться в полутьме, замечать мельчайшие помехи и опоры для локомоции: отсюда же происходит у людей и боязнь темноты].

Итак, ясно, что речь — ядро человеческой психики и что внушающая, суггестивная работа слов (прескрипция) — ядро этого ядра. Но суггестия не может быть побуждением к чему-либо, чего прямо или косвенно требует от организма первая сигнальная система. Суггестия должна отменить стимулы, исходящие от них всех, чтобы расчистить себе дорогу. Следовательно, суггестия есть побуждение к реакции, противоречащей, противоположной рефлекторному поведению отдельного организма. Ведь нелепо «внушать» что-либо, что организм и без того стремится выполнить по велению внешних и внутренних раздражителей. Незачем внушать то, что всё равно и без того произойдет!

Для понимания дальнейшего изложения предстоит остановиться на некоторых физиологических явлениях нервной деятельности, а именно:

1) рефлексы, 2) неадекватные рефлексы, 3) доминанта, 4) торможение и 5) ультрапарадоксальное состояние.

1) РЕФЛЕКСЫ. Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы. Мозговые механизмы рефлекторных актов необычайно сложны: т.н. рефлекторные дуги, связывающие входные и выходные реакции организма интегрированы в центральной нервной системе. Мозг не только соединяет их, но и разъединяет (торможение). К тому же, одни дуги могут превращаться в другие, энергия многих одновременных раздражений может направляться в тот или иной единственный канал ответа. Никакая невероятно сложная компьютерная система, сеть не идет в сравнение с этой сложной работой центральной нервной системы высших животных, в особенности — человека.

[Прибавление. Правда, нынешнее бурное развитие компьютерной техники позволило «подобраться» к чему-то такому, что может отдаленно напоминать работу человеческого мозга: а именно, т.н. параллельному процессору (типа Эдинбургского сверхкомпьютера), выполняющему сразу множество заданий, а по стилю работы подходящ тут для сравнения компьютер Apple Macintosh, с его ориентированным на пользователя, «догадливым» интерфейсом. Тем не менее, не может быть и речи об «искусственном интеллекте», сравнимом с естественным].

2) НЕАДЕКВАТНЫЕ РЕФЛЕКСЫ. В момент столкновения двух противоположных импульсов (напр., агрессии и страха) в поведении животного возникают т.н. неадекватные рефлексы. Нервный срыв из-за столкновения возбуждения и торможения, из-за трудной или непосильной дифференцировки обязательно внешне выражается в тех или иных «нелепых» действиях животного.

Вместо нормальной реакции вступает какая-нибудь несуразная, сумасбродная.

Это возможность «сломать» мозговой механизм без малейшего прикосновения к нему! Экспериментатор лишь предъявляет животному безобидные сигналы (неяркие вспышки лампочки, звуки метронома и т.п.), но располагает их в таком порядке по их сигнальному значению, что животное неизбежно «сойдет с ума», дав неоспоримые проявления этого в своем внешнем поведении. Это подлинная власть над природными процессами!

Экспериментально доказано, что у каждого данного действия образуется какая-либо неадекватная пара, которая находится в скрытом от наших глаз состоянии, но обязательно проявится, если новое «произвольное» действие поставить в свою очередь в ситуацию трудной дифференцировки.

Словом, возможно подличать неадекватные рефлексы второй, третьей и т.д. степени. Таким образом, обнаруживается множество где-то на дне генетически заложенных, но не используемых в жизни очень специализированных (часто очень причудливых) двигательных

комплексов. В принципе эта цепь ничем не ограничена. Организм в состоянии «изобретать» новые и новые действия, всё более удаляющиеся от жизненных стереотипов, всё более причудливые.

3) ДОМИНАНТА. На рецепторные поля организма, на его рецепторы внешней среды (экстерорецепторы), своей собственной внутренней среды (интерорецепторы) и, наконец, рецепторы собственных движений (проприорецепторы) в данный момент воздействует великое множество разных раздражающих агентов. Но в то же время, в каждый момент наблюдается в общем один какой-то ответ, одна поведенческая реакция или даже одно только движение, а не такое же великое ответное множество условных и безусловных рефлексов по числу атакующих раздражений. т.е. рефлексы работают под лозунгом «все за одного, один за всех». В нашем теле не менее 107 степеней свободы, и это не считая движений лица и движений внутри корпуса. Таким образом, если в каждый отдельный момент имеется одна определенная степень свободы, и энергия направляется на выполнение одной очередной работы, то значит, все остальные в этот момент исключены, устранены, заторможены.

Следовательно, большая часть дела — торможение.

Из этого вытекает, что торможение должно и поглощать подавляющую часть рабочей энергии организма. Все поступающие раздражения, которые могли бы вызвать одновременно множество всяческих рефлексов, не взрывают организм, а содействуют эффекту одной рефлекторной дуги, в данный момент господствующей, т.е. доминантной, экспроприирующей все прочие возможные. Но доминанта не может бесконечно суммировать в себе возбуждения от разнообразных приходящих импульсов. Существует пессимум — такая сила и частота раздражения, которая превращает возбуждение нерва или нервного центра в торможение. И тогда возникает функциональное явление парабриоза: стойкого, неколеблющегося возбуждения, когда ткань утрачивает проводимость, следовательно приобретает признаки торможения.

4) ТОРМОЖЕНИЕ. Всякому возбужденному центру, доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряженно соответствует какой-то другой, в этот момент пребывающий в состоянии торможения. Но эти два вида деятельности, хотя и соотносятся между собой указанным выше образом, биологически отнюдь не сопряжены друг другу. Например, адекватный — пищевой, и неадекватный (но соотносящийся с ним) — чесательный. И если появляется какой-либо пищевой раздражитель, то они подвергаются возбуждению сразу оба, и начинается весьма неравное деление возбуждения между ними: на адекватный пищевой центр поступает лишь меньшая часть возбуждений (только «идущие к делу»), а на сопряженный неадекватный чесательный центр устремляется подавляющая масса всех раздражений нейтральных для первого центра. Тем самым неадекватный центр оказывается мгновенно перевозбужденным, он переходит в состояние парабриоза, иначе говоря, он мгновенно оказывается глубоко заторможенным. Мало того, он тем самым становится очагом или фокусом торможения в коре, во всей центральной нервной системе, в центробежных (эфферентных) нервных путях. Следовательно, этот второй фокус делает возможным осуществление организмом биологически необходимого действия, сам оставаясь бездейственным. Иначе бы доминанта сама задавила и угасила это необходимое организму действие.

Но установление двух иннерваций как реципрокных (взаимных) предполагает и требует разыскания для них «общего пути». И такой «общий путь» — это весь мозг, включая кору, вся центральная нервная система (ЦНС).

Чтобы осуществить какое-либо действие, надо, чтобы все остальные мыслимые действия в тот момент были заторможены. А для этого надо, чтобы подвергся срочное возбуждению и перевозбуждению какой-либо второй центр, истинно доминантный по отношению ко всем мыслимым действиям, кроме одного. Это и есть функциональный антагонизм. Мало того, это и есть антагонизм возбуждения и торможения в его наиболее развитой форме, по крайней мере, у животных.

Вот это-то и есть тот самый принцип, который дает возможность получить разгадку происхождения человеческой речи.

Эта схема двух фокусов, двух одновременных доминант (бидоминантность) хорошо разъясняет внутренний принцип системы торможения и возбуждения. Механизм возбуждения сам по себе остается одним и тем же на очень разных уровнях нервной деятельности какого-либо высокоразвитого организма. Это генетически низший, собственно рефлекторный субстрат.

Переменная же, усложняющая величина — противостоящее ему торможение Тормозная доминанта как бы лепит, формирует антагонистический полюс — комплекс, или систему, возбуждения. Она отнимает у этого комплекса всё, что можно отнять, и тем самым придает ему биологическую четкость, верность, эффективность. Торможение — это резец скульптора, активное начало, вырабатывающее поведение так, как скульптор извлекает из глыбы статую.

Торможение — это ни в коем случае не расслабление, истощение (как считали прежде), а наоборот, это — активный процесс, неразрывно связанный с возбуждением. Понятие «торможение» всё менее соответствует первоначальному смыслу слова. Торможение есть рабочее состояние. И высшие формы торможения являются более мощными по сравнению с возбуждением, значительно более сложными, принадлежащими к более позднему эволюционному уровню.

Реактивность — свойство всего живого. А эволюция живой природы — это выработка всё более совершенных средств не реагировать, т.е. тормозить эту самую реактивность. Совершенствование живого — это совершенствование торможения реакций.

«Ум» животного — это возможность и его способность не реагировать в 999 случаях из 1000 возникновении возбуждения. Животное всё успешнее оберегает себя от реакции. Всё это не имеет никакого отношения к экономии энергии реактивности: напротив, расход энергии на торможение растёт в ходе эволюции в гигантских пропорциях. В этой восходящей кривой переход к человеку есть не что иное, как дальнейший и качественно новый взлет торможения. Но чтобы это произошло, должно было иметь место переключение прежней системы торможения реактивности, присущей животным, на систему высшего порядка.

Так что же удивительного в том, что энергетически именно торможение «стоит дороже»? В этом и состоят затраты Природы на прогресс, на совершенствование реакций организма. Этот ряд можно экстраполировать и дальше — на человека. Общеизвестно, что на килограмм живого веса у различных животных расходуется за всю жизнь гораздо меньше килограмм-калорий, чем у человека. У собаки — примерно 164 000 килограмм-калорий, лошади — 163 000, коровы — 141 000, у человека же — 726 000, т.е. в 4,5 раз больше, чем у высших позвоночных. При этом на возобновление своей массы лошадь и корова расходуют 33% энергии, собака — 35%, человек же — всего лишь 5%.

Следовательно, все остальные 688 500 килограмм-калорий на килограмм веса тела, перерабатываются человеком за его взрослую жизнь главным образом на его реакции в среде. Расход на торможение превосходит расход на возбуждение, и круто возрастает с каждой эволюционно более высокой формой торможения.

5) УЛЬТРАПАРАДОКСАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Тормозная доминанта скрыта от наблюдателя и потому была бы обречена оставаться умозрительной гипотезой, если бы, на счастье, не существовало удивительного феномена высшей нервной деятельности: ультрапарадоксального состояния Оно-то и дает возможность узнать, — какая именно подавленная перевозбуждением деятельность в каждый данный момент поведения животного играла невидимую, «закулисную» роль тормозной доминанты. Ультрапарадоксальное состояние переворачивает всё наоборот: изменяет функцию возбуждения и торможения в ЦНС на обратные. Это и есть неадекватный рефлекс.

При переходе возбуждения в торможение наблюдаются определенные парабихотические стадии.

1) Уравнительная стадия, когда импульсы разной силы вызывают реакцию одинаковой силы.

2) Затем парадоксальная стадия, когда импульсы разной силы вызывают реакцию, противоположную по силе.

3) Тормозящая стадия, когда импульсы вызывают в нерве стойкое неколебательное возбуждение, не проводящее их до рабочего органа.

4) Наконец, ультрапарадоксальная стадия, когда положительный раздражитель вызывает торможение, а отрицательный, т.е. тормозной, раздражитель вызывает положительную реакцию — возбуждение.

Ультрапарадоксальная фаза специфична только для ЦНС, и — только для коры.

Итак, неадекватные рефлексy — огромный мир особого рода рефлексy: это многообразные реакции, обычно заторможенные в роли тормозных доминант, но активизирующиеся и выступающие в видимой форме в условиях ультрапарадоксальной «перестановки знаков», инверсии, т.е. превращения возбуждения в торможение и обратно.

Таким образом, можно констатировать развитие и усложнение тормозной доминанты как механизма высшей нервной деятельности. На филогенетической лестнице — от рыб до приматов — замечается повышение разнообразия неадекватных реакций: особенно они интенсивны и разнообразны у обезьян. Главный вывод отсюда: раз они достигают максимума у высших приматов, то надлежит полагать, что предковая форма человека в лице семейства троглодитид, и особенно его высшей степени, палеоантропов (троглодитов), обладала еще большим ассортиментом неадекватных рефлексy.

Кроме того, неадекватные рефлексy обнаруживали свойство имитатогенности — они вызывали подражание, что способствовало развитию специфических дистантных звуковых контактов внутри популяции.

Теперь ясно, что в высшей нервной деятельности животных налицо нечто, что характеризуется как противоположное, обратное их биологически рациональному рефлекторному функционированию. То, что это «нечто» подчас использовано в эволюции животного мира для адаптации — это лишь побочный плод. Главное же для начала человеческой истории и самого человека — это возможность превращения этого «отрицательного», даже как бы патологического явления у животных, более того, губительного для них, в опору принципиально новой формы торможения, которая характерна для высших троглодитид, а затем преобразуется у человека в положительную норму его высшей нервной деятельности.

Из феномена тормозной доминанты вытекает, что, если суметь вызывать («раскрепощать») такие тормозимые действия, то несомненно затормозятся реципрокные (взаимосвязанные) рефлексy, бывшие перед тем в активном состоянии. Значит, наготове есть могучая машина для пресечения всех и любых, даже самых совершенных, рефлексy, даже самых сложных форм поведения животных.

Но что могло бы привести ее в действие в Природе? Что могло бы вызывать у животных эти, обычно глубоко затаенные, призраки? Существует лишь один-единственный подходящий для этого природный механизм: сила имитации, заразительная помимо какого бы то ни было подкрепления. т.е. подражательные рефлексy, подражательные действия возникающие только

на внешнее проявление рефлекторного акта, производимого другим животным. И тогда сила автоматического подражания без всякого прямого подкрепления способна вызвать у другого индивида некое действие.

Это действие, вызванное неодолимой силой подражания, может быть как раз тем самым действием, которое служило у этого индивида тормозной доминантой для того или иного адекватного действия, которое проявилось бы у него в ультрапарадоксальном состоянии как неадекватный рефлекс. И в этом случае подражание превратит заторможенное действие в активное, в возбужденное, а тем самым затормозит активное адекватное действие.

Встреча восходящей кривой неадекватных рефлексов и восходящей кривой имитативности может рассматриваться как точка возникновения механизма нового уровня торможения в физиологии высшей нервной деятельности. Этот тормозной механизм и есть интердикция, или запрет.

Но сила и многообразие имитационных рефлексов и автоматического «непроизвольного» подражания у животных не представляет эволюционно восходящего ряда: имитативность наблюдается на весьма различных уровнях филогенеза животного царства. Ее нарастание или падение — не заметны, видны лишь варианты. Если же рассмотреть подражательность в рамках одного отряда — приматов, то можно увидеть исключительное явление: огромнейший эволюционный подъем интенсивности этого свойства. В особенности нарастает подражательность, имитативность по линии от низших обезьян — к высшим, от высших — к ребенку человека, к автоматической подражательности у человека в патологии.

Шимпанзе способны овладеть даже методикой «выбора на образец»: выбрать или сделать что-либо по предлагаемому экспериментатором образцу — выбрать нужную фигурку, собрать пирамидку аналогичную постройке-образцу.

Здесь важен принципиальный результат: подражание у шимпанзе возможно не только действиям, но и результату действий — его форме, его строению. Это — качественный перелом, когда форма предмета способна стать относительно независимым стимулом подражательной активности. Он проявился и в эволюции «древнего камня» троглодитид на этапе ашэль, когда форма предмета обнаружила свое самодовлеющее значение наряду с его функциональным назначением.

Итак, налицо огромное нарастание имитативной способности в филогенезе приматов. Есть основание для экстраполяции этого вывода на следующий этап эволюции: сила и диапазон имитативности еще более возросли в семействе троглодитид, ответвившихся от понгид (антропоидов, или антропоморфных, высших обезьян), начиная с позднего плиоцена. Глубокие олигофрены — идиоты и имбецилы — в необычайной степени имитативны (эхопраксичны) по сравнению с нормальным человеком. Феноменальная имитативность наблюдается подчас у микроцефалов.

Если от патологии перейти к норме, то можно увидеть высочайшую имитативность в раннем онтогенезе у нормальных детей. У ребенка в доречевом возрасте подражание имеет больший размах и диапазон, чем у обезьян, в том числе у их детенышей: эволюционные предки современного человека обладали более сильной имитативностью, чем обладают высшие обезьяны.

По мере созревания нормального человека, с возрастом, имитативность подавляется. Она не исчезает вовсе, но сокращена, снижена, трудноуловима. Это можно проиллюстрировать на фактах нашего речевого восприятия. Рецепция звукового сигнала, т.е. физических звуков чужой речи, у человека занимает 100 миллисекунд, затем в течение 150 миллисекунд наступает беззвучная, крайне редуцированная имитация услышанных звуков. 300-400 миллисекунд уходит на распознавание звуков уже по фонемам как речевых символов, т.е. их фонетическое

«понимание». И если первая стадия свойственна всем животным, то быстро протекающая в мозгу вторая стадия говорит об эпохе высокого развития имитации в непосредственной эволюционной предыстории человека, тогда как третья — о переходе к утонченному пониманию речи современным человеком.

Прямым доказательством всего сказанного об имитативности гоминид послужат обработанные камни, сохранившиеся в отложениях четвертичной эпохи.

Все те многочисленные пресловутые «орудия труда», которыми пользовались *Homo habilis*'ы (в сущности едва ли всерьез отличимые от прочих австралопитеков), археоантропы и палеоантропы. Для психолога эти огромные серии палеолитических изделий, повторяющихся в несчетных количествах, свидетельствуют прежде всего об автоматической наработанности соответствующих действий их создателей. Номенклатура орудий насчитывает для нижнего палеолита свыше 20 названий, для среднего — свыше 60, для верхнего (позднего) — свыше 90. Согласно современным экспериментам, изготовление каменного «орудия» требует от нескольких минут до максимум получаса.

Произведем небольшой арифметический расчет. Подсчитаем на какое число поколений приходится прогрессивные сдвиги в технической эволюции палеолита. «Поколение» условно определим отрезком времени в 30 лет (таким образом, от начала Римской Империи до нынешнего времени сменилось около 70 поколений!). На историю изменений в технике и наборе изделий нижнего палеолита падает цифра порядка минимум 50 000 поколений. Если разбить этот нижнепалеолитический прогресс даже на 20 этапов (что дает очень дробную шкалу мельчайших, едва уловимых археологических сдвигов), то на каждый этап придется величина порядка 2 500 поколений. Даже в среднем палеолите на малейший сдвиг в технике изготовления орудий приходится величина порядка 200-300 поколений. Это несоизмеримо ни с какими явлениями и процессами индивидуального сознания и речевой информативной коммуникации. Тут очевидные явления этологического порядка. Эти камни свидетельствуют о трансляции от индивида к индивиду именно имитируемых манипуляций, движений, комплекса движений. Изобилие на многих палеолитических стоянках незавершенных кремниевых изделий тоже свидетельствует о том, что конечный результат лишь отчасти выверял комплектность этих подражательных действий. Т.е. «ума» еще не хватало для того, чтобы взять, да и доделать незаконченное ранее орудие.

Ранее уже было сказано о нарастании силы, частоты и многообразия неадекватных рефлексов в филогенетическом восходящем ряду животных, что позволяет экстраполировать их дальнейшее нарастание у семейства троглодитид.

Но и явление имитативности также наращивало свою СИЛУ и выраженность в пределах филогенеза отряда приматов, с естественно предполагаемой его кульминацией у того же семейства троглодитид. Невозможно отрицать, что эти два восходящих фактора не скрестились, не вступили во взаимодействие между собой у ископаемых видов этого семейства.

Интердикция и составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных. Эта специфическая форма торможения образует тот фундамент, на основе которого оказался возможным переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексы) ко второй — человеческой речи. Однако сама по себе интердикция еще не принадлежит ко второй сигнальной системе. Проявления интердикции отмечаются на очень далеких от человека участках эволюции — у птиц, у низших обезьян. Механизм интердикции заложен в глубинах первой сигнальной системы. Его можно расчленить на целую иерархию, и только верхний ее уровень, ее предельная вершина лежит у подножия первого этажа человеческой речи.

Различимы следующие уровни.

1. Этот механизм — всего лишь «отвлечение внимания», т.е. пресечение какого-либо

начатого или готовящегося действия сильным стимулом, для организма биологически бесполезным или даже вредным. Здесь интердикция еще мало отличается от простой имитации, разве что своей экстренностью.

2. Собственно интердикцией следует считать такое воздействие неадекватного рефлекса, когда имитатогенным путем в другом организме провоцируется активное выражение тормозной доминанты какого-то действия. Тем самым это действие временно «запрещается». В таком случае исходное звено — неадекватный рефлекс первого из двух организмов — отрывается от обязательной зависимости от ультрапарадоксального состояния. Он перестает быть собственно неадекватным рефлексом и может биологически закрепиться как полезный акт самообороны или даже — как активное воздействие на поведение другого индивида.

3. Высшим уровнем интердикции является такая же активизация тормозной доминанты чужого организма, но в более широкой сфере деятельности, в пределе — торможение таким способом всякой его деятельности одним интердиктивным сигналом. Предел этот недостижим на самом деле (т.к. должна оставаться какая-то резервная активность для торможения всего остального), но всё же эта генерализованная интердикция служит той ступенькой, от которой следующий шаг ведет уже к начальной ступеньке второй сигнальной системы.

Можно допустить, что и палеоантроп, подражая голосам животных других видов, в немалой части представлявшим собой неадекватные рефлексы, вызывал их имитативно-интердиктивную реакцию. Тем самым палеоантроп оказался вооруженным грозным и небывалым оружием и занял совсем особое место в мире животных. В своем еще нечеловеческом горле он собрал голоса всех животных раньше, чем обрел свой специфический членораздельный голос («и всех зверей язык узнал он»). Этот «эврибионт», даже «убиквист» (т.е. обитатель неограниченно разнообразных биотопов), был абсолютно безопасен для всех зверей и птиц, ибо он никого не убивал. Но зато он как бы отразил в себе этот многоликий и многоголосый мир; и потому смог в какой-то мере управлять поведением его представителей благодаря опоре на описанные выше механизмы высшей нервной деятельности.

Множество ученых от Уоллеса до Баллона доказывали, что человеческое мышление не является линейно нарастающим от животных предков свойством. Напротив, оно и в антропогенезе, и в онтогенезе у ребенка сначала вредно для каждого индивидуального организма, делает его беспомощнее по сравнению с животным. Лишь дальнейшее его преобразование понемногу возвращает ему индивидуальную полезность. Так как же, если исключить всякую мистику, объяснить это «неполезное» свойство? Ведь естественный отбор не сохраняет «вредных» признаков. А нейтральным признаком данное свойство не назовешь. Возможно лишь одно объяснение: значит оно сначала было полезно не данному организму, а другому, не данному виду (подвиду), а другому.

Таким образом, можно набросать предположительную схему дивергенции троглодитид и гоминид, начавшейся еще в мире поздних палеоантропов и завершившейся лишь с окончательным оформлением *Homo sapiens sapiens*. Поздние мустьерцы, в высочайшей степени освоив сигнальную интердикцию в отношении зверей и птиц, наконец, возымели тенденцию распространить ее и на себе подобных. Эта тенденция в пределе вела бы к полному превращению одних в «кормильцев», других в «кормимых». Но с другой стороны, она активизировала и нейрофизиологический механизм противодействия: асуггестивность, неконтактность.

Именно здесь мы встречаемся с нарушением эволюционного процесса, прекращения его классического поступательного шествия, на человеке эволюция спотыкается. Как указывал еще Дарвин, если бы у какого-либо вида был найден признак, полезный другому виду или даже — с учетом внутривидовой борьбы — другой особи того же вида, это оказалось бы неразрешимой проблемой для теории естественного отбора. Именно таким признаком, и такой проблемой стал

для теории эволюции рассудок и антропогенез. Дарвинизм, как, впрочем, и новейшие интерпретации эволюционизма, неприменимы к антропогенезу.

У человека работу центральной нервной системы можно разделить на три блока.

1). Сенсорно-афферентный, т.е. осуществляющий прием, анализирование, ассоциирование разнообразнейших раздражений.

2). Эффекторный, т.е. осуществляющий двигательные и вегетативные реакции, в том числе большие системы действий с их поэтапной корректировкой.

3). Суггестивный, т.е. осуществляющий замену указаний, поступающих с первого блока, или ответов, свойственных второму блоку, другими, вызываемыми по второй сигнальной системе. Функцию эту можно назвать «регулирующей», здесь идет речь о регулировании, по происхождению своему — межиндивидуальному. Функция, которая была раньше разделена между двумя индивидами, становится способом самоорганизации деятельности одного индивида, интерпсихическое действие превращается в интра-психическую саморегулирующуюся систему: и связано это с преобразованием суггестии в контрсуггестию.

Образование этого третьего блока имеет свою эволюционную базу в высшей нервной деятельности у животных, и приходит к своему непосредственному кануну у палеоантропов (троглодитов). Но у *Homo pre-sapiens* происходит кардинальное преобразование — переход интердикции в суггестию. В морфологии головного мозга этому соответствует появление весьма развитого префронтального отдела лобной доли коры, в особенности верхней его части, за счет крутого уменьшения объема затылочной доли, которая в филогенезе троглодитид неуклонно и интенсивно развивалась. Именно тут, в префронтальном отделе, осуществляется подчинение действий человека словесной инструкции (идущей от другого или от самого себя) — оттормаживание остальных реакций и избирательная активизация нужных нейрофизиологических систем.

Таким образом, у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т.е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения.

Интердикция — это вызов состояния парализованности возможности каких-либо действий за исключением вызванного имитационной провокацией. Эту высшую форму интердикции можно в принципе считать низшей формой суггестии.

Однако это лишь зачаток суггестии, ибо под собственно «внушением» понимается возможность навязывать многообразные и в пределе любые действия. Последнее предполагает возможность их различать и обозначать.

Таким образом, мозг *Homo sapiens sapiens* усовершенствовал не пресловутый «труд» одиночек, а выполнение императивного задания, т.е. специфическое общение (суггестия). Но тем самым суггестия несет в себе и противоречие: зачинает согласование двух сигнальных систем, из противопоставления которых она изошла. Но и это противоречие оказалось продуктивным: оно привело к контрсуггестии на более позднем этапе становления человечества.

В результате, парадоксальное, абсурдное свойство «и-и» («и то — и не то») становится высочайшей спецификой суггестии в ее окончательном виде.

То, что невозможно для отдельного организма (одновременная реакция на два противоположных стимула), возможно в отношениях между двумя организмами, ибо второй организм реагирует не прямо на эти стимулы, а посредством реакций первого, выражающих и несовместимость стимулов и одинаковость их действия.

Для второго индивида это реагирование первого — внешняя картина, а не собственное

внутреннее состояние. Он-то может совместить отдифференцированные в мозгу первого индивида звук и предметное действие, слово и вещь, и адресовать такой сдвоенный сигнал обратно первому (или кому-нибудь). И тот испытает ПОТРЯСЕНИЕ!

Это выявленное и выделенное здесь совершенно уникальное явление назовем «дипластией». Полустершимися следами, но достаточными для демонстрации природы дипластии могут послужить метафоры, или еще больше — речевые обороты заклинаний. Дипластия — это неврологический, или психический, присущий только человеку, феномен отождествления двух элементов, которые одновременно абсолютно исключают друг друга. На языке физиологии высшей нервной деятельности это затянутая, стабилизированная ситуация «сшибки» двух противоположных нервных процессов, т.е. возбуждения и торможения. Но при «сшибке» у животных они, после нервного срыва, обязательно снова разводятся, а здесь остаются как бы внутри скобок суггестивного акта.

Дипластия — единственная адекватная форма суггестивного раздражителя ЦНС: незачем внушать человеку то, что порождает его собственные ощущения и импульсы, но мало того, чтобы временно парализовать последние, внушающий фактор должен лежать вне норм и механизмов первой сигнальной системы. Этот фактор в лице дипластии биологически «бессмыслен»,

«невозможен» и вызывает реакцию на таком же уровне — как бы невротическом, но далеко не мимолетном, а постоянном для сферы общения. То, что у животных — катастрофа, здесь в антропогенезе, используется как фундамент новой системы. То, что у животных физиологи традиционно (хотя и вряд ли верно) рассматривают как патологию нервной системы, в генезисе второй сигнальной системы преобразуется в устойчивую форму. «Ультрапарадоксальная фаза» для человека в отношении высшей нервной деятельности на уровне второй сигнальной системы стала пожизненной, лишь несколько отступая в пожилом возрасте (что ошибочно воспринимается, как умудренность, на самом же деле это — потеря нюансов в мыслях).

Создание устойчивых нелепостей, или абсурдов, типа «то же, да не то» и было тем самым выходом на уровень, невысказанный в нервной деятельности любого животного. Последующая история ума была медленной эволюцией средств разъединения элементов, составляющих абсурд, или дипластия. Этому противоречивому объединению соответствует какая-то эмотивная реакция, которая свидетельствовала об абсурде и нуждалась в нём. Следом этого остается факт, выраженный в т.н. законе А.Элькоста: всякое человеческое чувство в норме амбивалентно (внутренне противоречиво). Дипластия воспроизводит как раз то одновременное наличие двух противоположных друг другу раздражений, которое «срывает» нормальную ВЫСШЮЮ нервную деятельность у животных.

Животное имеет дело либо с «тем же» раздражителем, не отличая новый от прежнего, т.е. пренебрегая их различиями, либо «не с тем», т.е. дифференцируемым. Напротив, то отождествление, о котором идет речь, ничего общего не имеет с их смешением: где есть смешение, там нет удвоения, нет обобщения. Дипластия — такая операция, где между двумя предметами или представлениями налицо 1) очевидное различие или независимое бытие и 2) сходство или слияние. Если нет и того и другого хоть в какой-то степени — отождествление невозможно.

Создание дипластии — сублогика: преодоление дипластии — формальная логика. Преодоление дипластии можно определить также, как деабсурдизацию абсурда. Обычно абсурд (бессмысленность, нелепость) выступает просто как невыполнение условий логики. Но можно и перевернуть: логика — это невыполнение условий абсурда. И получится тогда более широкое обобщение.

Условия абсурда — это противопоставления трем основным законам логики: 1) обязательность многозначности (минимум двусмысленности), т.е. А и А. 2) обязательность

противоречия. 3) вместо «или-или» — «и-и». В таком случае, всякую логичность следует рассматривать как нарушение этих правил. Далее, есть возможность эти формулировки свести к одной позитивной. А именно, формулой абсурда может служить $A = B$. Два элемента — A и B — различны, но они и тождественны.

Оба элемента пары, по определению, должны быть столь же несовместимы друг с другом, как нейрофизиологические явления возбуждения и торможения. И в самом тесном слиянии они не смешиваются. Собственно, к физиологическому антагонизму возбуждения и торможения восходит всякое явление функциональной оппозиции в человеческой психике, включая речь (фонологическая и синтаксическая оппозиция). Но человек в дипластии не может сливать возбуждение и торможение, — он может сливать в дипластии два раздражителя противоположного знака.

Эта спайка — явление особого рода: в глубоком прошлом бессмыслица внушала священный трепет или экстаз, с развитием же самой речи, как и мышления, бессмысленное провоцирует усилия осмысления. «Речь есть не что иное, как осмысление бессмысленного». Дипластия под углом зрения физиологических процессов — это эмоция, под углом зрения логики — это абсурд...

Но это не значит, что дипластия принадлежит исчезнувшему прошлому.

Прошлое живет. Не видно, чтобы люди склонны были отказаться от ее чар, лежащих во всё, что священо и таинственно, что празднично и ребячливо.

Растущий строгий ум туго и многообразно переплетен в цивилизациях мира с доверчивым бездумьем и с причудливыми фантазиями.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ

Теперь видно, что главной проблемой антропогенеза уже становится не морфологическое отличие *Homo sapiens* от предковой формы, а его реальные отношения с ней. Человек не мог не находиться в тех или иных отношениях с видом, от которого он стал отличаться и отделяться. Наука об антропогенезе должна стать наукой о конкретных биологических отношениях людей и той предшествовавшей формы, от которой они ответвились. Это были отношения и биогеографические, и экологические, отношения конкуренции, симбиоза или паразитизма, наконец. Главное внимание в этой науке должно быть перенесено на вопрос о реальных отношениях людей с его предковой формой. В науках о человеке должен произойти сдвиг, который можно сравнить лишь с копернианской революцией.

Пора отбросить все те несуразицы, которыми замусорена проблема становления *Homo sapiens*. Научной несообразностью является взгляд, будто все особи предкового вида превратились в людей. Еще бессмысленнее думать, что они перестали рождаться на свет с тех пор, как некоторые путем мутации стали людьми. Не лучше и идея, что немногие, ставшие людьми, в короткий срок лишили кормовой базы всех оставших и те быстро перемерли: на Земле до сих пор остается довольно пищевых ресурсов для множества видов животных. Упорно избегается тема о реальных взаимоотношениях двух разновидностей вида *Troglodytes*, в ходе этих взаимоотношений ставших подвидами, а затем и разными видами, продолжая и на этом таксономическом уровне находиться в биологических отношениях друг с другом (таких, как промискуитет и каннибализм).

И что касается человека (*Homo sapiens*), то он появляется всего лишь 35-40 тысяч лет тому назад. Его исторический марш, обгоняющий темпы изменения окружающей природы, т.е. обретающий относительное самодвижение и ускорение (при неизменности телесной организации), начинается и того много позже. Начало такого самодвижения следует отсчитывать лишь с неолита, эти недолгие восемь тысяч лет человеческой истории по сравнению с масштабами биологической эволюции можно приравнять к цепной реакции

взрыва. История людей — взрыв! В ходе ее сменилось всего несколько сот поколений.

Толчком к взрыву послужила бурная дивергенция двух видов — Troglodytes (палеоантропов) и Homo pre-sapiens, стремительно отодвигавшихся друг от друга на таксономическую дистанцию подвидов, видов, родов, семейств и, наконец, на дистанцию двух различных уровней самоорганизации материи — биологической и социальной. Только существование крайне напряженных экологических отношений между обоими дивергирующими видами может объяснить столь необычайную быстроту данного ароморфоза: отпочковывания нового, прогрессивного вида. К тому же, с самого начала дивергенция не сопровождалась размежеванием ареалов. Наоборот, в пределах одного ареала происходило крутое размежевание экологических ниш и форм поведения.

Следовательно, перед нами продукт действия некоего особого механизма отбора, противоположного дарвиновскому, «естественному». Уж очень специфично то, что возникло: вид, отличающийся инверсией процессов высшей нервной деятельности:

«животное наоборот».

И проблема антропогенеза в точном и узком смысле сфокусирована на сравнительно недолгом интервале времени, но крайне насыщенном. «Загадка человека» полностью включена в неисчерпаемо сложную тему дивергенции палеоантропов и Homo pre-sapiens. В переводе на хронологию длина этого интервала всего лишь 15-25 тысяч лет, на нём-то и укладывается всё таинство дивергенции, породившей людей.

Практически все сообщества высших животных строят свои взаимоотношения иерархически, образуя привилегированные ступени из альфа-, бета-, гамма— (и т.д.) особей. И всегда существует определенный уровень внутривидовой агрессивности. Понятно также, что это «неравноправие» должно обостряться в неблагоприятных, экстремальных условиях. Но лишь у позднейших гоминид (троглодитов), предтеч людей, это «иерархическое строительство» дошло до устойчивой смертоносной агрессивности, что и привело к осознанию (уже — человеком!) реальной смертельной опасности, исходящей от внешне такого же как и он сам существа. «Такой — да не такой» («Федот, да не тот!») — это и была та самая первая дипластия, тот страшный абсурд, который привел к первейшему проблеску гоминизации животного, что и стало детонатором взрывоподобного становления рассудка.

Именно таким образом и происходит страшное открытие человека (также и в смысле открытия нового — уже собственно человеческого — пути): «Я могу быть убит таким же существом как и Я!!» И в этом озарении-прозрении заключалось буквально всё: и само-осознание, «овладение собой, как предметом» [2], и вероятностное прогнозирование будущих событий, т.е. всё то, на чём зиждется человеческий рассудок.

Одновременно при этом само-осознании (иначе говоря — при рождении рассудка) происходит и неизбежное запечатление, или т.н. «импринтинг», хищного поведения, в результате которого убийства себе подобных предстают перед рассудочным человеком на долгие века как естественные. В этом плане страшный «импринтинг человекоубийства», ставший величайшим трагическим заблуждением человечества, видится как высочайшая цена, уплаченная людьми за приобретение ими рассудка.

Часто говорят о непомерно быстром образовании вида Homo sapiens из родительской формы Troglodytes, хотя никаких «обычных» темпов образования видов не существует. Но в нашем случае дело идет не о далеких биологических видах, а раздвоении единого вида. Вот как раз вполне «бессознательным» и стихийным интенсивным отбором палеоантропы и выделили из своих рядов особые популяции, ставшие затем особым видом. Обособляемая от скрещивания форма, видимо, отвечала прежде всего требованию податливости на интердикцию. Это были «большелобые». В них вполне удавалось подавлять импульс убивать палеоантропов. Но последние могли поедать часть их приплода. «Большелобых» даже удалось побудить

пересилить инстинкт «не убивать», т.е. заставить их убивать для палеоантропов, как «выкуп», разных животных, хотя бы больных и ослабевших, вдобавок к прежним источникам мясной пищи.

Внутривидовой агрессор — биологический палеоантроп, первоубийца явился как бы «злым гением» человечества (в гегелевском оформлении этого понятия, т.е. как мать является «гением» своего ребенка: здесь, конечно же, подразумевается внеэтический аспект). Совершив патологический переход к хищному поведению по отношению к своему же виду, палеоантроп-агрессор принес в мир гоминид страх перед «ближним своим». Закрепляясь генетически, этот страх стал врожденным. Это «страшное наследие» проявляется у людей уже в раннем детстве в форме «боязни посторонних», когда пяти-семимесячный ребенок начинает отличать «своих» от «чужих» и испытывает страх при приближении незнакомого человека, хотя и не имеет отрицательного опыта общения с ним.

Реакция «боязни посторонних» наблюдается у всех народов мира.

Вспомним обряды инициации. Суть их состоит в том, что подростков, достигших половой зрелости (преимущественно мальчиков), выращенных в значительной изоляции от взрослого состава племени (в особых домах), подвергают мучительным процедурам и даже частичному калечению, символизирующим умерщвление. Этот обряд совершается где-нибудь в лесу и выражает как бы принесение этих подростков в жертву — на съедение лесным чудовищам. Последние являются фантастическими замещениями некогда совсем не фантастических, а реальных пожирателей-палеоантропов: как и само действие являлось не спектаклем, а подлинным умерщвлением. Надо думать, что этот молодняк, вскормленный, или вернее, кормившийся близ стойбищ (в загонах?) на подножном растительном корму до порога возраста размножения, умерщвлялся и служил пищей для палеоантропов. Лишь очень немногие (отбираемые палеоантропами по «большелобости») могли уцелеть и попасть в число тех взрослых, потомки которых затем отпочковались от палеоантропов, образовав мало-помалу изолированные популяции кормильцев (данников) этих палеоантропов, — в итоге всё же уничтоженных: это сделал уже *Homo sapiens sapiens*. Этот ароморфоз был достаточно локальным феноменом: по данным современных генетических исследований человеческого гемоглобина выяснилось, что всё человечество является потомками всего лишь 600-1000 предковых мужских особей.

Есть и еще один совершенно специфический факт, который тоже локализован в данном хронологическом интервале: расселение ранних *Homo sapiens* по обширной ойкумене, чуть ли не по всей пригодной к обитанию территории нашей планеты, включая Америку, Австралию, Океанию. Эта дисперсия человечества по материкам и архипелагам Земного шара по своей стремительности тоже может быть уподоблена взрыву. За эти полтора-два десятка тысячелетий кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один вид животных вообще никогда не мог бы преодолеть.

И нельзя свести это рассеяние людей по планете к тому, что им не хватало кормовой базы на прежних местах, так же, как и нельзя сказать, что люди в верхнем плейстоцене расселялись из худших географических условий в лучшие, — имело место и противоположное. Им не стало «тесно» в хозяйственном смысле, им несомненно стало тесно в смысле трудности сосуществования с себе подобными. Они старались отселиться от палеоантропов, которые биологически утилизировали их в свою пользу, опираясь на мощный и неодолимый нейрофизиологический аппарат интердикции. Они бежали и от соседства с теми популяциями *Homo sapiens sapiens*, которые сами не боролись с указанным фактором, но уже развили в себе высокий аппарат суггестии и перекладывали тяготы на часть своей и окрестных популяций. И палеоантропы и эти «суггесторы» понемногу географически перемещались вслед за такими беглецами переселенцами. Наконец, Земной шар перестал быть открытым для свободных перемещений, и его поверхность покрылась т.н. антропосферой, или системой взаимообособленных ячеек, пользующихся своим собственным языком, как средством защиты

— помощью непонимания — от чужих повелений и агрессивных устремлений.

Важно также и то, что эти первобытные социальные образования в общем всегда эндогамны. Этнос или другой тип объединения людей всегда служит препятствием для брачно-половых отношений с чужими. Ведь несомненно, что к главнейшим механизмам дивергенции с палеоантропами принадлежало избегание скрещивания. Так что эндогамия, разделившая человеческий мир на взаимно обособленные ячейки, сделавшая его причудливой сетью расово-национальных этносов, была следствием дивергенции, как бы возведенным в степень, получившим совершенно иную функцию.

И всё же это взаимное избегание первобытных популяций было слишком запоздалым средством для того, чтобы таким образом защититься от скрещивания с палеоантропами-адельфофагами. Ибо самое страшное уже произошло: потомки этих первоубийц уже прочно вошли в состав рода людского в результате первобытного промискуитета на самой ранней стадии становления человечества — адельфофагической.

Слишком просто было бы считать, что ранние *Homo pre-sapiens* состояли из внушающих (суггесторов) и внушаемых (суггерендов), и эти вторые поддавались воздействию влиянию (инфлюации) первых. Так же просто было бы и полагать, что каждая особь играла то одну роль, то обратную, нисколько не срастаясь с ними. Но обе эти модели слишком просты, чтобы быть истинными.

Метаморфозы суггестии вполне согласуются с иной антропологической моделью.

Более вероятно, что существовало как минимум три соучаствующих стороны. И воздействие суггестии направляется лишь на того, кто не владеет «кодом» самозащиты, либо происходит обращение, наоборот, к владеющему таким кодом (соучастнику). Здесь слову «код» возвращается его истинное значение, утраченное кибернетикой: «код» может быть только укрытием чего-то от кого-то, и подразумевает трех участников: кодирующего, декодирующего и акодирующего (не владеющего кодом).

Соответственно, существовало три градации в неустойчивом переходном мире становления раннего человечества. *Homo pre-sapiens*. 1. Еще весьма близкий к биологическому палеоантропу, т.е. полунандерталоидный тип, использующий примитивную, летальную для его «собеседников», роковую и неодолимую (до поры до времени) интердикцию. 2. Средний, промежуточный тип, который способен имитировать действия первого типа, но в итоге неспособный ему противостоять, суггестор-имитатор: первобытный манипулятор. 3. Наиболее продвинутые в сторону сапиентации (оразумления), но практически неспособные противостоять воздействию первых двух типов, суггеренды. Все вместе они, по крайней мере первый и третий тип, находились в биологическом противоречии, каковому противоречию и соответствует первоначальная «завязь» суггестии. Она достигает всё большей зрелости внутри этого мира ранних *Homo pre-sapiens*, причем наиболее элементарные формы суггестии действительно по отношению к более примитивному типу (так и оставшемуся животным), а более сапиентные варианты *Homo pre-sapiens* избегают воздействия суггестии благодаря вырабатываемым предохранительным ограждениям (непонятность, кодирование).

Чем более усложненный вариант суггестии устанавливается во взаимоотношениях уже между более сапиентными формами, тем более он становится «непонятным» для отставших, отбрасываемых назад, в мир животных.

Здесь в последний раз (?) по отношению к *Homo sapiens sapiens* (точнее, к *Homo pre-sapiens*) применяет свое энергичное (необычайно!) воздействие естественный отбор, закрепляя формирование соответствующих нейродинамических устройств (эхололических, парафизических и др.) в мозге становящегося человека. Средний суггесторный тип размывался, и всё дальше от этой уже человеческой эволюции суггестии оставался на биологическом уровне неандерталоидный тип.

Полная зрелость суггестии отвечает завершению дивергенции человека с палеоантропами (троглодитами). К этому времени среди самих *Homo sapiens* уже распространилось взаимное обособление общностей по принципу «кодирования» своей общности от чужих побуждений, т.е. возникла самозащита «непониманием» от повелений и поведенческих норм, действительных лишь среди соседей.

Но «уйти чисто» из животного мира, «не замазавшись», «человеку разумному» не удалось. В составе человечества остались прямые потомки тех самых первоубийц (предельно близких к биологическим палеоантропам — троглодитам), а также и потомки их подражателей — суггесторов-манипуляторов.

В результате всех этих процессов антропогенеза (точнее, антропоморфоза) в неустойчивом, переходном мире становления раннего человечества образовалось весьма и весьма специфическое, очень недружественно настроенное по отношению к друг другу семейство рассудочных существ, состоящее из четырех видов. В дальнейшем эти виды всё более и более расходились по своим поведенческим характеристикам. Эти виды имеют различную морфологию коры головного мозга.

Два из них являются видами хищными, причем — с ориентацией на людей!

Человечество, таким образом, представляет собой поэтому не единый вид, но уже — семейство, состоящее из четырех видов, два из которых необходимо признать хищными, причем с противоестественной ориентацией этой хищности (предельной агрессивности) на других людей, в том числе и на представителей собственных же видов.

Хищность определяется здесь, как врожденное стремление к предельной или же чудовищно сублимированной агрессивности по отношению к другим человеческим существам. Именно эта противоестественная направленность (на всех подряд) и не позволила — из-за внешней неразличимости — образовать видовые ареалы проживания, а привела к возникновению трагического симбиоза, трансформировавшегося с течением времени в нынешнюю социальность.

Первый вид (хищный!) — это палеоантропы (или неотроглодиты), предельно близкие к своему дорассудочному предшественнику, «биологическому прототипу» — подавлявшему с помощью интердикции волю сородичей и убивавшему их. Это мрачные злобные существа, зафиксированные в людской памяти с самых ранних времен, в частности, в дошедших до нас преданиях о злых колдунах-людоедах. Им больше всего подходит название суперанималы (сверхживотные).

Второй вид (также хищный) — это суггесторы, успешно имитирующие интердиктивные действия «палеоантропов», но сами всё же не способные противостоять психическому давлению последних.

Третий вид (уже нехищный) — диффузный. Это те самые суггеренды, не имеющие средств психологической защиты от воздействия жутких для них, парализующих волю к сопротивлению импульсов интердикции. Это — «человек разумный».

Четвертый вид — это неоантропы, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но сформировавшиеся несколько позднее. Они более продвинуты в направлении сапиентации, оразумления, и способны — уже осознанно — не поддаваться магнетизирующему психологическому воздействию интердикции.

«Неоантропов» следует считать естественным развитием диффузного вида в плане разумности.

Именно эта классификация, на наш взгляд, является кардинальной, видовой типологией людей.

Все остальные систематизации человеческих типов от Гиппократов до К.Юнга, Э.Кречмера и Т.Адорно классифицируют людей лишь по второстепенным и опосредованным характеристикам. Все они как бы с разных позиций «очерчивают» внешние, поверхностные признаки человеческого «головоломного кубика» или же выделяют и описывают отдельные его «ребра». «Кардинальная» же, видовая типология сравнима с разъединением «человеческой головоломки» на свои составные части, после чего ее загадочность исчезает.

Иллюстративно сравнение человечества с семейством *Canis* (Псовые), в котором примерно так же соотносятся между собой волки, шакалы и собаки разнообразнейших пород — этих последних абсолютное большинство. И в нашем контексте понимания хищности карликовая такса гораздо ближе и роднее огромному сенбернару, нежели волк — по отношению к овчарке. т.е. хотя этих последних и отличить-то внешне друг от друга затруднительно, тем не менее самое важное различие между ними состоит в том, что такой «серый братец по крови» может запросто и с превеликим удовольствием сожрать зазевавшуюся подругу.

Как из теории естественного отбора Ч. Дарвина «торчат уши» происхождения человека из животного мира (кстати, тезис о том, что «человек произошел от обезьяны» принадлежит не Дарвину), а его последователям: Фохту, Геккелю и Гексли, почти одновременно пришедшим к этой мысли), так и из концепции Б.Ф.Поршнева следует непреложный вывод о видовой неоднородности человечества. Профессор Поршнева работал над своей монографией более четверти века, и последние годы (конец 60-х) совпали со всемирным истерическим бумом поисков «снежного человека». И это обстоятельство не могло не сказаться на позиции ученого. Он был настолько уверен в правильности собственной концепции, что посчитал окончательным ее доказательством поимку снежного человека, «реликтового палеоантропа», по его мнению. Всё это отвлекло внимание великого ученого, и он прошел мимо предположения о возможности нахождения этих «йети», «мизге» в составе рода человеческого. И конечно же, преждевременная смерть ученого явилась огромной утратой для всей мировой науки в деле исследования «важнейшего вопроса всех вопросов».

Использование здесь ставшего столь знаменитым, благодаря Ч.Дарвину, понятия «вид» возможно вызовет некоторое недоумение у лиц, чрезмерно обеспокоенных видовой чистотой человечества и потому способных усмотреть в этом несомненное покушение на постулат о биологическом единстве людей. Но так как описываемые человеческие различия относятся к морфологии коры головного мозга, имеющего всё же некоторую специфику и ряд существенных отличий от соответствующего органа у животных, то проявления этих различий имеют свои особенности. И относятся они главным образом к мыслительной деятельности, к нравственности, т.е., к параметрам, не имевшим до сих пор иной классификации кроме эмоционального к себе отношения и предвзятых оценок в русле субъективных трактовок понятий «добра» и «зла». В связи с этим, таксономическое определение «вид», как совокупность особей дающих репродуктивное потомство, в применении к человечеству очевидно нуждается в некоторой расширительной интерпретации, ибо значительная часть процессов вырождения и вымирания межвидовых гибридных потомков проходит в более сложных, уже в «социально-обставленных» формах. Главное же то, что указываемые различия между нехищными людьми и суггесторами и тем более суперанималами столь существенны и значимы по своим социальным следствиям, что именно они оказываются ныне решающим фактором в вопросе выживания человечества.

Дело в том, что к хищным видам не применимы основные человеческие качества: нравственность, совесть, сострадание. Эти существа приносят в мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность. Поэтому с гуманистической позиции их нельзя, в принципе, называть людьми. Это жестокие и коварные животные, хотя и весьма сообразительные. И если уж называть вещи своими именами, то правильнее всего будет

определить представителей хищных человеческих видов, как хищные гоминиды. Или, еще более точно, палеоантропы (неотроглодиты) — это сверхживотные (superanimal'ы), а подражающие,

«вторящие» им суггесторы-манипуляторы — это как бы некие оборотни, или псевдолюди.

И именно видовая неоднородность делает жизнь человечества столь нестабильной и чреватой самыми ужасными последствиями. Хищные гоминиды ныне — это т.н. «сильные мира сего», и их неразумное владычество привело всё живое на Земле на грань гибели. Но всё же надежда умирает последней, и быть может, более правильное и объективное рассмотрение человеческих проблем, с учетом видовых различий, укажет пути к спасению...

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.Ф. Поршнева, «О начале человеческой истории», М., 1974.
2. Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека», М., 1987.
3. Торстейн Веблен, «Теория праздного класса», М., 1983.
4. Фридрих Ницше, «Воля к власти», М., 1996.
5. Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра», М., 1990
6. Эверетт Шостром, «Анти-Карнеги», М., 1994.
7. Вильгельм Райх, «Психология масс и фашизм», С-П., 1997
8. Артур Шопенгауэр, «Свобода воли и нравственность», М., 1992.
9. П.Ф. Лесгафт, «Школьные типы. Антропологический этюд», М., 1971.
10. Конрад Лоренц, «Агрессия. Так называемое Зло», М., 1994.
11. Б.А. Диденко, «Сумма антропологии», М., 1992.
12. Б.А. Диденко, «Цивилизация каннибалов», М., 1996.
13. Поль де Крюи, «Борьба за жизнь», М., 1957.
14. Л.Н. Гумилев, «Этногенез и биосфера Земли», Л., 1990.
15. Альберт Швейцер, «Благоговение перед Жизнью», М., 1981.
16. Аристотель, «Политика», (Собр. соч. в 4-х томах, М., 1984).
17. П.П. Гаряев, «Волновой геном», М., 1995.
18. Г.К. Честертон, «Вечный человек», М., 1991.
19. Сирил Паркинсон, «Законы Паркинсона», М., 1989.
20. В.М. Кайтуков, «Эволюция диктата», М., 1992.
21. Б.Н. Ельцин, «Исповедь на заданную тему», М., 1992.
22. Адольф Гитлер, «Моя борьба», М., 1992.
23. И.Л. Солоневич, «Народная монархия». М., 1991.
24. Т.М. Глушкова, «Хищная власть меньшинства», «Наш Современник», N4, 1991.
25. А.Г. Дугин, «Геополитика», С-П., 1997.
26. А.А. Зиновьев, «Запад. Феномен западнизма», М., 1995.
27. В.Ф. Педоренко, Р.А. Педоренко, «Твоя судьба», М., 1996.
28. М.М. Пришвин, «Зеркало человека», М., 1985.
29. И.С. Кон, «В поисках себя: личность и ее самосознание», М., 1984.
30. Юлиус Фучик, «Репортаж с петлей на шее», М., 1983.
31. П.М. Хомяков, «Национал-прогрессизм», М., 1994.